СИБИРСКИЕ РУССКИЕ ГОВОРЫ

СИБИРСКИЕ РУССКИЕ ГОВОРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1984

Сибирские русские говоры: Сб. статей./Под ред. В. В. Палагиной.— Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984.— 11 л.— 1 р. 60 к. Тираж 500 экз. 4602000000.

В сборнике представлены результаты изучения лингвистами Сибири различных сторон русских сибирских говоров.

Основное внимание уделено лексике и словообразованию, некоторые статьи посвящены источниковедению, а также грамматическому строю и фонетике диалектов Сибири.

Для филологов, занимающихся русистикой, преподавателей вузов и школ, студентов филологических факультетов.

С $\frac{4602000000}{177(012)-83}$ 137—84

О. И. БЛИНОВА

НОСИТЕЛИ ДИАЛЕКТА — О СВОЕМ ДИАЛЕКТЕ

(об одном из источников лексикологического исследования)

«...Объективность исследования в значительной степени зависит не только от методов исследования, но и от состава тех источников, на которых оно построено...»[1] Это высказывание не нуждается в дополнительной аргументации: чем шире круг используемых источников, тем полнее и объективнее исследование. Поэтому закономерным представляется в наши дни повышенный интерес к лингвистическому источниковедению вообще и к отдельным источникам в частности.

Внимание ученых не раз привлекал к себе такой источник, как высказывания носителя языка (диалекта) о своем или чужом языке (диалекте), иначе говоря, — показания современного «языкового сознания» (у Ф. Энгельса — «народное сознание»[2], у И. А. Бодуэна де Куртене — «чутье языка народом»[3]), т. е. результаты осмысления носителем языка или диалекта отдельных элементов его структуры, различных языковых явлений, норм и т. д., свидетельства индивидуального речевого опыта, составляющего частицу коллективного языкового опыта говорящих.

К показаниям языкового сознания носителей говоров (далее сокращенно — ПЯС) обращались Ф. Энгельс, И. А. Бодуэн де Куртене, Н. М. Каринский, Л. В. Щерба, Л. А. Булаховский и др. И. А. Бодуэн де Куртене подчеркивал, что «чутье языка народом не выдумка, не субъективный обман, а

---

[1] Котков С. И. О развитии лингвистического источниковедения. — ВЯ, 1968, № 2, с. 140.

[2] Энгельс Ф. Франкский диалект. (Гл. из работы «Франкский период»).—К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е, М., 1961, т. 19, с. 425.

[3] Бодуэн де Куртене. Некоторые общие замечания о языке. — В кн.: Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, с. 50.

категория (функция) действительная, положительная, которую можно определить по ее свойствам и действиям, подтвердить объективно, доказать фактами»[4]. Ф. Энгельс при критическом анализе группировок говоров немецкого языка, доказывая надуманность выделения отдельных немецких диалектов, апеллирует к данным «народного сознания» носителей немецких говоров. «Говор Нейса, — пишет он, — тождествен с говорами Крефельда и Мюнхен-Гладбаха до мелочей, даже не слышных для чужого уха. И, несмотря на это, один из них объявляется среднефранкским, а другой — нижнефранкским. Говор бергского промышленного района незаметными ступенями переходит в говор юго-западной рейнской равнины. И тем не менее они якобы принадлежат к двум в корне различным группам. Для всякого, кто в этих местах у себя дома, очевидно, что в данном случае кабинетная ученость втискивает малоизвестные или совсем не известные ей живые народные говоры в прокрустово ложе apriori сконструированных признаков»[5].

В середине XX в. предпринимаются попытки осмыслить роль ПЯС в лингвистическом исследовании[6] и, в частности, для решения отдельных лексикологических задач[7]. Высокая эффективность данных языкового сознания была доказана в исследовании Л. Н. Дзекиревской, изучавшей стилистическую дифференциацию лексики немецкого языка[8].

---

[4] Там же.

[5] Энгельс Ф. Указ. работа, с. 531.

[6] Кубарев Е. М. О языковой интуиции и объективности лингвистического анализа. (Обзор, полемика и некоторые выводы). — В сб.: Вопросы диалектологии и истории русского языка. Куйбышев, 1970.

[7] См., например, работы: Ухмылина Е. В. О языковой сознательности носителей говора (На материалах высказываний о языке). — Учен. зап. Горьк. ун-та им. Н. И. Лобачевского, в. 76, серия лингвистическая, Волго-Вятское изд-во, 1967; Коготкова Т. С. Некоторые наблюдения над лексикой современного говора (на материале русского языка). — В кн.: Язык и общество. М., 1968; Кессельман И. С. К вопросу об использовании интуиции в лексикологическом исследовании. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Тез. докл., Новосибирск, 1969, в. 2, ч. 1; Кирпикова Л. В. Использование фактов языковой компетентности носителей говора в лексикологическом исследовании. — В сб.: Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1972; Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973; Лыжова Л. К. О языковом сознании носителей диалекта и формирование стилистических оценок в диалектной лексике. — В сб.: Русская диалектная и народно-поэтическая речь. Воронеж, 1976.

[8] Дзекиревская Л. Н. Метод опроса информаторов как метод объективного определения стилистической окраски слов. — В сб.: Тезисы

В настоящей статье на основе собранного материала — высказываний носителей среднеобских говоров[9] и результатов имеющихся работ, рассматривается вопрос о возможностях и границах использования ПЯС в лексикологическом изучении местных диалектов.

***

В интересной и содержательной статье Е. В. Ухмылиной «О языковой сознательности носителей говора» на базе привлечения значительного материала выявлено, что «носители говора осознают диалектную дифференциацию русского языка, ...задумываются над происхождением говоров, обращают внимание на взаимное влияние говоров, на различие «городского» и «деревенского» языка, на влияние литературного языка на территориальные диалекты, на изменение говоров...»[10]. Названные сферы проявления «языковой компетентности» (Л. В. Кирпикова) носителей говора, которые иллюстрируют и собранный для настоящей статьи материал, имеют прямую связь с решением соответствующих вопросов диалектной лексикологии.

Итак, каковы возможности ПЯС как источника лексикологического изучения говора?

1. Осознание носителями говора территориальной дифференциации языка[11] способствует выявлению диалектных лексических различий, как правило, на уровне отдельного слова. Сведения о лексических соответствиях нередко сопровождаются их локальной характеристикой:

— Сварют картошку и толкут, масла добавют и всё, вот и толчёнка. А дубровские говорят «густяк». Каждый по-свое-

---

и аннотации научной конференции МКИ. М., 1964. Ее же. Система стилистических оппозиций лексических значений слов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1965.

[9] Использованы материалы диалектологических экспедиций кафедры русского языка Томского университета 1946—1977 гг. (хранятся в кабинете русского языка ТГУ).

[10] Ухмылина Е. В. Указ. раб., с. 168.

[11] Дополнительные тому свидетельства: — В Попадейкино пришепетывают, говорят «игурцы», а у нас чистый разговор (Том. Белоб.). Наверно, псковские. Если тоболяк — по наречию узнашь, пермяк — тоже свое (Зыр. Зыр.). Кажный по-своему говорит, наречия у кажного своя (В.-Кет. Ат.). А по-чалдонски это надо всё на И говорить: игород, игурцы, да ча, да пошто, «ты, матка, ча, да ты ча». Потешно так говорят! Как начнут, так потешно: «истиклела ча ли, ибалдела ли»?, «пойду в игород да сорву игурцы» (Яшк. С. Ост.).

му, у кажного своя наречия (Зыр. Зыр.) [12]. Хто как называет: по-сибирски «крана́», в Росее—там «стан», «станина», сибирские — «колода», росейские — «вал» (Лен.-Куз. Тороп.). Ефимка привык по вдовухам да по разженихам бегать (пензенски их «брошенками» зовут), его и примали (Шег. Мон.). Сено возют, так бастриком притягивают, а в Инкино так «гнёт» называют. А тут по-разному называют и разговор разный (Пар. Гор.).

Носители диалекта обращают внимание не только на дублетные соответствия в системе своего и чужого говоров, но и на эквивалентные варианты слова:

— Российски называли «повитка», а по-нашему — «поветка»: в сени выходишь, и наподобие ларя така штукенция состроена (Том. Верш.).

Эти сведения дают представление и о том, какие слова содержатся в пассивном запасе носителей говора,— слова, могущие стать резервом пополнения словаря диалектоносителя:

— Умывальник али рукомойник, у всех по-разному (Колп. Бар.). Приехала я когда сюда, меня соседка спрашиват: «Тётка Татьяна, у вас заступ есь?» — А я не знаю, чё ей надо. А это —лопата железная (Карг. Паш.).

То же значение имеют ПЯС, касающиеся литературно-диалектной дифференциации языка. При современной интенсивности воздействия на говоры литературного языка и связанном с этим билингвизме ПЯС помогают выявлять состав лексики литературного языка, которая пока находится в пассиве и со временем может стать элементом словаря говора. Неизменные компоненты высказываний носителей диалекта на данную тему — слова: «по-городскому», «по-культурному», «по-интеллигентному», «по-правильному», или «правильно», «по-ученому»; конструкции: «у вас — у нас», «по-вашему — по-нашему» и т. д.:

— У нас «упечь», а вы «куфня» говорите (В.-Кет. Мох.). Овод — по-нашему, паут (В. Кет. М. Яр). А сорок девятого году нога заболела: сделался камчуг, «рожа» — по-ученому (Пар. Алат.). Озёрный бык в воде живёт. «Выпь» говорят правильно-то (Крив. Ник.). Желтуница — это «желтуха» поправильному. Глаза жёлтые делаются (Яшк. С. Остр.). Многие зовут «куфайки», в магазине-от пишутся «телогрейки» (Зыр. Зыр.).

---

[12] Список условных сокращений географических названий см. в конце статьи. В скобках сначала следует название района, а затем — название села.

«Использование лексической дублетности, — пишет Т. С. Коготкова, — характеризует огромный сдвиг в языковом сознании носителей диалекта, происходящий за последние десятилетия, сдвиг, в результате которого для многих носителей диалекта собственный язык говора и литературный язык находятся в процессе постоянного сопоставления»[13].

2. ПЯС служат источником выявления дублетных лексических единиц говора. Обычно информация об идентичности значений слов-дублетов дается как бы вскользь, мимоходом:

— У коня камос—до сих пор ноги ободраны. Олений камос или с коня камос. Ешо здесь и кисы зовут (В.-Кет. М. Яр). У дверей и у окон есть шинеры, их и навесами зовут (Том. Верш.). У русолейки у листа бороздка. Русолейка и русска пучка — одно и то же (Том. Верш.).

Нередко в процессе беседы, поскольку речь идет о названиях предметов, информанты по своей инициативе приводят пары и даже ряды абсолютных синонимов:

— Лихорадка, малярея, кумушка... Ей аж три названья, а как возьмётся — вытрясет на десять (Крив. Ег.). Это бойка, маслобойка, избойка, — хто как назовёт (В.-Кет. Ат.). Бич, кнут, пуга (Том. Верш.). «Вниз» или «высподь» говорят у нас (В.-Кет. Ат.). Кыска наблудила, а «киска» — это вроде как нерусски скажут. Кыска и кошка, котёнок (Том. Н. Ишт.).

Со слов информантов можно выявить, в речи одного человека (одноречевые) или в речи разных лиц (разноречевые) используются дублеты в говоре:

— Другой раз всяко назовёшь: то неспячка привязалась, то бессоница (В.-Кет. М. Яр). Куфайку с собой несёшь. Телогрейка, стежонка — всё одно и то же. Хто кеплушкой её зовут. Ей именов много дают (Зыр. Шин.). Голяшка икры закрыват. К чаркáм голяшку пришьют — вот и бродни. Что голяшка, что голенише — всё одно (Зыр. Зыр.).

— Вот чаркú своедельны. Одне говорят чаркú, а други — пáнги (В.-Кет. Шир.). Забой, или затор: лед несёт, а где-то остановило, зажало. Одни говорят «затор», а другú — «забой» (В.-Кет. Шир.).

Информанты предоставляют в распоряжение лексиколога и другие важные характеристики употребления дублетов: а) данные о частотности дублетных единиц при использовании

---

[13] Коготкова Т. С. Некоторые наблюдения над лексикой современного говора...— В кн.: Язык и общество. М., 1968, с. 195.

их в один и тот же временной период и б) сведения по параметру — активное или пассивное употребление дублета.

а) — Соснова смола, здесь жуют еловую. «Сера» говорят, да всё больше «смолой» называют (В.-Кет. Мох.). Зачинат застывать [река], говорят: на реке сало несёт, а чашше шугой зовут (В.-Кет. М. Яр). И тятя, и мамой зовут, папой, а больше тятей зовут (В.-Кет. Мох.). «Хворой» всё [говорят] или «хворать», счас больше «больной» или «болеет» (Том. Яр.).

б) — Ситец был, памазе́й был, теперь атлас зовут, а раньше — сура (Крив. Пет.). Перед кухней-то сенки. Раньше эдак: «изба», «горница», а счас «кухня», «комната» (Лен.-Куз. Шаб.). Раньше баб, если мужики в армии, солдатками звали, а счас — красноармейки (Зыр. Зыр.). Раньше «пимы» говорили, а чечас — «валенки» (Лен.-Куз. Шаб.). Литра продаётся и пол-литра, и четушка, раньше полбутыльница звали (В.-Кет. Мох.). Раньше бутыль называли баклан, миска, а раньше — чашка, шумовка, а раньше — совок (Крив. Ишт.).

в) ПЯС нередко дают сведения о социально-возрастной дифференциации в употреблении дублетов:

— У нас картошка зацветёт, цвет картовный [называют] бобулечки и шалаболки, а балаболки — это стареньки так говорят (Мар. Тюм.). На паску раз в год паску пекли. По-сечасному — кулич [зовут], а у нас [пожилых] — только паска (Мол. Мол.).

3. ПЯС способствует выявлению вариантных единиц местного говора — фонематических, акцентных, лексико-грамматических, лексико-морфологических и лексико-семантических. Некоторые иллюстрации:

— Клюка, ключка, клюшка, ешшо как-то зовут — угли выгребают. От русский язык! С им с ума сойдёшь, с русским языком! (Том. Н. Ишт.). И кедр, и кедра говорят про дерево, на котором кедровые шишки растут (Шег. Гынг.). У нас говорят и богатство, и богачество (В.-Кет. Ат.). Молоко̀ вечерне и вечёрошно говорят, когда вечером доили (В.-Кет. Ат.). Кедровый лес называют кедрач и кедровник (Мар. Кол.). Земля́нка, земляника, земляница — это всё одно и то же (Крив. Чаг.).

Как и дублетные единицы, варианты слов могут приводиться носителями говоров в непринужденной беседе на ту или иную тему, и тогда ПЯС представляют собой своеобразные вкрапления в естественно звучащую речь. Некоторые примеры:

— Они, бывалоча, старики, соберутся в харчевне, или в харчёвке, шкалик возьмут и целый день возля его сидят, пьют помаленьку (Зыр. Зыр.). Городится огород или чё-нибудь. Тоненькие палочки или колья, между жердей часто-часто, кол к колу набиты, — частокольник или частокол (Зыр. Зыр.).

4. ПЯС как источник имеют неоспоримое преимущество при изучении мотивационных отношений слов диалекта, на основе которых определяются мотивированные и немотивированные лексические единицы. Если учесть, что мотивированность слова покоится на осознании говорящим рациональности связи звучания и значения слова, то роль ПЯС становится очевидной. Одно из характерных свидетельств: «Кажное слово есть отчёт какой-то. И «малина», и «шипишник», и всё. Клубника— клубнями растёт, ягода, как связочка, помногу рядушком» (Зыр. Зыр.).

Обычно с помощью ПЯС выясняется лексическая мотивированность слова (результат мотивации его однокорнёвой лексической единицей):

— Снегири летом чёрны, а потом сереньки делаются, почти белы, — это зимой, потому и снегирь зовётся, что как снег (В.-Кет. Ат.). Маслята снизу коричневые, а сверху такие мокрые, соплястые, будто маслом помазали (Зыр. Зыр.).

Показания информантов особенно важны при выявлении мотивированности собственно диалектных (областных) слов, а также тех общерусских слов, которые утратили мотивированность в литературном языке.

— Не так мошка, как комар надоедат. ...Гнусит комар там: а-а-а, вот «гнус» и говорят (Зыр. Зыр.). Продует и лопатки эти вот заболели, говорят: крыльцы заболели. У птицы на спине крылья, а у людей — крыльцы... Лопатки похожи на крыльи (Зыр. Зыр.). Калина, она же как калёная стоит, красная вся, раскалилась. Тоже красиво, осенью кода её посмотришь, она как горит, раскалённая как (Кем. Ягун.).

Осознание носителями говоров структурной мотивированности слова (результат мотивации одноструктурным образованием) почти не находит выражения в прямых высказываниях, хотя и обнаруживает себя в окказиональных словах:

— «Грязнуха ли я, белуха ли я, — никто мене не ткнёть. Щас в достатках, в дохватках живём, а тода-то жили... Иные

снохи перед: мамаша, мамаша. А тут уж — черташа! Бабка-то не назовуть»[14].

Имеются такие ПЯС, в которых представлена мысль о предпочтительности употребления мотивированных слов перед немотивированными:

— У нас кладовка зовут, а в Цыганове — чулан. Кладовка — кладут всё туда, а чулан — что это такое? Откуда взяли? (Зыр. Зыр.). Ср.: «Воронка и лейка. Лейка лучше сказать: лить надо». «Шпанеры и обои. Дураки «шпанеры» говорят, «обои» — лучше: ими стены обивают»[15].

5. Носители современных диалектов помогают активизации процесса выявления собственно диалектных слов, а также диалектных вариантов общерусских слов (в лексикографии — семантических и иных диалектизмов). При этом нередко дается толкование значения слова, которое осуществляется разными способами:

а) посредством приведения литературного эквивалента: — Вот, к примеру, спички серянками называют (Карг. Павл.). Избалованного ребёнка здесь вороватым называют (Карг. Паш.). Глубеника, смородина-то красна у нас-от есь, дак кислисей зовём (Лен.-Куз. Шаб.). Малярия счас, а мы её вешницей звали (Мар. Тюм.).

в) посредством развернутого толкования: — Снег мокрый идёт с дожжом пополам — называется слякоть, сильный снег с ветром — называется пурга (Том. Верш.). Молодуха — после свадьбы, пока не родит, если сына принесёт — ешшо молодуха, а если дочь — нет (Том. Верш.).

Способ развернутого толкования слова нередко содержит указание на мотивировочный признак, легший в основу названия: — Пряли али вязали при мигушечке. Пузырёк нальёшь жиру али каросину, делали крышку, а мигушечка тряпошна, холшовая. Мигушечка горит, тянет [жир] оттуда, мигат, (Зыр. Зыр.). Ботун — только снег сойдёт, уже зелёный стоит. Хороший лук, ранний, одно перо у его — ботва, а головки нету (Зыр. Зыр.).

Развернутые толкования слов информантами как лингвистический источник особую ценность представляют в тех слу-

---

[14] Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) /Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969, с. 19—20.

[15] Ломаков В. М. Некоторые случаи мотивированности слова в диалектной речи. — В сб.: Совещание по ОЛА (Ужгород, 25—28 сент. 1973). Тез. докл. М., 1973, с. 93.

чаях, когда собиратель диалектного материала сталкивается с лексическими единицами, имеющими в говоре смысловую дифференциацию. Постороннему по отношению к диалекту наблюдателю для выявления лексического значения слова приходится соотносить его с обозначаемым предметом. Но, как известно, значение слова определяется не только его денотативной соотнесенностью, экстралингвистически, но и интралингвистически, соотнесенностью его с другими словами говора, и здесь сведения носителя диалекта о разного рода тонких смысловых расхождениях, связанных с различными видами дифференциации обозначаемых реалий (функциональной, объективной, по материалу, по форме, по свойству и т. д.) просто незаменимы. Некоторые иллюстрации:

— Говорят: падуча бьёт — если взрослого, а если маленького — так родимец бьёт (В.-Кет. М. Яр). Засохши дерева дубняком зовут, стоячи ешо — сушняком, если палы — так валёжником (В.-Кет. М. Яр). Дерево называется, когда оно стоит на корню. А когда уже свалишь, уже тода шшытается лесина (Том. Верш.). Голик,— которым в избе метём, а паримся которым — веник, а если на улице подметать — то метлой зовём (Колп. Инк.). Сильный ветер — буран али ураган, крутит ветер — так вьюга (В.-Кет. М. Яр).

6. ПЯС позволяют выявить смысловые отличия слов, общих говору и литературному языку:

— Хомяков здесь крысами называют (Карг. Паш.). Шиповник по лугам, по сорам [растет]. Шиповник — ягоды, а шипишник — сам куст (В.-Кет. М. Яр). Шуба — постоянно носить, а доха — куда ехать (Юрг. В.-Тайм.). Зверем медведя называли. Уж кто сказал, что зверь — значит медведь (Карг. Паш.).

Обнаружение смысловых отличий общерусских слов в говоре путем непосредственного наблюдения не всегда возможно, поскольку лексическая и особенно синтаксическая сочетаемость слов в подобных случаях может не сигнализировать о наличии семантического оттенка в слове.

7. Общеизвестно, насколько сложной для изучения является эмоционально-экспрессивная дифференциация лексики диалекта. Эта сложность обусловливается тем, что экспрессивность и эмоциональность лексических единиц наиболее полно выявляется в сопоставлении с их не экспрессивными, не эмоциональными соответствиями. Такие сопоставления—большая редкость в непринужденной диалектной речи. Поэтому сведения носителей говора, знающих его «изнутри», об эмоциональ-

ной или экспрессивной окрашенности слов данного диалекта представляются особо значимыми.

Так, наличие качественно-количественных характеристик, созначений, свидетельствующих об экспрессивности слов, отражают следующие высказывания:

— Припоздать — это маленько, а если много — часа два—три, то это опоздать (Крив. Крив.). Когда садятся ись, нарежут хлеб, а если много — напахал, наворотил (Том. Карб.). Когда сильно большой дым, дак [говорят]: о, кака дымина, ли дымища, а жарко — жарина: ну дык така на улице, говорят жарища (Колп. Типс.).

Различные эмоциональные наслоения на денотативные значения слов отмечаются в следующих показаниях информантов:

— Привела к себе домой, загнала [в хлев] и ласково: овечушка... Ласково так: коровушка моя (В.-Кет. Б. Яр). «Овечушка» — так уж жалостно называешь, вроде как любишь её сильно. Или «коровушка», то же самое (Колп. Сар.). Ну, это одно и то же, что корень, что корешок, как назовёшь: ласково — вот корешок (Кем. Ягун.).

Подобного рода высказывания дают основания исследователю определять слова **овечушка**, **коровушка**, **корешок** как ласкательные. В отличие от них как уменьшительно-ласкательные или уменьшительные можно определить такие слова, как **кладушечка**, **колеско**, **колыбелка**, **коняшка**, **кобылка** и др., в высказываниях о которых содержатся свидетельства о небольшом размере обозначаемых ими реалий:

— Кладь называтся, вон кака маленька кладушечка стоит из хлебу (Зыр. Шин.). Больша — кладь, а маленька — кладушечка (Зыр. Туен.). Маленько колесо — колеско, да и всё тут (Шег. Труб.). Колыбелка — маленькая колыбель (Колп. Тиск.). Коняшка, кобылка, жеребушечка, конёчек — коней маленьких называт (Шег. Гынг.). Маленькие корзиночки звали набирочкой, на шею повесишь и идёшь за ягодой (Том. Игл.).

Неодобрительная или уничижительная эмоциональная оценка констатируется в словах **обла́пить, головастый, махо́ня, коровёнка** и др.:

— «Обнял» --по-культурному, а «облапил» — нахально: сложит лапы, повиснет на плечах — вот и «облапить» (Зыр. Зыр.). В сердцах как рассердишься на ребятишек, кричишь: ах ты, головастый! (В.-Кет. Ат.). Человек плохой, дак его махоней называют (В.-Кет. Мох.). А коровёнка — это значит какая-нибудь паршивенькая да маленькая (Колп. Сар.).

В диалектной лексикографии используется помета «снисходительное» для отражения особого эмоционального созначения слов, внешне совпадающих со словами уничижительными, пренебрежительными, — это многочисленная в говорах категория слов с суффиксами -ИШК-, -НИШК-, -ОНК-, -ОШК-, -ОНЧИШК-. Словоформы с названными суффиксами сопровождаются в речи интонацией снисходительности, откуда и условное обозначение этой лексики — снисходительная. Снисходительная лексика в отличие от омонимичных уничижительных, пренебрежительных словоформ сочетается со словами положительной оценки типа **хороший**, **добрый**, **путный** 'хороший' и под.

Примеры: — А теперя чё, житьишко-то хорошее..., живём мы, всё у нас есть. (В.-Кет. Б. Яр). Такой приятный мужичошка (Пар. Гор.). Когда возрос побольше, ходил конев гонять... Конишка один добрый был, ну я его и запрёг (Кож. Кож.). Хороша корова была. С тех пор и не можем достать путной коровёнки (Пар. Даур.). Ср. сочетаемостную характеристику уничижительных слов в речи информантов: Если старый — назовут комодишко, диванишко (В.-Кет. М. Яр). Это — стул, а сломанный — стулишко. [Скажут] стулишко подай мне сломанный там. Ну, диванишко — тоже сломанный. Вон в той половине диван стоит, а сломанный — диванишко (Колп. Тиск.).

Сниженные и бранные слова также определяются на базе анализируемого источника: — Кылупать, кывырнуть — нехороши слова (Крив. Елиз.). Отклячить — плохо слово, бросайте его (В.-Кет. Юд.). Маленьких детей ругали так: варнак (Туг. Маз.).

Вместе с тем ПЯС служат источником и для определения нулевой эмоциональной окраски слов, которые вне системы говора — в литературном языке или городском просторечии — характеризуются эмоциональным компонентом. Ср.: «Башка твоя не варит — это не ругательство. У тебя сварила башка» (В.-Кет. Мох.).

8. На основе ПЯС можно установить время проникновения в диалект тех или иных лексем, степень освоенности их говором. Например, о недавнем появлении в отдельных среднеобских говорах слов **ромашка**, **уборка**, **обилье**, **беркулёз** 'туберкулез', **малярия**, **юнош** 'юноша', **алой** 'алоэ', **тиф**, **овод**, **рожа** 'болезнь' и многих других свидетельствуют высказывания информантов: — Белые цветочки в этиф растут, в пырьяф, её таперь ромашкой зовут, а мы никак не звали (Том. Верш.). Страдой раньше звали, чечас больше—уборка (В.-Кет. Мох.).

Обилье — это хороший урожай, счас только стали говорить (Том. Яр).

9. Носители диалекта представляют лексикологу данные о неисконности происхождения слов, их иноязычном источнике: — «Урёма» — это нерусские хрестили-называли (В.-Кет.М. Яр). А лес, чё вдоль берегу, воеком зовётся, остяцко названье-то (Карг. Павл.). «Материк» — это тако хрестьянско слово, а «тайга» — остяцко слово (Колп. Н.-И.).

И пусть не всегда точны подобные сведения, но они дадут толчок для первоначальных поисков, связанных с определением языка-источника, языка-посредника и т. д.

* * *

Таким образом, показания языкового сознания носителей говора как один из источников лексикологического исследования могут быть использованы для а) выявления собственно диалектных слов и диалектных вариантов общерусских слов, б) определения лексического значения слов диалекта, в) их эмоциональности, экспрессивности, г) нормативно-стилистической и социально-возрастной дифференциации лексики говора, д) сферы употребления (активный запас — пассивный запас), е) частотности, ж) времени появления слова в говоре и начала процесса их утраты, з) для выявления отдельных видов системных отношений слов: синонимичных, мотивационных, вариантных, видовых, родо-видовых и некоторых других, и) для изучения диалектных лексических различий.

Названным выше не исчерпывается сфера применения ПЯС. Но уже выявленные потенции этого источника, который в ряде случев является единственно возможным (например, при определении мотивированности слов с редкой актуализацией мотивационных отношений, при выявлении пласта слов устарелых), а в ряде случаев — значительно сокращает путь к научной истине (например, определение частотности слова, выявление дублетных средств говора и др.), — говорят о ценности ПЯС в лексикологическом исследовании диалекта. Одним из условий использования данного источника является привлечение максимально большого числа высказываний носителей диалекта и соотнесение полученных данных с реальной языковой действительностью. Выполнение этого условия обеспечит объективность полученного знания.

СПИСОК

условных сокращений географических названий

Кемеровская область

В.-Тайм. — Верх-Тайменка
Кем. — Кемеровский р-н
Кол. — Колеул
Лен.-Куз.— Ленинск—Кузнецкий р-н
Мар. — Мариинский р-н
С. Остр. — Сосновый Острог
Тороп. — Торопцево
Тюм. — Тюменево
Шаб. — Шабаново
Юрг. — Юргинский р-н
Ягун. — Ягуново
Яшк. — Яшкинский р-н

Томская область

Алат. — Алатаево
Ат. — Атяево
Б. Яр — Белый Яр
Бар. — Баранаково
В.-Кет. — Верхнекетский р-н
Верш. — Вершинино
Гор. — Городище
Гынг. — Гынгазово
Даур. — Даурское
Ег. — Егорово
Игл.— Иглаково
Инк. — Инкино
Ишт. — Иштан
Мон. — Монастырка
Мох. — Мохово
Карб. — Карбышево
Карг. — Каргасок и Каргасокский р-н
Кож. — Кожевниково и Кожевниковский р-н
Колп. — Колпашево и Колпашевский р-н
Крив. — Кривошеино и Кривошеинский р-н
М. Яр. — Максимкин Яр
Маз. — Мазалово
Мол. — Молчаново и Молчановский р-н
Н.-И.— Ново-Ильинка
Н. Ишт. — Нагорный Иштан
Ник. — Никольское
Павл. — Павлово
Пар. — Парабель и Парабельский р-н
Пет. — Петухово
Паш. — Пашня
Сар. — Сарафановка
Терс. — Терсолгай
Типс. — Типсино
Тиск. — Тискино
Том. — Томский р-н
Труб. — Трубачево
Туен. — Туендат
Чаг. — Чагино
Шег. — Шегарка и Шегарский р-н
Шин. — Шиняево
Шир. — Широково
Юд. — Юдино
Яр. — Ярское

В. В. ПАЛАГИНА

ТОМСКИЕ РАСХОДНЫЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ ЛЕКСИКИ XVII в.

Среднеобские говоры — говоры позднего образования. Для изучения их истории необходима прежде всего реконструкция «исходного» состояния, то есть состояния первой половины XVII в. Томские памятники этого периода представлены только деловыми документами. Многочисленные пожары в сибирских деревянных городах и острогах уничтожили частную переписку томского населения — этот, по словам С. И. Коткова, «оптимальный источник по изучению народно-разговорного общения»[1]. Поэтому любой сохранившийся документ первой половины XVII в., написанный в Томске, должен быть использован для восстановления изначального состояния томских говоров. «Для разработки реальной исторической диалектологии изучение скорописных источников XVI—XVII вв. в сочетании с показаниями местных говоров исключительно перспективно»[2].

Задача настоящей статьи — оценка расходных книг г. Томска 1630—1631 гг.[3] как источника реконструкции лексики XVII в.[4] Записи томских расходных книг по их содержанию и источниковедческой значимости можно разделить на две группы. К первой относятся две книги о выдаче денежного жалования служилым людям г. Томска (лл. 1—170 об.), «Опальным людям мЪсечной[5] корм (лл. 175—182 об.), «Посыл-

[1] Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980, с. 3.

[2] Котков С. И. Там же, с. 20.

[3] Рукописные расходные книги г. Томска 1630—1631 гг. хранятся в научной библиотеке Томского университета.

[4] О значении этих книг для реконструкции фонетических черт томской разговорной речи XVII в. см.: Палагина В. В. Фонетическая характеристика томских расходных книг 1630—1631 гг. в сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1977, вып. 7.

[5] Знаком Ъ передается буква «ять», греческие буквы, а также фита, ижица, юс малый заменяются русскими.

ка государева... денежного жалования Томского розряду во остроги... на 138-й год» (лл. 191—192), «Дача государеву... жалованию... на 139-й год и вперед... на 140-й год» (лл. 247—250 об.), вторую группу составляет книга «Неокладной всякой мѣлкой росход» (лл. 199—231 об.).

Первая книга выплаты жалования на 1630 г. (лл. 1—23) состоит из пространного общего заглавия и предельно лаконичных записей: заголовка о разряде служивых людей в дательном падеже (детем боярским, конным казаком и т. п.), двухкомпонентного антропонима (Бажѣну Картошову, Юшке Ношке и т. п.), указания на полученную сумму и завершающего запись причастия ДАНО. Например: головѣ конных казаков Молчану Лаврову девет рублевъ пят алтнъ дано (л. 1 об.).

Вторая книга выдачи жалованья построена по несколько иному шаблону: заголовками в ней являются не только обозначения разрядов служилых людей, но и указания на полученную сумму («тридцать рублев, по сем рублев с четью, по четыре рубли» и т. п.), после этого следуют многочленные антропонимы («Гришка Васильев, сын Слоботчиков, Беспутко Степанов Месник» и т. п.). Нередко обозначается дата получения жалования, за какой год и какая часть его взята. Завершает запись не только слово ДАНО, но и ВЗЯЛ САМ. Записи жалованья опальным людям имеют один заголовок «Опалным людям мѣсечной корм», начинаются с даты («сентября в 1 день, того ж дни» и т. п.), включают в свой состав двухчленный антропоним, указание, за какой месяц, на сколько дней, по скольку рублей в день и какую общую сумму получил опальный человек: «Того ж дни Родивону Котову на мцъ сентябрь на тритцет ден по два алтна на день итого рубль дватцат шесть алтнъ четыре денги дано». Посылка жалованья в другие остроги учтена в двух подробных записях об отправке денег в Кузнецкий и Нарымский остроги. Общегодовые итоги о раздаче денежного жалованья подведены по такому образцу: когда, кому, на какой год и сколько дано.

Раздел о неокладных мелких расходах более разнообразен по содержанию и форме. Однотипен в нем только зачин — дата расхода, а куда и зачем израсходованы деньги, фиксируется в свободной форме.

Первая группа записей (о выплате денежного жалованья) дает незначительный материал по апеллятивной лексике — 207 слов, не считая числительных. Здесь нашли отражение главным образом названия денежных единиц (алтын, деньга, полтина, полуденьга, рубль) и названия лиц, в основном по

общественному положению, должности, выполняемой работе: вож, воевода, воротник, голова, государь, дворник, десятник, дьяк, дьякон, дьячок, засыпка, игумен, князь, кузнец, мельник, палач, подьячий, пономарь, поп, портной, мастер, проскурня, пушкарь, пятидесятник, ружник, старица, сторож, товарищ, толмач, трубач; гулящей, пешей, рядовой, ссыльный; конной казак, пешей казак, жилецкой человек, промышленной человек, дети боярские, служивые люди. Несколько названий лиц относится к этнонимам (калмак, литвин, немчин, поляк, татарин) и терминам родства (брат, сын). Другие лексико-семантические группы — это названия месяцев (генварь, февраль и т. д.), лексика времени (год, день), названия деловых документов (выписка, грамота, отписка, пометный список, расходная книга, роспись, челобитье), государственных учреждений (съезжая изба, таможня, тюрьма), действий: дача, обмен, отпуск (для отпуску... казны, л. 192), письмо (послан... в таможню для письма, л. 61), побег, подмога, посылка (посылка государева жалованья), прибавка, прибор, приговор, расчет, служба, справка.

Прочая лексика, относящаяся к различным тематическим группам, представлена с точки зрения частеречной принадлежности следующим образом.

Имена существительные: болезнь, город, городок, двор, десяток, жалованье, корм, место, оклад, острог, половина, помета, припись, прозвище, разряд, руга, рука, свершонка, указ, человек, число.

Имена прилагательные. главным образом относительные: великий (в титуле царской особы), годовой, гостиный (двор), государев, денежной, мелкой (расход), молодой, неокладной, новоприборной (казак), нынешней (год), опальной (человек), острожной, полной, прежней, приказной (расход), присыльной, прошлой, расходной, родной, соболиная (казна), татарской, тюремной, царев.

Глагольная лексика: бывать, быть, взять, выйти, заслужить, извещать, сбежать, служить, убить, умереть, учинить (учинен); велено, дано, писано, послано, прибран, прислан.

Местоимения: весь, всякий, его (притяжат.), кто, он, сам, сей, тот, что.

Наречия: вновь, вперве, вперед, именно (писано в сей росходной книге именно. л. 25 об.), итого.

Союзы: а, да, и, что.

Предлоги: в(во), для, за, из, к (ко), на, опричь, по, с, сверх, у.

Частицы: ж(же), не.

Значительно богаче апеллятивной лексикой записи под заголовком «Неокладной всякой мѣлкой росход»: 366 слов без числительных[6], из них 272 слова, не встретившихся в книгах о денежном жаловании. Кроме тематических групп, перечислявшихся выше, в них отражены и другие группы: названия предметов домашнего обихода (блюдо, бочка, братина, ведро, веник, замок, кадь, ковш, котел, лагун, мешок, светильно, сито, сума, туюс, тчан), метрологическая лексика (аршин, безмен, вершок, гривенка, десть, локоть, осьмина, постав, пуд, сажень, стопа, фунт), названия одежды (азям, вершок шапочной, кафтан), тканей (аглинское сукно, летчина, настрафиль, холст), построек и их частей (баня, житница, мельница, овин, погреб, церковь; башня, венец, дверь, каменница, колокольня, кровля, печь, струб), лексика, связанная с плотничным делом (бревно, гвоздь, доска, драница, окончина, скалы, топор), названия пищи и питья (говядина, говяжье сало, топленое сало, мясо, осетрина, рыбий жир, хлеб, вино, квас), лексика сельского хозяйства (оральник, пахота, пашня, серп), рыболовства (осетрик, сырок, чалбыш, рыба, пешня), судоходства (переволока, скобы судовые, струг, судно, якорь, плот), названия животных (бобр, соболь, лошадь), веществ (воск, деготь, ладон), цветов (белой, зеленой, красной, лазоревой). К разным по семантике группам лексики относятся существительные: бедность, бумага, бухаретин, вес, вечеря, вина, возжи, возка, длинà, дрова, житье, завод, запас, иноземец, камень (горный хребет), караул, киргишенин, кузнецы (кузнецкие татары), мера, молебен, мурза, нарты, неделя, нити, обувь, плотник, посланник, престол, река, сани, сбор, свеча, сиделец, староста, телега, уклад (сталь), целовальник и др.

Прилагательные: вислой (замок), деревянной, другой, дубовой, железной, женской, жерновной (камень), зелейной (погреб), знаменьев (день), киргизской, клинчатой, лавочной, меденой, многолетной, перевозной, подгорной, полуосьминной, продажной, русской, святой, слюдной, соленой, сосновой, сыскной, толстой, топленой, торговой, улусной, ясачной и др.

Глаголы: вырезать, вязать, имать, обертеть, перекладывать, петь, покрывать, принести, приходить, связать, сделать, сечь (дрова), шить; изрезан, отдан, отпущен и др.

---

[6] Ср. 311 нарицательных слов в сорока важских денежных отписях. Дерягин В. Я. Варьирование языковых средств в текстах деловой письменности (важские денежные отписи XV—XVII вв.). — В сб.: Источники по истории русского языка. М., 1976, с. 13.

Предлоги: от, под, через.

И хотя числительные нами особо не рассматриваются, нельзя не отметить, что в расходных книгах г. Томска встречаются образования ПОЛСЕМЫ (котЪл ветчаной мЪденой вЪсом полсемы гривенки, л. 204). ПОЛЧЕТВЕРТА (за полчетверта аршина сукна аглинского красново по рублю за аршин, л. 199), ПОЛШЕСТЫ (двадцать четыре алтына полшесты денги дано, л. 148), которые показывают, что в речи первой половины XVII в. подобные архаические числительные еще употреблялись.

Томские расходные книги (и о выплате жалованья, и о мелких расходах) дают материал о словообразовательных и мотивационных связях в лексической системе XVII в., позволяющий исследователю реконструировать по имеющимся моделям недостающие члены деривационных рядов. Так, например, по зафиксированному в томских расходных книгах слову ВОРТНИК (острожной воротник) и модели МЕЛЬНИЦА—МЕЛЬНИК, ДВОР—ДВОРНИК можно реконструировать слово ВОРОТА, по слову ВОЗКА и модели ПОСЫЛАТЬ—ПОСЫЛКА восстановить глагол ВОЗИТЬ, а по глаголу ВАРИТЬ — существительное ВАРКА.

В анализируемом источнике особенно полно представлены относительные прилагательные с мотивирующими их существительными: а) квас—квасной, настрафиль—настрафильной, приказ—приказной, расход—расходной, сажень—двухсаженной, собор—соборной, хлеб—хлебной; баня—банной, летчина—летчинной, помета—пометной, сало—сальной; пашня-пашенной, таможня—таможенной, тюрьма—тюремной, деньги—денежной; сукно—суконной; праздник—праздничной, острог—острожной; месяц—месячной, мельница—мельничной; б) год—годовой, город—городовой, суды—судовой; в) лошадь—лошадиной, собль—соболиной; г) говядина—говяжей, рыба—рыбей; д) государь—государской (государское здоровье), татарин—татарской, калмак—калмацкой; е) притяжательно-относительные прилагательные: государь—государев (государева казна), десятник—десятничей.

Встретились два отнаречных прилагательных: вверх по Томи — верхняя мельница; оклад дан сполна — полной оклад. Отмечено два отглагольных прилагательных: прислать—присыльной, служить—служивой.

Немало отглагольных существительных с глаголами-мотиваторами: варить квас—квасное варенье; дать—дача, раздача; делать—дело, поделка; купить—покупка; посылать, пос-

лать—посылка, посланник; лить—литье; писать—письмо, выписка, отписка, список; прибран (от* прибрать)—прибор; служить—служба (а велено им государева служба служить, л. 31). Есть и существительные с мотивирующими их существительными: двор—дворник (гостина двора дворник Левка ЕремЪев Жеребец, л. 170 об.), мельница—мельник, руга—ружник, наем—наемщик, собор—соборянин (троецкому игумену Феодосию с соборяны... пЪли в соборе молебен, лл. 206 об.—207), каменье—каменница, государь—государыня, князь—княгиня, княжна, город—городок, дьяк—дьячок, половина—половинка. Редки примеры существительных с мотиваторами числительными (десять—десятник, десяток; три, трои—троица, четыре—четверть, четь), глаголов с глаголами-мотиваторами (служить—заслужить). Единичен случай с двумя мотиваторами: вода, лить—водолив (водоливу Васке Федотову от литья воды з 27-го числа на четыре ндли по полтине на ндлю дано что ему лить в торговых банях вода) (л. 201 об.—202).

Некоторые сведения дают расходные книги о параллелизме лексических единиц XVII в.: оброчной—оброчной человек—обротчик; опальные—опальные люди (опалным Олешке да Конанку за девяносто бревен двадцать четыре алтына, л. 231 об.—опалным людем... Гришке Юрьеву Матюшке Аристову.. .на обувь, л. 200), пешей—пешей казак (а на ево мЪсто июля в 1 день велено быть ис пЪших Дружинке Нашивочнику, л. 72 об — пЪшим казаком, л. 15 об.), ярыжной—ярыжка; государев—государской, таможня—таможенная изба.

Очень скудную информацию можно извлечь из расходных книг о синонимических и антонимических отношениях в лексике XVII в.: веревка—бечева; умер—не стало (и в ннешнем во 139-м году Федотко умер, л. 57 об.—и в ннешнем во 139-м году февраля в 25 день Степанка не стало, л. 169. И февраля в 22 день Первушки Струны не стало, л. 169 об.).

Не представляя особой ценности как источник реконструкции апеллятивной лексики XVII в., томские расходные книги дают в распоряжение исследователей исторической лексикологии и диалектологии ряд слов или лексико-семантических и других вариантов слов, исчезнувших из русского литературного языка, некоторые из них сохранились только в говорах: азям, вершок(верх шапки), ветчаной, вислой (висячий), вож (проводник), воротник (сторож у городских ворот), вперве, дача (действие по глаголу), дворник (содержатель заезжего двора), драница, жерновной камень (жернов), завод (то, что заведено, приобретено), засыпка, зелейной, имать, каменница,

камень (горный хребет), клинчатой, лагун, летчина, летчинной, настрафиль, настрафильной, обертеть, обротчик, окончина, опричь, оральник, осетрик, переволока, постав, потреб, пробои, свершонка, светильно, сечь (рубить), сидеть (добывать перегонкой), скалы, солодовной, струб, струг, туюс, уклад (сталь), улусной, цепник, чалбыш, юртовской и др.

Из них одно наречие ВПЕРВЕ (что кому дано гсдрва жалованья на нынешней на 139-й и для мелесские годовые службы вперве на 140-й год. л. 25) не зафиксировано ни в «Словаре XI—XVII вв.»[7] ни в словаре И. И. Срезневского[8]. Кроме того, в «Материалах...» И. И. Срезневского нет слов НАСТРАФИЛЬНОЙ (За полчетверта аршина сукна красново настрафилново, л. 199), ОКОНЧИНА (за четыре окончины слюдных по пяти алтн за оралник дано а тѣ оралники отданы новоприсылным пашенным крестьяном, л. 214 об.), ОСЕТРИК (жилецкому члвку Ивашку Каменному за осетрик за чалбыш шесть алтын четыре денги... дано. Взята рыба ячинским ясачным людем на корм, л. 221), ПЕРЕВОЛОКА (а ему тѣ денги давать ярыжным найму через камень от Березова до Ижмы от судовые переволоки, л. 224), ПОСТАВ (за постав[9] настрафилю красново, л. 217 об.), ПОТРЕБ (взята кадь и лагуны на государев потреб[10], л. 214 об), СВЕРШОНКА (а государева ему жалованья оклад пят рублев с четью и октября в 5 день Сергушке свершонка полтина дано, л. 134 об.), СИДЕТЬ в значении 'добывать перегонкой' (за то, что он сидел государевых четыре вина, л. 212), СКАЛЫ (таможенные избы дьячку Нехорошку Левонтьеву за скалы пят алтын дано. Взяты скалы покрывать суды, л. 231 об.), СОЛОДОВНОЙ (взяты драницы на государев на солодовной овин на кровлю, л. 223), ТУЮС (сторожу Митке Степанову за туюс десеть денегъ дано взят туюс на государев потреб, л. 223 об.), ЦЕПНИК (дѣлал в торговые бани цепник чѣм воду льют, л. 221), ЧАЛБЫШ (осетрик чалбыш, л. 221), ЮРТОВСКИЙ (взята летчина для роздачи государева жалованья чатцким и томским юртовским татаром за службу, л. 218), ЯЛОВИНЫЙ (за две сумы яловиных, л. 215 об.).

Несомненную ценность томские расходные книги (особенно с записями о выдаче денежного жалованья) имеют как источ-

---

[7] Словарь древнерусского языка XI—XVII вв. М., 1975.

[8] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Спб, 1893—1903.

[9] Ср.: И. И. Срезневский: постав — ткань, полотно.

[10] Ср.: И. И. Срезневский: потрѣба — нужда, надобность.

ник изучения антропонимики XVII в. Не богатые апеллятивной лексикой, они дают богатейший материал по антропонимике. Набор личных наименований в них достаточно велик. Это 122 христианских имени[11] и 131 отчество или фамилия, образованные от канонических имен. Среди них всего три отчества на -ОВИЧ (Иванович, Степанович, Федорович), 7 на -ИН (Ильин, Микитин, Фомин и др.), а все остальные на -ОВ/ЕВ (Епифанов, Гордеев и др.).

Расходные книги г. Томска показывают, что в 30-е гг. XVII в. на окраинах государства Российского в роли личных имен продолжали наряду с христианскими функционировать русские, что трехчленное наименование (имя, отчество, фамилия) еще не стало обычным даже в официальных документах. В расходных книгах 41 нехристианское прозвищное имя, употребляемое в первой части антропонимической структуры: Бажен (Баженко)[12], Бессонко, Богдан (Богдашко), Буянко, Вешнячко, Воин, Девятко, Дружинка, Жданко, Завьялко, Заико, Истомко, Корманко, Любимко, Малец, Молчан, Наливайко, Немирко, Нехорошко, Первушка, Пересвет, Поздейко, Посничко, Поспелко, Путилко, Пятко, Томилко, Тренка, Чудинко, Шумилко и др.

Русских отчеств, фамилий, прозвищ, употребленных как непервый член наименования, — 320. Это многочисленный пласт слов с антропонимическими формантами -ОВ/ЕВ/—103 антропонима (Аргунов, Байгулов, Бардаков, Баташков, Булгаков, Бурнашов, Грязев, Зверев, Карбышев, Карташов, Козлов и др.), -ИН — 50 антропонимов (Петлин, Пичугин, Проухин, Собакин, Тетеркин, Шаблыкин и др.), -СКИЙ (в памятнике -СКОЙ)—12: Березовской, Волконской, Кондинской, Майковской, Суходольской, Тарской и др. Разнообразна и группа антропонимов, употребленных без специальных антропонимических формантов, образованных от апеллятивной лек-

[11] Вариантные антропонимы (типа Аркашко — Оркашко, Козмин — Кузмин, Захаров — Захарьев, Евтюшка — Ефтюшка, Ефтифеев — Евтихеев, Онтипин — Онтипов, Фадеев — Фатеев и т. п.) подсчитывались по одному разу. При наличии полного канонического имени, а их встретилось всего 19 (типа Гаврил, Леонтей, Осип, Петр, Степан) субъективно-оценочные имена (типа Гаврилка и Ганка, Левка, Осипко и Оска, Петрушка, Степанко) не подсчитывались. Параллельные оценочные имена, образованные от одного полного, подсчитывались один раз (имеются в виду такие пары, как Елисейко и Елеска, Митрофанко и Митрошка, Моска и Мосяга, Павлик и Пашка, Тихонко и Тишка и т. п.).

[12] Встретившееся параллельное употребление двух прозвищных имен (Богдан — Богдашко, Бажен — Баженко) подсчитано по одному разу.

сики: Башмак, Волк, Крюк, Кузнец, Лебедь, Медведь; Богослов, Верхогляд, Рудомет, Сорокоум; Кирпичник, Мясник, Сапожник, Шапочник; Губа, Дула, Жила, Коза, Коряка, Кошка, Нагиба, Струна; Губка, Суботка; Вострой, Глухой, Зяблой, Кислой, Косой, Молодой, ПриЪзжей, Сеченой, Старой, Сухой, Широкой, Поломочной, Скоробогатой; Беляй, Погадай, Полетай, Танай, Расторгуй и многие другие. К группе собственных имен, не имеющих специальных антропонимических формантов, относятся топонимические антропонимы (Коломна, Мангазея) и антропонимы, возникшие через ступень названия жителей определенной территории: Боровитин, Вилежанин, Вологженин, Вымитин, Вычегженин, Свияженин, Верхотурец, Ноугородец, Путимец, Ядринец и др.

Расходные книги дают материал, иллюстрирующий переход прозвищ в прозвищные отчества и фамилии. Результаты этого процесса видны в таких парах непервых компонентов, как Бык—Быков, Губка—Губкин, Кожевник—Кожевников, Кудря—Кудров, Кызыл—Кызылов, Мельник—Мельников, Оловеничник—Оловеничников, Седельник—Седельников, Серебреник—Серебреников, Ус—Усов, Щербак—Щербаков; Астраханец—Астраханцов; Белослудец—Белослудцов, Верхотурец—Верхотурцов, Галиченин—Галиченинов, Ярославец—Ярославцов и др. Переход прозвища в фамилию или прозвищное отчество отражен и в примере употребления формы родительного падежа в качестве антропонима Ивашко Семенов сын Чорново (л. 134) [13].

Нашел отражение и переход прозвищных имен в отчества или фамилии: Беспутка[14]—Беспутин, Жданко—Жданов, Завьялко—Завьялов, Истомка—Истомин.

Расходные книги Томска дополняют сведения о составе древнерусских собственных имен, имеющиеся в словарях Н. М. Тупикова и С. Б. Веселовского[15].

1. В словарях нет прозвищного имени Казый (Казый Кузьмин сын Карякин).

2. В словарях нет прозвищ, фамилий или прозвищных отчеств: Батранин, Байгулов, Бараскан, Голещихин, Гребени-

---

[13] В «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова (Спб, 1903) есть антропоним Чорной.

[14] Полные имена Беспута, Ждан, Завьял, Истома, не зафиксированные томскими расходными книгами, предполагаются. См.: Тупиков Н. М. Словарь древнерусских собственных имен. Спб, 1903.

[15] Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

хин, Грызов, Ехалов, Закамалда, Зудов, Капчуг, Кашпиров, Коркун, Кошлок, Курусканов, Курюм, Леденцов, Масласы, Молитва, Навалкаша, Надутыш, Недомолвин, Новограбленой, Ножка, Носок, Нюхало, Палтырев, Патрушов, Пестрядинной, Позара (кузнецу Фетке ЕремЪеву прозвище ПозарЪ, л. 250 об.), Попадейкин, Разинкин, Рожеев, Ропот, Ростовщиков, Саламатов, Свирельников, Словцов, Соболько, Соковна, Солома, Стариченин, Столеров, Суходольской, Тупылев, Тутуболин, Чернавин, Чоскай (Чускай), Чшеус, Шестерня, Ямщина и др., а также оттопонимических антропонимов: Важенин, Володимерец, Вымитин, Вычегженин, Кайгородец, Кинозер, Колмогор, Колмогорец, Мангазея, Мезеня, Нарымец, Тотменин, Тюменец, Усолец, Устьянец, Устюжанин и др.[16].

Расходные книги дают дополнительную информацию о словообразовательных возможностях антропонимов.

1. В словаре Н. М. Тупикова приведены антропонимы Бардак, Баташ, Верховина, Девка, Крестьянин, Патруш, Сгибной, Хохряк, Нос, Шуба. В расходных книгах — их дериваты Бардаков, Баташков, Верховинин, Девкин, Крестьянинов, Згибнев, Носок, Патрушов, Хохряков, Шубка. В словаре С. Б. Веселовского есть антропонимы, отсутствующие у Н. М. Тупикова,— Негодяй и Первуша (прозвищные имена) — в расходных книгах — Негодяйко, Первушка.

2. В словаре Н. М. Тупикова даны дереваты: Вятчениной, Кирпичников, Ловчиков. Мезенцов, Травников, Коркушка, в расходных книгах первичные антропонимы — Вятченин, Кирпичник, Ловчик, Мезенец, Травник, Коркун.

3. В словаре Н. М. Тупикова — Пенегин, Соломатин, Туляк, Приезжайко, Игольников, Ложкин, Оловяников. В расходных книгах — Пенеженин, Соломатов, Туленин, Приезжка, Игольничников, Ложников, Оловеничников.

4. В словаре Н. М. Тупикова — полные прозвищные имена: Басалай (Босалай), Беспута, Булыга, Невер, в расходных книгах оценочные (уничижительные) — Басалайко, Беспутка, Булыжка, Неверко.

Томские расходные книги свидетельствуют о неустойчивости антропонимических структур в процессе формирования трехкомпонентных наименований. Сопоставление первой и второй книг о расходах на денежное жалование показывает, что одно лицо в них может именоваться то двухкомпонентной,

---

[16] Ср. антропонимы подобного типа в словаре Н. М. Тупикова: Беленин, Боровитин, Кокшар, Свияженин, Ярославец и др.

то многокомпонентной структурой. Например: конный казак Шумилка Григорьев может быть назван Шумилка Григорьев сын Зудов, десятник конных казаков Ивашка Пантелеев именуется во второй книге Ивашка ПантелЂев сын Коваль. Подобных вариантных наименований очень много: Осташко Тимофеев — Осташко Тимофеев, сын Нос, Оничка Власов — Оничка Власов Охлебинин, Кирилко Полетай—Кирилко Офонасьев сын · Полетай Попов, Васька Свияженин — Васька Мелентьев, сын Свияженин, Ивашко Екимов — Ивашко Екимов сын Рыбников, Онашка Васильев — Онашка Васильев сын Ядринец и др.

Томские расходные книги показывают, что в первой половине XVII в. еще существовала строгая социальная дифференциация именования лиц. Отчества на -ОВИЧ употреблялись обычно при назывании царей и князей (государь и великий князь Михаил Федорович). Полными каноническими или прозвищными именами названы воеводы (князь Иван Волконской, Ондрей Усов), дьяки (Бажен Карташов), подьячие (Ондрей Глазунов, Иван Селетцын, Лаврентей Степанов), дети боярские (Гаврил Черницын, Григорий Каржавин, Левонтей Полтев, Лука Васильев, Степан Моклоков), некоторые церковнослужители: игумен Феодосий, поп Ондрей, поп Родивон, дьякон Захарей. Все остальные социальные группы именуются антропонимами с оценочными суффиксами: пятидесятник конных казаков Васька Свияженин, десятник конных казаков Посничко Терентьев, конный казак Тренка Вершинин, пятидесятник пеших казаков Онтипка Иванов, десятник пеших казаков Федька Колмогор, пеший казак Чюдинко Савельев, пушкарь Васька Казаков, мельник Истомка Терентьев, засыпка Ивашка Боровитин, сторож съезжей избы Васька Беленин, острожный воротник Карпунка Васильев, кузнец Федька Еремеев, банный водолив Васька Федотов, толмач Дружинка Ермолин, плотник Ивашко Корман, полач Мосяшко Федоров, дьячок Нехорошко Левонтьев, пономарь Ондрюшка Михайлов, промышленной человек Степанко Обросимов, ссыльный Ивашко Ремяз, пашенный крестьянин Васька Сорокоум, староста пашенных крестьян Ромашко Мартынов, торговый человек Гаврилко Рогалев, опальный человек Микитка Верховитин, целовальник Васька Кондинской, гулящий человек Сенька Медведко, жилецкий человек Якушко Большинин, оброчной человек Федька Олександров и т. п.

Итак, одна из разновидностей официальных деловых документов — расходные книги дают богатый материал для изучения антропонимики и некоторые сведения об апеллятивной разговорно-бытовой и местной лексике XVII в.

Г. В. ТРОПИН

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ Я. Д. ЧЕРСКОГО В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

(к 90-летию со дня смерти)

Сибирским отделением Академии наук СССР утверждена комплексная научно-исследовательская тема «Сибирь». Она включает в себя неотложные задачи естественно-исторических, общественно-исторических и математико-технических наук. В исследованиях названной темы активное участие принимают академические институты и высшие учебные заведения Сибири.

Одной из актуальных общественных проблем Сибири является политическая ссылка, оставившая неизгладимый след в истории России (декабристы, поляки-повстанцы и др.).

Ян Доминикович Черский (1845—1892), поляк, участник польского восстания 1863 г., был осужден царским правительством России, сослан в Сибирь и сдан в солдаты 1-го Западно-Сибирского батальона, где прослужил 6 лет, а затем из-за болезни был уволен. Суровые условия царской солдатчины не сломили бодрость духа юного повстанца. Этому содействовала страстная любовь Я. Д. Черского к науке. Он увлеченно занимался самообразованием, научными исследованиями по геологии, анатомии, зоологии и географии. В этом ему оказывали большую помощь инженер из Варшавы Марчевский, земляк В. И. Квятковский и выдающийся путешественник-географ Г. Н. Потанин. Исключительные способности позволили Я. Д. Черскому в 26-летнем возрасте стать зрелым ученым. В 1871 г. он был приглашен в Иркутск на должность хранителя музея. Здесь он сблизился с ссыльными учеными-поляками: геологом А. Л. Чекановских и зоологом Б. И. Дыбовским.

В Иркутске у Я. Д. Черского значительно расширился круг научных интересов (требовала программа ВСОРГО). Он стал заниматься еще вопросами археологии, палеонтологии, климатологии, фольклора, этнографии и языкознания. Только на научной работе во ВСОРГО Я. Д. Черский стал видным ис-

следователем Восточной Сибири. Иркутский период жизни и деятельности Я. Д. Черского ознаменовался интенсивной публикацией его трудов в «Известиях» и «Записках ВСОРГО» (1872—1885 гг.).

После амнистии (1883 г.), через 2 года Я. Д. Черский выехал с семьей (женой и сыном) в Петербург. Петербургский период Я. Д. Черского—это период научных сводок, монографий, обстоятельных докладов в ученых обществах. Здесь он подготовил к печати первый том геологического описания берегов Байкала («Записки ВСОРГО» за 1886), обработал материалы Чекановского, собранные на Нижней Тунгуске, Оленике, Лене; составил дополнения к труду Риттера «Азия». В этот период Я. Д. Черский получил всеобщее признание: он стал членом многих обществ — Географического, Минералогического, Археологического и Московского общества испытателей природы. От Географического общества в 1886 г. он получил медаль имени Ф. П. Литке.

Несмотря на подорванное здоровье, Я. Д. Черский принял предложение от Российской Академии Наук — выехать на три года в Якутскую экспедицию (1891 г.). Но обратно (в Петербург) не вернулся: 25 июня 1892 г. он скончался. Первого июля Я. Д. Черский был порохонен несколько выше реки Омолок, на заимке Колымская. Жена и сын продолжали и завершили экспедицию в Нижнеколымске, затем прибыли в Иркутск, где все собранные материалы передали сотруднику Российской академии наук Э. Толлю. Несколько позже М. П. Черская написала и отослала в Петербург подробный отчет об экспедиции. Отчет Академией Наук признан лучшим.

Перу Я. Д. Черского принадлежит около ста печатных работ и много рукописных, частично опубликованных дневников и заметок, из которых особый интерес представляют для языковедов и этнографов отрывки из «Саянских дневников»[1] и «Этнографические заметки»[2].

В отрывках из «Саянских дневников» сообщается о крайне тяжелых условиях экспедиции из-за ненастной погоды и сильного половодья реки Оспы (Онон). Кроме того, здесь приводятся отрывки из речи старика села Тунки Луки Кобелева и других, правда, не в выдержанной транскрипции. Анализируя особенности говора Луки Кобелева и других тункин-

---

[1] Сб. Я. Д. Черский. Иркутск, 1956, с. 102—114.
[2] Там же, с. 242—259.

цев, можно заключить, что говор русского старожильческого населения Тункинского края — это говор вторичного образования на северо-русской основе.

Черты говоров основы таковы: оканье (переброди́ли, похлеста́л); стяжение гласных (развиватся — развивается); взрывное Г (в ноги́, благодаря́), твердое Т в глаголах 3-го лица настоящего времени (проигрыват); постпозитивная частица -ТО (конь-то). К вторичным чертам говора, приобретенным в Сибири, следует отнести аканье (карга—остров), диссимилятивную замену гласного У гласным Ы (он быдто постарше), а также слова: ЗАПЕРЛИСЬ — (отгородились от реки), ПОХЛЕСТАЛ В ВОДУ (побрызгал вином в воду), ЩЕКИ (крутые берега реки), ШИВЕРА (мелкое место во всю ширину реки, быстрый скат реки). В процессе взаимного хозяйственного и бытового общения с бурятами русские позаимствовали у аборигенов такие слова: водоемы: Арта́н (целебный источник), Ильчи́р — озеро, Сага́н-Хаи́р — приток Китоя, Кито́й — приток Ангары, Иркут — левый приток Ангары, Оспа́ (Онон) — левый приток р. Белой и др. Населенные пункты: Тунка́, То́ры, Тура́н, Кыре́н и др. Культовые понятия: ХАНГАЙ (горный дух у бурят). ДАЦАН (монастырь, храм у ламаистов, ТАХИД (каменный жертвенник), ЗУР-МОДОН (дерево с лентами и тряпочками), ЮРТА (жилище) и др. Названия диких животных: КАБАРГА (сибирское горное животное из семейства оленей), ГУРАН (дикий козел).

«Этнографические заметки»[3] Я. Д. Черского (1891—1892) относятся к Якутской экспедиции. По сравнению с отрывками из «Саянских дневников» содержат значительно больше материала по русско-сибирской диалектологии и этнографии. Говор русского старожильческого населения Верхней Средней и Нижней Колымы также относится к говорам вторичного образования на северно-русской основе со значительным влиянием якутского языка. Основу говора составляют: оканье (Они́сим, наро́ком—нарочно); твердое Т в глаголах 3-го лица настоящего времени единственного и множественного числа — слышит—понимает, дети не стоят (дети умирают), взрывное Г (не говорит). Вторичные признаки, приобретенные на Колыме: необычная для сторожилов палатализация губно-губных и зубно-зубных согласных В и М: ми(мы), вибирать (выбира́ть), сладкоязычие йюбию́ (люблю), сме́йть (смерть); замена ши-

[3] Черский Я. Д. Этнографические заметки, Иркутск, 1956, с. 242—259.

пящих свистящими: оскола (школа), сóлок (щелок) и свистящих—шипящими (ешть—есть), своеобразные беспредложные и предложные конструкции: пришли деду, спросить от кого (спросить у кого), давать от мяса. Весьма своеобразны у коломычан отдельные словосочетания и слова. Например: ОБЛИЗНУЛАСЬ (получила опухоль грудей), ВЗЯЛ ДАННЫЙ ПРАЗДНИК (провел данный праздник), ВЫСЫПАЛ ВОДУ (пролил воду), ПАЛЬТО ИЗЛОМАЛОСЬ (пальто изорвалось), ТАБАК ПРОЛИЛ (табак просыпал), САМ ПРИШЕЛ (пришел без дела), ИДТИ С НАРОКОМ (идти нарочно), НЕТУ СТАЛО (исчезло, кончилось), НОВИТЕ ТУТ, НОВИТЕ ТАМ (иные тут, иные там), рыбы только-то, ТОЛЬКО СТАЛО (рыба вышла, кончилась), ХОРОШО ДУ, ХУДО ДУ (хорошо ли худо ли), МОЛЬЧА НЕ ГОВОРИ (лучше не говори), ОРДИНАРНАЯ (постоянная), ХОРЕН МОИ ТРУДЫ (пропали, жалко мои труды), КОЧЕТ ПЛОХОЙ (кони плохие).

В «Этнографических заметках» Я. Д. Черского встречаются некоторые наблюдения, касающиеся антропонимики якутов. До контактов с русскими (XVII в.) у якутов употреблялись свои личные имена, которые были названиями различных предметов и их признаков, например: Борыллыэ (орел), Тырахы (чайка), Ырчая (зубоскалка), Кхактый (окунь). Русские имена, проникшие в якутскую антропонимику (XVII в.), адаптировались применительно к законам языка аборигенов. Например: Уйбан (Иван), Богылай (Василий).

Несколько десятилетий тому назад счет месяцев велся у якутов по луне, поэтому календарный год у них начинался с мая и заканчивался апрелем. Названия месяцев связывались или с отдыхом, или с трудовыми процессами, или с какими-либо явлениями природы. Примеры: май (сынняланг) — отдых, июнь (бардахыя)—комаринный месяц, июль (сараыя)—гуси линяют, август (оттыя) — сенокосный месяц, сентябрь (быгытыя) — месяц заездов на рыбу, октябрь (торасыя) — месяц ловли торосовой рыбы, ноябрь (сэтэнни) — седьмой месяц, декабрь (ахсыннье) — восьмой месяц, январь (тохсунно) — девятый месяц, февраль (олунню) — десятый месяц, март (кулинтутар) — жеребят ловить, апрель (бус устар) — лед тронулся.

Как в «Отрывках из Саянских дневников», так и в «Этнографических записках» лингвистические и этнологические наблюдения Я. Д. Черского совпадают с исследованиями

П. А. Ровинского[4], Г. С. Виноградова[5], В. Г. Тан-Богораза[6], Э. К. Пекарского[7], И. Шкловского[8], а в некоторых случаях дополняют их. Это говорит о том, что свои наблюдения по диалектологии и этнографии Я. Д. Черский выполнял добросовестно, с большой ответственностью перед наукой. Но, не будучи лингвистом, Я. Д. Черский допустил отдельные неточности: смешение понятия «звук» и «буква», «говор» и «наречие», непоследовательное транскрибирование и др.

Заканчивая рассмотрение некоторых работ Я. Д. Черского, имеющих отношение к диалектологии и этнографии, можно сказать, что они не утратили своего значения для русистов-диалектологов, этнографов, медиков, монголистов и тюркологов.

---

[4] Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь. — Известия ВСОРГО, 1873, т. IV, № 1.

[5] Замечания о говорах Тункинского края. — В кн.: Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1926, в. 2.

[6] Колымское русское областное наречие. — В кн.: Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук, Пб., 1901, т. 68.

[7] Краткий русско-якутский словарь. Изд. 2-е. Пб., 1916.

[8] Очерки крайнего северо-востока. — В кн.: Записки ВСОРГО, Иркутск, 1892, т. II, в. 1, ч. I.

Э. В. ВАСИЛЬЕВА

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕГУЛЯРНОСТИ В ГОВОРЕ

Вопрос о семантической регулярности, получивший в последнее время все более возрастающую популярность, можно отнести к тем проблемам, которые намечала отечественная семасиология уже в момент своего становления[1].

Наиболее систематические сведения об аналогии в семантической мотивации (регулярной лексической многозначности) представлены Ю. Д. Апресяном[2]. И тем не менее эта проблема нуждается в более развернутом освещении, что можно достичь за счет дополнительного привлечения диалектного материала. Однако в региональной лексикологии известны лишь единичные работы в этом направлении[3].

В связи с этим в настоящей статье предпринимается попытка установить характерную для диалектного субстантива типологию регулярных метонимических моделей. Источником анализа послужила картотека, насчитывающая более 1500 контекстов, иллюстрирующих употребление 434-х лекс, бытующих в говоре старожильческого населения районного центра Белый Яр, Верхнекетского района, Томской области. Поскольку исследование проводится на функциональном уровне, предельно расширяются границы семантических явлений, подводимых под понятие метонимии. Для того, чтобы можно было проследить все возможные типы метонимических отношений, реально существующие семантические комплексы представлены в виде бисемемных структур.

---

[1] Покровский М. М. О методах семасиологии. — Филологическое обозрение, 1896, т. X, кн. 1.

[2] Апресян Ю. Д. О регулярной многозначности. — Изв. АН СССР, 1971, т. 30, вып. 6, № 3; Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. (Имеются работы и других авторов).

[3] Гольдин В. Е. К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике (На материале названий построек и их частей в русских говорах): Дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 1966.

3. Заказ 3975.

Лексический состав названного диалекта позволяет наметить следующую типологию моделей регулярной метонимии[4].

Пространственная смежность

I. Одно в другом

1. Емкость — то, что заполняет ее. Квашня—1. Деревянная кадка для теста. — Специально была деревянная кадочка. В этой квашне ставили тесто. Квашонка, она же деревянная. Квашня, ее закрывали тряпкой, чтобы тесто не засыхало. 2. Тесто. — Растворила квашоночку, забродит, потом замесила опять, а утром встанешь — квашня уже подошла.

2. Часть тела человека—то, что наполняет ее. Горсть — 1. Ладонь и пальцы, сложены так ,чтобы ими можно было что-нибудь зачерпнуть, взять. -- Вон возьмёшь лён в горсть, изомнёшь его, он высохнет, ...мяли его, сделаешь трепало и треплешь его. 2. То, что может поместиться в руку, сложенную таким образом. — Первую горсть треплешь — отрепья летят.

3. Вместилище — количество содержащегося в нем вещества как мера. Ведро — 1. Цилиндрический сосуд с дугообразной ручкой для ношения и хранения воды и других жидкостей. — Еще очеп у колодца есть — палка такая длинная и толстая, на ней ведро подвешено, им из колодца воду доставали. 2. Мера жидкостей, равная 12-ти литрам. — А раз корова по ведру не даёт, то её не называют ведерница.

4. Строение—помещение, расположенное в нем. Дом. — 1. Здание, строение, предназначенное для жилья... Дом строят, капитальная стена делит надвое, накрест дом, этот дом крестовым называется. 2. Жилое помещение, расположенное в этом здании. — А раньше светков мало в доме было, летние светы сажали.

5. Помещение — люди, живущие или находящиеся в нем. Изба — 1. Внутреннее помещение крестьянского дома. — А были большие гобцы, прям во всю избу, и там спали. Раньше же большие семьи были. 2. Семья, люди живущие в одном помещении, одним хозяйством. — Старший человек в избе — вот у меня свёкор или отец.

[4] Объем статьи не позволяет привести полную типологию, насчитывающую более 70 типов.

II. Одно на другом

1. Часть тела человека — деталь одежды, располагающаяся на ней. Пояс — 1. Часть скелета человека, соединяющая грудную клетку с нижней частью туловища, талия. — Нагрудники носили из собачины и из зайца до пояса, а потом завязочки. Для тепла их под низ надевали. 2. То, чем подпоясывают одежду по талии (ремень, шнур, кушак). — А потом еще носили пояс. Они не ременны, а как бы резиновы, широки такй, тут были пряжки широки. Юбку надел, кофту, а сверху пояс — мода была.

2. Пространство—деревья покрывающие это пространство. Бор—1. Возвышенное место.— Лес боровой на бору стоит, на высоком месте. 2. Сосновый лес, растущий на сухом возвышенном месте. — Бор — там один сосняк, и он густой. И он обязательно на возвышенном месте.

3. Сенокосное угодье — травянистая растительность на нем. Покос —1. Место косьбы (луг, поле, предназначенное для косьбы).— К вечеру гнус бывает, особенно на покосе, если и не жарко, дак гад мешает. 2. Трава, предназначенная для косьбы. — Когда большая вода, лучше: луга зальёт — покос будет хороший, и рыба отгуляется — будет жирная.

4. Поле — сельскохозяйственная культура, произрастающая на нем. Картошка[5] — 1. Огородное растение, овощ. — Это балаболочки мы называем. Они примерно в сентябре, когда картошка отцветает. 2. Поле, предназначенное для посадки картофеля. — ...В поле посеем, в огороде посеем — всё картошка. «Идём, — говорит, — на картошку».

5. Площади хозяйственно-бытового назначения — постройки на них. Поместье — 1. Место, на котором стоит дом с хозяйственными постройками. — Дом стоит, вот кухню сделаешь, вот это всё стоит на поместье, на земле. 2. Дом с хозяйственными постройками.—Всё в кучу взять: дом со всеми принадлежностями — амбаришка, стайка—это всё поместье.

6. Материал для письма — документы, рукописи[6]. Гумажка — 1. Материал для письма, печати, рисования.— Вот така-то гумажка-то была. «Дай, — грит, — гумажку, письмо напи-

[5] В данном случае наблюдается обратное наполнение формулы «одно на другом». Согласно логике картошка растет на поле, которое тоже именуется «картошка», что и позволяет иллюстрировать рассматриваемый тип семантической деривации, несмотря на то, что первично значение «огородное растение, овощ».

[6] Синкретично допустима и смежность «материал — изделие».

шу». 2. Всякий письменный документ официального характера. — Не заработала денег у колхозе, гумажки нет у меня.

III. Одно за другим

Изгородь — находящееся за ней пространство. Загородка — 1. Забор вокруг чего-либо. — Вот так же она выглядит..., но только жердями, а так же вот я щас загородила, но вишь вот какими палочками, а тогда загородили только вот этими жердями, она называется загородка. 2. Место за забором, двор. — Если загородку загородишь, то загородкой звали место от нее к дому. «Ребятишки, играйте в загородке».

IV. Одно под другим

Предмет — другой предмет, расположенный под первым. Столешница — 1. Верхняя доска стола. — Был стол и крышка. Крышка-то и есть столешница. 2. Выдвижной ящик стола.— Вот примерно тут стол, а там вон такой ящик. Двигается там, и туда посуду кладёшь или чего, тоже столешница называется.

Смежность «растение — плод этого растения»[7]

1. Кустарник (или дерево) — ягода этого кустарника (или дерева). Калина — 1. Кустарник с кремоватыми цветами и красными ягодами. — Дерево — это круглые, большие стволы, это вот сосна, кедрá, пихтá, ель, а вот калина — это кустарник. 2. Красные горьковатые ягоды этого кустарника. — Муку-то заваривают, обваривают кипятком, ставят в русскую печь, в чугунке оно попреет, ложут туда калину, и называют это кулага.

2. Травянистое огородное растение, дающее съедобные плоды — съедобная наземная или подземная часть его. Капуста — 1. Огородное растение; овощ. — Володе только что говорила, чтобы капусту окучивал, земля так лежит, а её надо кучкой сделать. 2. Завивающиеся в качан листья этого растения, употребляемые в пищу. — Пирожки раньше на железном

[7] Обнаруживается синкретизм с синекдохической моделью «целое — часть».

листе пекли. Прижники — пироги. Кто с морковью, с капустой, с черёмухой.

3. Злак — зерно[8]. Рожь — 1. Хлебный злак, из зерен которого изготовляется мука, идущая на выпечку черного хлеба.— У неё два огорода были. Одна полоса — рожь, а другая — ячмень, а у нас воронец всё поклевал. 2. Зерна этого злака.— Рожь есть, смелют — иржина́ мука.

Смежность «реалия в естественном виде — материал для изготовления чего-либо»

1. Дерево — древесина этого дерева. Береза — 1. Лиственное дерево с белой корой. — Береста — сверху вот берёзы белое, вот её обдирают и из неё всё делают. Это верхний слой коры. 2. Древесина этого дерева. — А как же, разны трубки были. Раньше из берёзы делали, теперь базарны покупают, не знаю, из чего делают.

2. Дерево — дрова из этого дерева. Березник — 1. Роща или лес, состоящий из одних берез. — Лес когда-то был, бор. Сгорел. Молодняк на нём зарос. Смесь пошла. Березник, осинник. 2. Березовые дрова — ...берёзовые дрова жарче. Березник, он больше. Осинник не так горит. Березник лучше горит, жарче.

3. Растение — промышленный продукт из этого растения[9]. Табак — 1. Травянистое растение, в листьях которого содержится никотин. —В войну табак садили, манжурский или простой. Табак-листовик. Листы крупные, толстые такие. 2. Высушенные и мелко изрезанные или растертые листья и стебли, употребляемые для курения, нюхания или жевания.— Табак нюхали, щепоткой захватишь да в нос заткнёшь. Носом нюхали.

4. Животное — мех (или шкура) этого животного. Белка—1. Небольшой лесной грызун с пушистым хвостом, живущий на деревьях. — Белка, она питается грыбами, орехом. На берёзе есть грыбчики. Красивая. Во быстро она по лесу бегает, с кедры́ на кедру́. 2. Мех этого животного. — Белка-то это сейчас немодная, её всё больше за границу продают.

---

[8] Наблюдается синкретизм со следующим типом метонимических отношений.

[9] Модель синкретична с такими типами смежности, как «реалия в естественном виде — изделие из нее» и «материал — изделие».

5. Животное — мясо этого животного. Поросенок — 1. Детеныш свиньи. — Свиньюшку (маленькую) поросенком называют, если сосёт. Закололи сосунца, говорят. 2. Мясо этого животного. — Ладки, они таки́ продолговатые, сверху крышка. Они высокенькие. В них поросят жарили, которые сосут еще, к празднику зарежут.

Смежность «материал—изделие»

1. Ткань — одежда, сшитая из этой ткани. Холст — 1. Льняная или конопляная ткань полотняного переплетения кустарной или фабричной выделки.—Ткани мы ткали, это сами мы ткали, мы называли холст. Холстом называли. Есть ленной такой холст. 2. Одежда, сшитая из такой ткани. — Ой, господи, ничего не видали доброго, не вылазили из холста.

2. Пищевой продукт — то, что приготовлено из него. Кутья — 1. Ячменная крупа. — Кутью толкли. Деревянные были толкушки... Раньше же круп не было. Вот ячмень намочат, чтоб скорлупа облетела и сушат. Потом толкут. 2. Суп из ячменной крупы. — Мы толкли крупу на мельнице. Варили кутью.

3. Промышленное или кустарное сырье — то, что изготовлено из него. Пластинка — 1. Плоский, тонкий кусок металла, стекла или какого-либо другого материала. — Или ро́бит чё, как пластинку, грит, сделал. Она, пластинка-то, чистенька, гладенька, твёрденька. 2. Диск со звуковой записью для патефона или граммофона. — Пластинка, говорят, у нас граммофон, патефон был, пластинки были.

Смежность «действие—то, что так или иначе связано с действием»

1. Действие — место действия. Загул — 1. Пастьба скота, откорм на подножном корму. Коров отпустишь на загул. Загул что только вот там вот ест траву. 2. Место, где пасется скот. — Коров отпустишь на загул в поле, где выжнешь. Хлеб уберёшь. Ну, поле и есть загул.

2. Действие — время действия. Покос — 1. Косьба.—Страдовать надо ехать, на покос надо ехать, у кого хлеб узрел, так жать надо начинать, жали серпом вручную. 2. Время

косьбы. — У нас еще баушка была, сенокос начинатся, она тебя рано-рано будит. Покос кончится, там ягода.

3. Действие — орудие действия. Вязка — 1. Действие по глаголу «вязать», связывание. — Вязка как работа. Пояс связали. 2. То, чем связывают сноп. — Ну етой же, ну, на которой хлеб растёт, стебли, вершину с вершиной сплёл и делают вязку, снопы вязать или поясом ещё зовут.

4. Действие — объект действия. Гребь — 1. Действие по глаголу грести. — Он гребёт, он сгребает сено. Литовкой косит-то. Граблями ручными гребет. Гребщик называли, он гребь делает. 2. Скошенная трава, которую гребут. — Где сено лежит — это прокос. Сено сгребают потом в вал. В прокосах сено не просохло, недожаренное еще. И гребью зовут. Воглое оно, недосохло. Недожаренное, живая трава еще там попадает. Ну, сырая еще.

5. Действие — субъект действия. Свадьба — 1. Обряд заключения брака, а также празднество по случаю вступления в брак. — Свадьба называли, когда венчались, гуляли потом. Раньше редко кто сватает, укра́дет и всё, все крадучи больше, убегом. 2. Присутствующие при заключении брака, на свадебном торжестве. — Приедут венчаться в Тецкое к попу, туды свенчаются, идут, за тобой свадьба бежит.

6. Действие — результат действия. Рост — 1. Действие и состояние по значению глагола расти. — Нету ему росту, бедному, он в четвёртом классе, а росту со стол. Шпингалет. 2. Размеры человека или животного в высоту как результат этого действия и состояния. — Некоторых женщин небольшого роста и щупленьких называют чирушка. Потому, что это самая маленькая утка.

Временная смежность

Период времени — мероприятие, обычно проводимое в это время. Вечер — 1. Время суток от окончания дня до наступления ночи. — Зимой они [колонок и горностай] бегают в основном ночью, а днем в снег нору делают туда и там сидят. А как вечер, он вылазит и пошёл опять бегать. 2. Вечернее собрание приглашенных гостей. — На посиденки собирались к кому-нибудь, на вечер. «Пойдём ко мне на посиденки».

Логическая смежность

1. Страна света — ветер с этой стороны. Сивер — 1. Север. — Сивер — холодный такой, вечные льды там, ледовитый океан. 2. Холодный ветер с севера—...а сивер — холодный ветер...

2. Явление природы—то, что образуется при наличии данного явления природы. Талиба — 1. Оттепель. — Талиба — большая оттепель в марте месяце, налипает снег на лыжи, на лыжах не пройдет. Резкое потепление — снег начинает подтаивать. 2. Подтаявший снег. — Талиба, гыт, или снег, гыт, мокрый.

3. Орган человеческого организма — заболевание этого органа. Ухо — 1. Орган слуха у человека. — Они [глаза] гноятся или краснеют — золотуха, из ушей когда текет, тоже называется золотуха. 2. Заболевание органа слуха. — Иван-чай, кипрей настаивают, одну столовую ложку на стакан кипятка, пьют от горла, ушей.

Смежность «часть по целому»

1. Сооружение или приспособление хозяйственно-промышленного назначения — характерная деталь его. Толчея — 1. Приспособление для измельчения зерна. — Столб вкопаешь, сделаешь проушину, чтобы вочеп, жердь положить, а на вочеп пестик положишь и толчешь. Это все сооружение толчея звали. 2. Пест. — Толчея — это жердь в бочку, допустим, поставлена, на конце толчея и гвозди набиты, и вот ячмень сыпишь и бум-бум-бум — толчёшь.

2. Помещение — часть помещения. Изба — 1. Внутреннее помещение крестьянского дома. — Вот, примерно, чистый человек ходит, и говорят, что он обрядный. Или в избе хорошо, убрано, и говорят: «Как у тебя обрядно». 2. Первая комната в крестьянском доме, имеющая русскую печь. — Четырёхугольный дом небольшой, четыре угла. Это горница, а это изба, говорили. Где больше находятся, там изба, а где чисто убирашь, там и горница.

3. Часть страны, территория—административный центр ее. Райвон — 1. Административно-территориальная единица. — Клюквинка, Степановка, вплоть до Мохово — всё в нашем райвоне. 2. Районный центр. — Потому что райком партии, райисполком и всё. В 1939 г. сделали самостоятельным рай-

воном. Открыли всякие организации, отделы, как райвон стал (о Белом Яре).

Смежность «целое по части»

1. Характерная деталь — сооружение или приспособление для хозяйственно-промыслового пользования, имеющие эту деталь. Плита — 1. Большой, плоский, с ровной поверхностью кусок камня, металла и т. п. — А на плите готовят, у печки плита есть. 2. Род кухонной печи с комфорками, располагающимися на плите. — Плит не было, только железки. Только осиновые дрова на русскую печь. А на железку разные там, от березника и хвойными кончая. Не было же плит-то.

2. Ограниченное чем-либо пространство — пространство без всякого ограничения. Улица — 1. Пространство между двумя рядами домов в населенном пункте. — Вот выйду на улицу счас, за калитку выйду — и я на улице. 2. Место вне помещения под открытым небом — ...парник из дóсок, туда назьму маленько да глины, помидоры, капусту садят, а потом на улицу высаживают.

3. Орган человеческого организма — человек как носитель этого органа. Язык — 1. Орган в полости рта, способствующий пережёвыванию и глотанию пищи, а также орган речи.— Разиней называют... Сидел как разиня, рот разинул, у тебя, так говорится, изо рта язык утащили и ты не знал. 2. Пленный, от которого можно узнать нужные сведения. — Можно назвать человека воякой. Убил много или привёл языка.

Родо-видовая (гиперонимическая) смежность

1. Человек безотносительно к социальным признакам и родственным связям — человек в зависимости от его социальных признаков и родственных связей. Баба — 1. Замужняя женщина. — Бабье лето — это когда дождливое лето, как баба плачет, когда с мужем плохо живёт, так и лето. 2. Жена.— Я раньше в Большой Панове жил. Теперича живу здесь больше десятков лет. Дедушка быв, баба первая померла, тёщу схоронил.

2. Тот или иной механизм — определенный вид этого механизма. Машина — 1. Механизм или совокупность механизмов, совершающие какую-либо полезную работу путем преобразования одного вида энергии в другой. — Что-то машина

изломалась, а люди стоят. «Вот застой у нас сегодня», — говорят. 2. Транспортное средство, приводимое в движение каким-либо механизмом (преимущественно автомобиль). — Черт ему знать коня, когда он в машину садится. Животных не любят сейчас.

3. Материя — определенный вид материи. Ткань — 1. Тканая материя, материал. — Ткань, она разная бывает. Раньше у нас, ну как сказать, ткань, у неё название разное бывает. 2. Определенный вид тканой материи, материала. — Раньше у нас вот как ситец, гладкая была, тканью её и называли.

4. Процесс или явление — конкретизация проявления его. Помочь — 1. Помощь вообще. — Говорят: «Я вскормила ребёнка, воспитала». Ишо так говорят: «Кормила, кормила, а помочи нет, воспитывала, воспитывала». 2. Коллективная помощь в работе за угощение.—Вот если кто дом строит или что, помочь собирали, человек десять, может, или сколько ли, не за деньги помогают, а угощают их. Если за деньги, то это уже не помочь.

5. Род (или вид) животных—вид (или подвид) животных. Зверь — 1. Дикое, обычно хищное, животное. — Зверя у нас всякого полно. И бобёр, и горностай, и колонок, и соболя, и ондатр, и песцы, лисы всякие: чернобурки и рыжая лиса. Зайцы водятся. 2. Медведь — ... зверь? — Ну медведь-то. Медведь и зверь есть.

6. Вид или подвид животного — самец или самка этого вида или подвида. Лошадь — 1. Крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов.—В общем, в целом, их назовёшь лошади. А там уж конь и кобыла. 2. Самка этого вида животного. — Лошадь, кобыла жеребится, тоже маткой зовут. Маткой корову зовут, если телится.

Видо-родовая (гиперонимическая) смежность

1. Человек по характерным для него социальным признакам или родственным связям — человек безотносительно к его социальным признакам и родственным связям. Дед — 1. Отец отца или матери. — Раньше-то командовал дед, даже прадед. Отец рассказывал. У деда было 12 сыновей, все переженились, и этот дед сыновьями командовал и внуками. Попробуй сноха че-нидь. Она мужа боялась не так, как этого деда. 2. Старый человек, старик. — У одного деда перевернулись кишки, ему операцию делали.

2. Субстанция определенных характеристических параметров — субстанция вообще. Быстредь — 1. Быстрое течение. — У нас и чердаком, леса́ны ставили, лес такой, чтоб сеть держать, а то, если быстредь, то сеть уносило. 2. Течение.— Быстредь — это несет, если по реке едешь, то быстредь на низ, а если кверху, то супредь воды, супредь быстреди. Палку бросишь, она по быстреди плывет, по течению.

3. Денежная единица — деньги вообще. Копейка — 1. Денежная единица, равная одной сотой рубля. — Глаз заболел, левый глаз не работает. Иди в аптеку, бери на́добья. 20 копеек заплатил, всё измазал, ничего не помогло. 2. Деньги, денежные средства. — Руки стали болеть. Робили, робили и копейку не заработала. Раз он дома помер, мне никакого способия не было.

Смежность «общее — отдельное»

Множество однородных предметов — единичный предмет из этого однородного множества. Картошка — 1. Подземные клубни огородного растения, употребляемые в пищу. — Это драники. Я-от делала: картошку натру, отожму и с мукой, а во время войны так, без муки делали. 2. Один клубень этого растения. — Вилки появились — уже поздно. А ручки деревянные были. Когда картошки вот ели вилкой. Рыбу рукой берёшь и всё.

Итак, проделанный анализ приводит к мысли о том, что диалектный полисемантичный субстантив представлен принципиально теми же типами и подтипами метонимических моделей, что и многозначное имя в литературном языке[10]. Однако это не отнимает его оригинальности, заключающейся главным образом в несовпадении с литературной типологией, которое имеет количественное и качественное проявление. Количественная спецификация — это или отсутствие в диалекте моделей, характерных для литературного языка (часть тела— выражение этой части тела. Столица государства—правительство этого государства и др.), или, наоборот, наличие в говоре типов, не отмеченных для литературной системы (изгородь — находящееся за ней пространство; помещение— часть помещения и др.). Сложнее качественное своеобразие, обнаруживающееся при попытке соизмерить, на первый взгляд, совпа-

[10] См.: Апресян Ю. Д. Указ. соч., с. 193—203.

дающие модели. Трудность такого наблюдения состоит в том, что различен подход при анализе материала литературного языка (на языковом уровне) и диалектной лексики (функциональный подход). Следовательно, качественное сравнение возможно лишь на следующем этапе при обобщении речевых моделей, что может явиться предметом специального исследования.

Н. Д. ГОЛЕВ

ОПЫТ ОПИСАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ АДЪЕКТОНИМИЧЕСКИХ СИСТЕМ. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОТИВАЦИИ
(на материале русских адъектонимов Алтайского края)

На многих территориях нашей страны складываются свои собственные в разной степени специфические системы адъектонимов — прилагательных от названий населенных пунктов. Описание таких систем предполагает изучение мотивирующих свойств ойконимов, создающих предпосылки для выбора той или иной формы адъектонима: безаффиксной, с суффиксами -СК-, -ОВСК-, -ИНСК-, -АНСК- и др. (синтагматический и эпидигматический аспект) и традиций использования данных моделей образования адъектонимов на определенной территории, воздействия аналогии со стороны «соседних» адъектонимов (парадигматический аспект).

В настоящей работе мы обращаемся к одному из проявлений первого аспекта — влиянию лексико-семантических свойств мотивирующего ойконима на выбор формы адъектонимов, действующего наряду с фонетическим[1] и структурным[2] факторами. Изучение парадигматического аспекта связывается с ограничением материала рамками одного региона — Алтайского края, с привлечением данных других регионов.

Лексико-семантический фактор в наибольшей мере действует по отношению к «адъектонимизации» ойконимов, представляющих собой онимизированные апеллятивы, — ойконимов-субстантиватов (пос. ЮЖНЫЙ, с. НОВОЕ), и нарицательных имен в ономастической функции, или деапеллятивов (г. ГОРНЯК, с. МИР). Общий причиной их подверженности

---

[1] См. об этом: Черненко М. Н. Словообразовательная структура оттопонимических прилагательных в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ташкент, 1978.

[2] Структурный фактор рассматривается нами в работе, включенной в сб.: Вопросы региональной лексикологии и лексикографии, Барнаул, 1983.

данному фактору является необходимость дивергенции собственного и нарицательного имени на уровне производства[3].

Прилагательные от ойконимов-субстантиватов

Главной антиномией, определяющей функционирование и развитие адъектонимов данной мотивационной группы, является, на наш взгляд, противопоставление бессуффиксных и суффиксальных образований типа ПРОМЫШЛЕННЫЙ и ПРОМЫШЛЕННОВСКИЙ (от ойконима ПРОМЫШЛЕННЫЙ), МИРНЫЙ и МИРНЕНСКИЙ или МИРНОВСКИЙ (от МИРНЫЙ). В этой оппозиции более сильным и перспективным членом выступает тип суффиксальных адъектонимов; их количественное соотношение в Алтайском крае, например, равно 75:40 (причем такое соотношение является одним из наиболее низких по областям РСФСР). Перспективность суффиксального типа нередко ощущается и носителями языка, оценивающими их как более правильные; так, в письме № 144 директор школы села Урожайное пишет, что, несмотря на официальную закрепленность названия школы как УРОЖАЙНАЯ, более правильно говорить и писать было бы УРОЖАЙНОВСКАЯ (дивергентная форма)[4]. Внутри суффиксального типа также нет единства. Важнейшая дифференциация здесь — производные с «чистым» -СК- (-К-) и производные с осложненными вариантами этого суффикса. Их соотношение — 17:58. Среди последних: -ИНСК-/-ЕНСК- — 33, -ОВСК-/-ЕВСК- — 24, -АНСК- — 2.

Совпадение[5] формы апеллятивного прилагательного, ойконима и безаффиксного адъектонима объясняет небезразличность последнего к семантике непосредственного мотиватора и предмотиватора (дотопонимическому значению). Вполне обусловлено тяготение безаффиксных адъектонимов к определенным типам мотивационного значения, прежде всего мелиоративного — естественны адъектонимы НОВЫЙ, ЮБИЛЕЙНЫЙ, УРОЖАЙНЫЙ, ПЕРЕДОВОЙ, СВОБОДНЫЙ,

---

[3] Данное явление обосновывается в раб. Соколов О. М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка. Томск, 1972. Однако дивергенции на базе собственных и нарицательных имен автор не касался.

[4] Письменные запросы использовались в связи с недостаточностью официальных справочников, отмечающих лишь названия сельсоветов.

[5] По существу, такое совпадение имеет омонимический характер.

СОЛНЕЧНЫЙ, РАДОСТНЫЙ, встречающиеся не только в Алтайском крае, но и в других регионах; при этом ни разу не зафиксированы безаффиксные адъектонимы от ойконимов типа СТАРОЕ, ГОРЬКОЕ, РАЗДОРНЫЙ, БЛУДНЫЙ, СЕРДИТЫЙ, ХРЕНОВЫЙ, ТОПУЧИЙ, МОКРОЕ, МАЛЕНЬКОЕ, ПЛОСКОЕ[6]; значения, отражающего хозяйственную направленность населенного пункта, ср. типичные адъектонимы ПРОМЫШЛЕННЫЙ, САДОВЫЙ, ЦЕЛИННЫЙ, НОВОСИЛИКАТНЫЙ, РЫБАЧИЙ, или его локальные характеристики: ДАЛЬНИЙ, СЕВЕРНЫЙ, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ, ЗАРЕЧНЫЙ, ЛЕСНОЙ, ПЕРВЫЙ, ПЕРЕДНИЙ, ВЕРХНИЙ, НИЖНИЙ.

Указанная тенденция определяется во многом валентностными свойствами производного прилагательного: с одной стороны, его способностью более или менее естественно сочетаться с существительными, наиболее часто встающими в позицию определяемых (ЦЕНТРАЛЬНАЯ ШКОЛА, ПЕРЕДОВОЙ СЕЛЬСОВЕТ, НОВОСИЛИКАТНЫЙ МАГАЗИН, РЫБАЧЬИ ДЕТИ, СОЛНЕЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ), что предполагает наличие семантической общности (общих сем) у сочетающихся слов; с другой стороны, стремлением отмежеваться от неестественных словосочетаний (ПЛОСКАЯ ШКОЛА, ЛЕБЯЖИЙ МАГАЗИН и под.). Данные свойства не накладываются полностью друг на друга, так как в кругу сочетающихся существительных почти всегда неизбежны ограничения: если сочетания типа СЕВЕРНЫЙ или ЮБИЛЕЙНЫЙ СЕЛЬСОВЕТ в принципе возможно, то вряд ли — СЕВЕРНЫЙ НАЧАЛЬНИК или ЮБИЛЕЙНАЯ МОЛОДЕЖЬ. Строго говоря, о полной естественности и семантической правильности словосочетания в большинстве употреблений адъектонимов говорить не приходится: обладая новым смыслом по отношению к узуальному апеллятивному прилагательному, они неизбежно нарушают сочетаемостные нормы соответствующей лексемы или порождают двусмысленность.

Дополнительными противопоказаниями образования безаффиксного адъектонима могут оказаться высокая степень мелиоративности «предмотивирующего» прилагательного-апеллятива типа ХОРОШЕЕ, ПРЕЛЕСТНОЕ, ДРУЖНОЕ,

[6] Имеются, например, адъектонимы СТАРСКИЙ (Кал.), СТАРОВСКИЙ (Киев.), ТОПУЧИНСКИЙ (Алт.), ХРЕНОВСКИЙ (Ворон.), МОКРИНСКИЙ (Горьк.), МОКРЕНСКИЙ (Жит.), ПЛОСКОВСКОЙ (в 6 обл.), ПЛОЩАНСКИЙ (Лип.) и др.

ВЕСЕЛОЕ, ИЗОБИЛЬНОЕ, СЧАСТЛИВОЕ, СЛАВНОЕ, ЧИСТОЕ, ОТВАЖНОЕ, БОЕВОЕ, БОГАТОЕ, ДЕЛОВОЕ[7]; конкретность его значения и сочетаемости, как, например, у цветовых прилагательных типа ЖЕЛТОЕ, БЕЛОЕ, СВЕТЛОЕ, МАЛИНОВОЕ[8] или прилагательных со значением вкуса, температуры — СЛАДКОЕ, КИСЛОЕ, ПРЕСНОЕ, ГОРЯЧЕЕ, ТЕПЛОЕ, ХОЛОДНОЕ[9], а также притяжательных прилагательных: ЩУЧЬЕ, ВОЛЧЬЕ, ЗАЯЧЬЕ, КАБАНЬЕ, МЕДВЕЖЬЕ, ЛЕБЯЖЬЕ, ЛЕБЕДИНЫЙ[10] и др. Присоединение таких прилагательных к названиям объектов, относящихся к соответствующим населенным пунктам, делает возникающее словосочетание с большой долей вероятности семантически и логически неправильным или двусмысленным.

Объясняя причины выбора безаффиксной формы адъектонимов, нельзя не отметить факта почти полного отсутствия таковых при мотивации со стороны нечленимых ойконимов, исключения: НОВЫЙ (Алт., Пск.), КРАСНЫЙ (Волг. и др.). Стимулирующее действие ойконимического суффикса на выбор бессуффиксного способа образования адъектонима связано, на наш взгляд, с сохранением в суффиксе инвариантного значения относительности, несмотря на смену конкретных мотиваторов или релятивной семы, скажем ЮБИЛЕЙНЫЙ — «имеющий временное отношение к ЮБИЛЕЮ» и ЮБИЛЕЙНЫЙ — «имеющий локальное (прежде всего) отношение к ЮБИЛЕЙНЫЙ». Происходит своеобразное наложение суффиксов мотивирующего и мотивированного слов, которое особенно ярко проявляется в случаях с суффиксом -СК- типа г. МАЯКОВСКИЙ—МАЯКОВСКИЙ район, отличающихся от

---

[7] Известны адъектонимы: ХОРОШЕВСКИЙ (Кост., Дн., Кир.), ХОРОШИНСКИЙ (Новос.), ПРЕЛЕСТНЕНСКИЙ (Бел., Дон.), СМЕЛОВСКИЙ (Сум.), СЧАСТЛИВЕНСКИЙ (Став.), СЛАВНОВСКИЙ (Кал-н., Крым.), ОТВАЖНЕНСКИЙ (К-р.), ДЕЛОВСКОЙ (Зак.), БОГАТОВСКИЙ (Куйб., Крым.), БОГАТЯНСКИЙ (Од.) и др.

[8] Известны адъектонимы: БЕЛОВСКИЙ (распр.), БЕЛЬСКИЙ (Хм., Вит.), БЕЛЕНСКИЙ (Новос., Ров.), ЖЕЛТЯНСКИЙ (Дн., Ворош.), ЖЕЛТИНСКИЙ (Ор.), СВЕТЛОВСКИЙ (распр.), СВЕТЛИНСКИЙ (Ор.), СВЕТЛЯНСКИЙ (Удм.), ЗЕЛЕНОВСКИЙ (распр.), ЗЕЛЕНСКИЙ (Кир-д). Возможность адъектонима КРАСНЫЙ связана, разумеется, с переосмыслением цветового прилагательного.

[9] Ср.: ТЕПЛОВСКИЙ (Лип., Ворош.), ХОЛОДНЯНСКИЙ (Маг.).

[10] Ср.: ЩУЧИНСКИЙ (Вор.), ЩУЧЕЙСКИЙ (Кал-н.), ЩУЧЬЕНСКИЙ (Кал-н.), МЕДВЕЖЕНСКИЙ (Вор.), МЕДВЕЖЕВСКИЙ (Кург.), МЕДВЕЖИНСКИЙ (Ом.), ВОЛЧЕНСКИЙ (Лип.), КАБАНСКИЙ (Алт.), КАБАНЬЕВСКИЙ (Ом.), ЛИСЬЕВСКИЙ (Кург.), ЛЕБЯЖИНСКИЙ (Алт.), ЛЕБЯЖЬЕВСКИЙ (Ам., Кург., Тамб.), ЛЕБЯЖСКИЙ (распр.).

случаев обычного наложения типа ОМСК—ОМСКИЙ только большей степенью семантической контрастности совмещающихся формантов. Рассмотрим состав алтайских бессуффиксных адъектонимов.

1) Адъектонимы с мелиоративной семантикой: МИРНЫЙ (Бийск., Бурл., Ег.), МОЛОДЕЖНЫЙ (Павл., Ребр.), ЮБИЛЕЙНЫЙ (Перв.), РАДОСТНЫЙ (Крут.), РАЗДОЛЬНЫЙ (Троицк.), СОЛНЕЧНЫЙ (Ал.), НОВЫЙ (Калм.), УРОЖАЙНЫЙ (Сов., Бийск.); 2) адъектонимы с «хозяйственной» семантикой: ПРОМЫШЛЕННЫЙ (Бийск.), ПОЛЕВОЙ (Калм.), САДОВЫЙ (Трет., Топч.), СВЕКЛОВИЧНЫЙ (Бийск.), ЯРОВОЙ (Славг.), СЕЛЕКЦИОННЫЙ (Славг.), СОВХОЗНЫЙ (Ал.), МЕЛЬНИЧНЫЙ (Зал.), МОЛОЧНЫЙ (Смол.), НОВОСИЛИКАТНЫЙ (Барн.); 3) адъектонимы с локальной семантикой: ПРИГОРОДНЫЙ (Бийск.), ЦЕНТРАЛЬНЫЙ (Род.), ЗОНАЛЬНЫЙ (Бийск.), ЮЖНЫЙ (Барн.), ДАЛЬНИЙ (Рубц., Бурл.), СЕВЕРНЫЙ (Красног., Перв.), ПРЕДГОРНЫЙ (Бийск.), ЗАРЕЧНЫЙ (Кытм., Панкр.), БЕРЕГОВОЙ (Панкр.), ЗАОЗЕРНЫЙ (Бийск.), ПРИОЗЕРНЫЙ (Рубц., У-Калм.); 4) адъектонимы с ландшафтной семантикой: МНОГОЗЕРНЫЙ (Троиц.), ОЗЕРНЫЙ (Ребр.), СТЕПНОЙ (Топч., Бийск., Солон.), ЛОГОВОЙ (Кос.), ЛУГОВОЙ (Кам.), ЛЕСНОЙ (Бийск., Бурл., Перв., Ребр., Чар.).

Такие и подобные формы характерны для многих регионов, ср. МИРНЫЙ (Новос., Сар., С-Каз.), МОЛОДЕЖНЫЙ (Кокч., Сар.), СОЛНЕЧНЫЙ (Кр-ск, Чел.), НОВЫЙ (Пск.), ПРОМЫШЛЕННЫЙ (Коми), ПОЛЕВОЙ (Ор.), САДОВЫЙ (Караг., Влад., Крым.), СОВХОЗНЫЙ (Кокч., Св., Ор.), ПРИГОРОДНЫЙ (Кирг., Св., Цел.), ЮЖНЫЙ (Калм.), ДАЛЬНИЙ (Кар.), СЕВЕРНЫЙ (Новос., Ор., Павл., Став., Горьк.), ПРЕДГОРНЫЙ (С-Ос.), ЗАРЕЧНЫЙ (Вор., Новос., Ор.), БЕРЕГОВОЙ (Чел., Крым.), ПРИОЗЕРНЫЙ (Павл., Цел., Коми), ОЗЕРНЫЙ (Куст., Караг., Сар., Ор., Павл.), СТЕПНОЙ (К-р., Рост., С.-Каз.), ЛЕСНОЙ (Кал., Куйб.). Однако практически каждая ойконимическая лексема помимо безаффиксных форм имеет на территории страны и другие формы. Они легко обнаруживаются уже в пределах Алтайского края: МИРНЕНСКИЙ (Род., Угл., Локт.), МИРНОВСКИЙ (Хаб.), РАЗДОЛИНСКИЙ (Локт., Кам.), РАЗДОЛЬНЕНСКИЙ (Род.), ПОЛЕВСКОЙ (Хаб.), САДОВСКИЙ (Солон.), ЯГОДИНСКИЙ (Барн.), ЮЖНОВСКИЙ (Смол.), ДАЛЬНОВСКИЙ (Ребр., Хаб.), ПРИОЗЕРНОВ-

СКИЙ (Благ.), ОЗЕРНИНСКИЙ (Сор.), СТЕПНОВСКИЙ (Смол., Трет.), ЛУГОВСКОЙ (Павл., Тальм.), ВОСТОЧНОВСКИЙ (Тальм.). По другим территориям удельный вес аффиксальных адъектонимов в целом более высок, чем на Алтае. Приведем несколько примеров: ПРОМЫШЛЕННОВСКИЙ (Кем.), ЯРОВИНСКИЙ (Кург.), МОЛОЧНЕНСКИЙ (Крым.), МОЛОДЕЖНИНСКИЙ (Чит.), НОВИНСКИЙ (Ам., Хаб., Яр.), НОВСКИЙ (Горьк., Сах., Кал-н.), НОВЕНСКИЙ (Зап.), ПРИГОРОДНЕНСКИЙ (Чеч.-Инг.), ДАЛЬНЕНСКИЙ (Том., Рост.), СЕВЕРСКИЙ (Св.), БЕРЕГОВСКИЙ (Белг.), ЛЕСНОВСКИЙ (Камч., Сар.), ЛЕСНЯНСКИЙ (Брест.), ЛЕСНЕНСКИЙ (Од.) и т. п.

Суффиксальные адъектонимы в Алтайском крае более регулярны при образовании от других семантических групп ойконимов-субстантиватов. При этом не обнаруживается достаточно ясных показаний для выбора модели с -СК- или его вариантов, кроме общеязыковых, например, основа на группу согласных требует выбора вокализованных вариантов (ПОПАСНОЕ — ПОПАСНОВСКИЙ, ОМУТНОЕ — ОМУТНИНСКИЙ), выбор чистого -СК- часто сопряжен с усечением (РАЗДОЛЬНОЕ — РАЗДОЛЬСКИЙ), ойконимы на -ОВ(ый) естественным образом сочетаются с -СК- и т. п. И в парадигматическом отношении алтайские адъектонимы системно организованы слабо: модели на -ОВСК(ий) и -ИНСК(ий) количественно примерно равны и распределены по территории края достаточно равномерно[11]. Модель на -АНСК(ий) представлена единичными примерами (КРУГЛЯНСКИЙ, БЫСТРЯНСКИЙ), являющимися «заимствованиями» из западных регионов СССР, где эта модель частотна.

Прилагательные от ойконимов деапеллятивов

Деапеллятивы составляют большую группу в алтайской ойконимии — около 300 наименований. Адъектонимов от них известно лишь 240. Выделяются следующие семантические группы:

1. Ойконимы, мотивированные словами, обозначающими локальные (ГОРОДОК, НОВАЯ ДЕРЕВНЯ, ХУТОРКИ),

---

[11] Исключение составляет Горно-Алтайская АО, где преобладает модель на -ИНСКИЙ. Такое явление обнаруживается и на других иноязычных территориях, например, в Азербайджанской ССР.

пространственные (СЕВЕР, ЗАПАДНЫЙ УГОЛ, ГЛУШИНКА, ПОЛОВИНКА, ЗАСУРЬЕ, ЗАРЕЧЬЕ, ПРИТЫКА), ландшафтные (ПЕСЧАНЫЙ БОРОК, ЯРОСЛАВЦЕВ ЛОГ, ЯСНАЯ ПОЛЯНА, ТУРБИНА ГОРА, ЯРКИ, РЯМЫ, ИСТОК, ТАЛЫЙ КЛЮЧ, СОРОЧИЙ ЛОГ, БУГРЫ, ГРИВА, ЗЯТЬКОВА РЕЧКА, ПЕЩЕРКА, КОЛОВЫЙ МЫС, МЫСКИ, ТАЙГА) и хозяйственные (НЕФТЕБАЗА, ВЫПАСА, КОРДОН, ЗАГОТСКОТ, ПЛОДОСОВХОЗ, ЗАИМКА, ПРИСТАНЬ, ЗАТОН, ЛЕСХОЗ, РУДНИК, ПЛОДОПИТОМНИК, СТОКОИМПОРТ) объекты;

2. Ойконимы — социальные символы: абстрактные (СВОБОДА, ПУТЬ ПАХАРЯ, РАЗДОЛЬЕ, ПРАВДА, ТАЙНА, СОВЕТ, НОВЫЙ БЫТ, НОВЫЙ ПУТЬ, НОВЫЙ СВЕТ, ЗАВЕТЫ ИЛЬИЧА, ЗАРЯ СВОБОДЫ, ВОСХОД, ОТРАДА, ВОЗРОЖДЕНИЕ, ЮНОСТЬ) и более конкретные (АВРОРА, МАЯК, ПИОНЕР ТРУДА, БОЛЬШЕВИК, КОММУНА, ФАКЕЛ СОЦИАЛИЗМА, СЕРП и МОЛОТ, ПРОЛЕТАРСКАЯ КРЕПОСТЬ, КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН);

3. Ойконимы-посвящения: ИЛЬИЧА, АНАТОЛИЯ, им. ФРУНЗЕ, ДЕМЬЯНА БЕДНОГО, им. ВОСЬМОГО МАРТА, 12 ЛЕТ ОКТЯБРЯ, VII КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА, ПАРИЖСКАЯ КОММУНА;

4. Ойконимы — имена лиц: ГОРНЯК, КОМСОМОЛЕЦ, КРЕСТЬЯНКА, пос. САДОВОДОВ, ЗИМАРИ, ХЛЕБОРОБ, БОРЕЦ, КРАСНЫЙ БОЕЦ[12];

5. Зоонимические и фитонимические ойконимы: ТОПОЛИ, КАМЫШИ, ВЕТЕЛКИ, КОРОСТЕЛИ, ЖУРАВЛИ, КАРАСИ, ПЕТУХИ, ОРЕЛ, ИНДЕЙКА, ДРОЗДЫ;

6. Прочие: ЗЕРНО, ПОЛУКОЖА, ГЛИНКА, МИРАБИЛИТ, ПЕНЬКИ, КОРМОВИЩЕ, ПОЛУЯМКА, ЧЕРТЕЖ.

Специфической чертой образования адъектонимов от ойконимов-деапеллятивов является их необходимое взаимодействие с прилагательными, образующимися от исходных апеллятивов, которое имеет ту же дивергентную природу, что и взаимодействие с ойконимами-субстантиватами. Отталкивание от нарицательного прилагательного требует от адъектонима иной формы: УРОЖАЙ—УРОЖАЙНЫЙ, но УРОЖАЙ—УРОЖАЕВСКИЙ. Основной способ дивергенции собственных и нарицательных имен достаточно хорошо отработан в системе русского языка, он связан с тяготением суффикса -СК- к ономастическим основам, тогда как суффиксы -Н-, -ОВ-, -ИСТ-,

[12] Некоторые из имен лиц возможно отнести и в группу символов.

-АН-, -ИН-, -ЕНН-, -АТ-, -ИВ-, -ИЙ- и др. связываются в основном с нарицательными именами и крайне редко с онимами. Сложность, однако, в том, что суффикс -СК- неоднозначен в русском языке, круг его сочетаемости широк, хотя на наш взгляд, есть определенная специализация между его вариантами: -ИЧЕСК- тяготеет к основам с абстрактным значением, -ОВСК- — к именам лиц, -ИНСК-, -ЕНСК-, -АНСК- — к топонимическим основам.

Рассмотрим основные дивергентные типы, реализующиеся в алтайской адъектонимии, опираясь на нашу семантическую классификацию.

Н—СК

1) КУРГАН—КУРГАННЫЙ, но КУРГАН (Благ.)—КУРГАНСКИЙ (далее приводим только адъектоним); КАМЕНЬ—КАМЕНСКИЙ, ПУСТЫНЬ (Кос.)—ПУСТЫНСКИЙ, КРУТОЙ ЯР (Посп.)—КРУТОЯРСКИЙ, КРАСНЫЙ ЯР (Ал., Ключ., Сов.)—КРАСНОЯРСКИЙ (весьма распространенные формы дивергенции, хотя есть и исключения, ср.: КРАСНОЯРОВСКИЙ (Шип.) или по другим регионам ЖЕЛТОЯРОВСКИЙ (Хаб.), ВЕСЕЛОЯРОВСКИЙ (Прим.) и др.), БЫСТРЫЙ ИСТОК—БЫСТРОИСТОКСКИЙ, ТУРЬИНА ГОРА—ТУРЬИНОГОРСКИЙ (формы на ГОРСКИЙ регулярны в СССР), МАЛИНОВОЕ ОЗЕРО — МАЛИНОВООЗЕРСКИЙ (типовая форма от ойконимов на ОЗЕРО, исключения редки), МАЛИНОВАЯ ГРИВА (Тог.), — МАЛИНОГРИВСКИЙ, ПЛОДОСОВХОЗ (Волч.) — ПЛОДОСОВХОЗСКИЙ, ЗЕРНОСОВХОЗ—ЗЕРНОСОВХОЗСКИЙ (также в Рост. обл.), КОРДОН (Зал.)—КОРДОНСКИЙ, ЗАТОН (Барн.)—ЗАТОНСКИЙ, ТАБУНЫ — ТАБУНСКИЙ, ЗАГОТСКОТ (Смол.)—ЗАГОТСКОТСКИЙ, САРАИ (Павл.)—САРАЙСКИЙ (в Ряз. обл. — САРАЕВСКИЙ), СКОТОИМПОРТ (Смол.)—СКОТОИМПОРТСКИЙ; 2) КРАСНЫЙ ВОСТОК (Петр.),—КРАСНОВОСТОКСКИЙ (так же в Прим. кр.), ДОЛИНА СВОБОДЫ (Красног.) — ДОЛИНОСВОБОДСКИЙ, ср.: СВОБОДИНСКИЙ (Кур.), СВОБОДНЕНСКИЙ (Кал-д.), СВОБОДЯНСКИЙ (Зак.), форма СВОБОДСКИЙ более типична; ДОБРАЯ ВОЛЯ (Зав.) — ДОБРОВОЛЬСКИЙ (ср. дивергенцию в апеллятивах: ВОЛЯ—ВОЛЬНЫЙ и ВОЛЕВОЙ, а также ВОЛЯ (Вор.) — ВОЛЕНСКИЙ), СЕМИЛЕТКА (Шип.) — СЕМИЛЕТСКИЙ, КРАСНЫЙ ФАКЕЛ (Ребр.) — КРАСНОФАКЕЛЬСКИЙ, МАЯК (Чар.) —

МАЯКСКИЙ (форма типовая, но уже в Алтайском крае зафиксированы отклонения: МАЯЧЕНСКИЙ (Кур.), МАЯКОВСКИЙ (Ром.), так же в Ол. и Дон. обл.; КРАСНАЯ ЗВЕЗДА (Баев.) — КРАСНОЗВЕЗДСКИЙ (в Вол-д. и Сар. обл. — КРАСНОЗВЕЗДИНСКИЙ); 3—6) КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА (У-Калм.) — ГАЗЕТСКИЙ, КРАСНЫЙ ПЛАКАТ (Кам.) — КРАСНОПЛАКАТСКИЙ, ЧЕРТЕЖ (Хаб.) — ЧЕРТЕЖСКИЙ, ЗЕРКАЛЫ (Шип.) — ЗЕРКАЛЬСКИЙ.

Н—ИНСК

1) РУДНИК (Алт.) — РУДНИНСКИЙ (более типичной формой является РУДНИКОВСКИЙ), ТАЙГА (Рубц.) — ТАЙГИНСКИЙ, ДУБРАВА — ДУБРАВИНСКИЙ (основная форма — ДУБРАВСКИЙ); 2) ОТРАДА (Зм.) — ОТРАДИНСКИЙ (распространенная форма), ПОБЕДА (Цел.) — ПОБЕДИНСКИЙ (так же в Куст., Новос., Башк., Том., Хаб., но ПОБЕДОВСКИЙ (Рост., Кал-н.), ЗАЩИТА (Шип.)—ЗАЩИТИНСКИЙ, РАЗДОЛЬЕ (Топч.) — РАЗДОЛИНСКИЙ (аналогичные формы не обнаружены, но РАЗДОЛЬСКИЙ (Хар., Тюм.), РАЗДОЛЬИНСКИЙ (Ирк.), РАЗДОЛЬЕВСКИЙ (Даг.), КРАСНОЕ РАЗДОЛЬЕ (Алт., Трет.) — КРАСНОРАЗДОЛЕНСКИЙ.

Н—ОВСК

1) КУРОРТ (Ег). — КУРОРТОВСКИЙ, КРАСНЫЙ ЯР (Шип.) — КРАСНОЯРСКИЙ; 2) РАССВЕТ (Ром.) — РАССВЕТОВСКИЙ (также Башк., но РАССВЕТСКИЙ в Астр. и Кург. обл.), МАЯКИ (Ром.) — МАЯКОВСКИЙ; 3—6) МЕТЕЛИ (Шип.) — МЕТЕЛЕВСКИЙ (в Башк. — МЕТЕЛЬСКИЙ), ПЕНЬКИ (Ребр.) — ПЕНЬКОВСКИЙ, ЧЕСНОКИ (Ребр.) — ЧЕСНОКОВСКИЙ.

ОВ—СК

1) ЗЕЛЕНЫЙ БОР — ЗЕЛЕНОБОРСКИЙ (так же в Ам., Лен., Вор., Горьк., Кир., но БОРОВСКОЙ — в Новг., Перм., Яр. обл.), ШУЛЬГИН ЛОГ (Сов.) — ШУЛЬГИН-ЛОГСКИЙ (форма нетиповая; чаще ЛОГОВСКОЙ), ПОНТОННЫЙ МОСТ (Смол.) — ПОНТОННОМОСТСКИЙ (ср.: МОСТОВСКОЙ в Гр., Куйб. обл.); 2) НОВЫЙ МИР (Перв.) — НОВОМИРСКИЙ (ср. дивергентные формы апеллятивов—МИР-

НЫЙ, МИРОВОЙ, МИРСКОЙ), НОВЫЙ БЫТ (Бийск.) — НОВОБЫТСКИЙ, АГРОСВЕТ (Павл.) — АГРОСВЕТСКИЙ (ср.: СВЕТОВОЙ, СВЕТСКИЙ, СВЕТЛЫЙ), ОГНИ (У-Калм.) — ОГНЕВСКИЙ (ср.: ОГНЕВОЙ, ОГНЕННЫЙ).

ОВ—ИНСК

1) КУРЬЯ, МАЛЬЦЕВА КУРЬЯ (Бийск.), ЧЕРНАЯ КУРЬЯ (Мам.) — ...КУРЬИНСКИЙ (форма не знает исключений), БУГРЫ (Рубц.) — БУГРИНСКИЙ; 2) ЗАРЯ, ВОСТОЧНАЯ ЗАРЯ (Славг.) — ...ЗАРИНСКИЙ (без исключений), НОВЫЙ ПУТЬ (Шип.) — НОВОПУТИНСКИЙ (ср.: ПУТЕВОЙ, ПУТЕЙНЫЙ, ПУТНИЙ), ИСКРА (Локт.) — ИСКРИНСКИЙ; 3) КАМЫШИ (Славг.) — КАМЫШИНСКИЙ.

ОВ—ОВСК

1) ЗЕЛЕНЫЙ ЛУГ — ЗЕЛЕНОЛУГОВСКОЙ (форма типовая, искл.: ЛУЖСКИЙ в Лен. и ЛУЖАНСКИЙ в Зак. обл.), КЛЮЧИ, ТАЛЫЙ КЛЮЧ (форма типовая, искл.: КЛЮЧАНСКИЙ в Вор. обл.), НЕФТЕБАЗА (Панкр.) — НЕФТЕБАЗОВСКИЙ (ср. БАЗИНСКИЙ в Кр-ск. кр.), УГЛЫ, ЗАПАДНЫЙ УГОЛ (Ключ.) — ...КЛЮЧЕВСКОЙ (форма типовая и регулярная), 2) АВРОРА (Смол.) — АВРОРОВСКИЙ, ИСКРА (Смол., Солон.) — ИСКРОВСКИЙ (так же в Дон., Тамб. обл.), ТРУД — ТРУДОВСКОЙ (ср. формы в Кал-н. и Вор. обл. — ТРУДОВОЙ); 3) АНАТОЛИЯ (Сор.) — АНАТОЛИЕВСКИЙ; 4) РАКИТЫ, ВОЛЧИЙ РАКИТ (Бурл.) — ...РАКИТСКИЙ; 5—6) ЗЕРНО (Рубц.) — ЗЕРНОВСКИЙ, КОЛОС (Рубц.) — КОЛОСОВСКИЙ, ЛОКОТЬ — ЛОКТЕВСКИЙ (ср. ЛОКОТСКИЙ в Кур. обл.).

Возможны и другие, менее регулярные способы дивергенции, связанные с не столь продуктивными апеллятивными суффиксами. Интерес представляют формы противопоставления с отсутствующим членом. В апеллятивах это чаще всего обусловлено осложненностью структуры мотивирующего существительного (ГОРОДОК, РЕЧКА. МЕЖРЕЧЬЕ, БОРОК) или какими-либо лексическими причинами (ДОЛ, НОВЬ, ВОСХОД, СОВЕТ, ЗАРНИЦА, БУЯН). На уровне адъектонимии такие ограничения иногда преодолеваются, например, ГОРОДОК (Алей.) — ГОРОДОКОВСКИЙ (форма нетиповая, ср.: АКАДЕМГОРОДОКСКИЙ (Барн.), ГОРОДОК-

СКИЙ (в 6 обл.), ГОРОДКОВСКИЙ (Кал-н., Новг.), ГОРОДЕЦКИЙ (Кал-н.), ВОСХОД (Быстр., Кос.) — ВОСХОДОВСКИЙ (также Сах., но ВОСХОДСКИЙ в Чим., Ряз., Кург., ВОСХОДНЕНСКИЙ в Крым. обл.), КРАСНАЯ НОВЬ (Сов.) — КРАСНОНОВИНСКИЙ и др. Однако имеются случаи полного отсутствия прилагательного как от собственного, так и от нарицательного имени: ВОЗРОЖДЕНИЕ, ЮНОСТЬ, ПЯТИЛЕТКА.

Требование дивергенции, несмотря на его силу, не всегда реализуется. Отсутствие ее наблюдается в случаях совпадения формы адъектонима с уже имеющейся отапеллятивной формой.

Интересны случаи использования в адъектонимии апеллятивных суффиксов: ЗА УРОЖАЙ (Рубц.) — ЗАУРОЖАЙНЫЙ, III ИНТЕРНАЦИОНАЛ (Кам.) — ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ (так же Кирг., С.-Каз.), совхоз СЕМЕНОВОД (Бийск.)—СЕМЕНОВОДСОВХОЗНЫЙ. Приведем известные нам аналогичные формы из других регионов: ЧЕРНОЕ ОЗЕРО (Хак.) — ЧЕРНООЗЕРНЫЙ. ТРИ ОЗЕРА (Тат.) — ТРЕХОЗЕРНЫЙ, КРАСНОЕ ОЗЕРО (Цел.) — КРАСНООЗЕРНЫЙ, ПРИГОРОД (Св.) — ПРИГОРОДНЫЙ, ПРИГОРОДКА (Лип.) — ПРИГОРОДНЫЙ, ГОРА (Св.) — ГОРНЫЙ, САМОЦВЕТ (Св.) — САМОЦВЕТНЫЙ, ИНДУСТРИЯ (Рост.) — ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ, ТРУДОВИК (Сар.)— ТРУДОВОЙ, ПРОФСОЮЗНИК (Волг.) — ПРОФСОЮЗНЫЙ, ПОГРАНИЧНИК (Павл.) — ПОГРАНИЧНЫЙ, ПОДСОПКИ (Кр-ск.) — ПОДСОПНЫЙ, ТРУД (Кал., Вор) — ТРУДОВОЙ. Возникновение адъектонимов апеллятивной формы, имеет, вероятно, те же семантические предпосылки, какие имеет безаффиксное образование адъектонимов от ойконимов-субстантиватов.

Более типичным является совпадение форм прилагательного с суффиксом -СК-, который в апеллятивах исключительно продуктивен: выражает отношение к лицу (ЛЕНИНСКИЙ), общественным течениям (БОЛЬШЕВИСТСКИЙ), организациям (АРМЕЙСКИЙ, КОМСОМОЛЬСКИЙ), абстрактным понятиям (ЭСТЕТИЧЕСКИЙ) и к другим явлениям (ГОРСКИЙ, КОНСКИЙ, МАЙСКИЙ). Многие из этих понятий лежат в основе ойконимов, что часто предопределяет их столкновение с адъектонимами. Однако «расподобление» их происходит редко. По-видимому, абстрактность (общеотносительность) суффикса -СК- способствует возможности омонимических форм, имеющих к тому же чаще всего позитивное значе-

ние, о чем было сказано выше. Приведем наиболее характерные иллюстрации такого типа неразличения: НОВОЕ СЕЛО — НОВОСЕЛЬСКИЙ (иск.: СЕЛА (Перм.) — СЕЛЕНСКИЙ), ЛЬНОЗАВОД — ЛЬНОЗАВОДСКОЙ, СОВЕТ — СОВЕТСКИЙ, ИЛЬИЧА — ИЛЬИЧЕВСКИЙ, КОМИНТЕРН — КОМИНТЕРНОВСКИЙ, БОЛЬШЕВИК — БОЛЬШЕВИСТСКИЙ, ВОЛЬНЫЙ ПИОНЕР — ВОЛЬНОПИОНЕРСКИЙ, КОМСОМОЛЕЦ — КОМСОМОЛЬСКИЙ, КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН — КРАСНОПАРТИЗАНСКИЙ, КРАСНЫЙ МАЙ — КРАСНОМАЙСКИЙ, КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ — КРАСНООКТЯБРЬСКИЙ, ЭСТОНИЯ (Шип.) — ЭСТОНСКИЙ, ВОРОНЕЖ (Зм.) — ВОРОНЕЖСКИЙ и подобные — широкораспространенные и регулярные формы.

Тем не менее даже в случаях с суффиксом -СК- имеются проявления дивергенции: БОРЕЦ (Собр.) — БОРЕЦКИЙ (так же в Ряз. обл.), ср. БОРЦОВСКИЙ (отапеллятивная форма, но встречается и в адъектонимии, например в Кр-ск. кр.), КРАСНЫЙ БОЕЦ (Тальм.) — КРАСНОБОЕЦКИЙ (ср. КРАСНОБОЙЦОВСКИЙ (Сар.)), НАЦМЕН (Панкр.) — НАЦМЕНОВСКИЙ (впрочем, эта форма возможна и от апеллятива наряду с НАЦМЕНСКИЙ), СЕМЕНОВОД — СЕМЕНОВОДСКИЙ (ср. СЕМЕНОВОДЧЕСКИЙ), ПУТЬ ЛЕНИНИЗМА (Бийск.) — ПУТЬ-ЛЕНИНИЗМЕНСКИЙ (ср. МАРКСИСТСКИЙ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ).

Таким образом, действие дивергенции оказывается непоследовательным, несмотря на лексическую необходимость расподобленных форм [13]. Следует, однако, отметить, что укреплению дивергенции способствуют и другие уровни языка, например, уровень морфологии и акцентологии: ЗАВОД (Новг.) — ЗАВОДСКИЙ (ср. ЗАВОДСКОЙ), СТАРЫЙ ГОРОД (Морд.) — СТАРОГОРОДСКИЙ (ср. ГОРОДСКОЙ) и под. или фонетический уровень: ГОРНЯК (Алт., Локт.) — ГОРНЯКСКИЙ (ср. ГОРНЯЦКИЙ).

Подводя итоги, отметим, что в целом алтайская адъектонимия не характеризуется ярко выраженной системностью, что связано, на наш взгляд, со стихийным характером ее формирования. Не случайно даже в пределах одного сельсовета

---

[13] Ср., например, каламбурное использование омонимии данного типа в «Литературной газете»: «А почему меня должна волновать судьба каждого зверского выпивохи?» (речь идет о г. Зверске). Тем не менее обнаруживаются реально существующие адъектонимы типа КОНСКИЙ (Таг.), БОГАТЫРСКИЙ (Дон.), ГИГАНТСКИЙ (Алт.), ИНДЕЙСКИЙ от ИНДЕЙКА (Алт.).

легко обнаруживаются факты асистемности, например: ЗАПАДНЫЙ — ЗАПАДНОВСКИЙ, но ВОСТОЧНЫЙ — ВОСТОЧНЫЙ (Тальм., Новоозерский с-с.), ПЕСЧАНЫЙ — ПЕСЧАНОВСКИЙ, ПРИОЗЕРНЫЙ — ПРИОЗЕРНЫЙ (Рубц., Куйбышевский с-с.), ПОДСТЕПНОЕ — ПОДСТЕПНОВСКИЙ, но ЛЕСНОЙ — ЛЕСНОЙ (Ребр., Подстепновский с-с.), ПОДБОРНОЕ — ПОДБОРИНСКИЙ, РАДОСТНЫЙ — РАДОСТНЫЙ (Крут., Прыганский с-с.), ПРИТЫКА — ПРИТЫКИНСКИЙ, ЦВЕТОПОЛЬ—ЦВЕТОПОЛЬСКИЙ (Бурл., Михайловский с-с.), ср. ЗЛАТОПОЛИНСКИЙ (Кул.). Нередки и факты колебаний, неустойчивости формы адъектонима, в том числе и при наличии официально закрепленной формы: СОЛОНЦОВЫЙ — СОЛОНЦОВЫЙ и СОЛОНЦОВСКИЙ (Калм.), ДАЛЬНИЙ — ДАЛЬНИЙ и ДАЛЬНИНСКИЙ (Хаб.), ср. ДАЛЬНОВСКИЙ (Ребр.), ВЕСЕЛОЕ — ВЕСЕЛОВСКИЙ и ВЕСЕЛИНСКИЙ (Славг.), ЯРОСЛАВЦЕВ ЛОГ (Род.) — ЯРОСЛАВЛОГОВСКОЙ и ЯРОСЛАВЦЕВОЛОГОВСКОЙ и т. п.[14]

Отсутствие четкой парадигматической организации особенно наглядно на фоне регионов, где она проявляется в большей мере. Так, в Крымской области при образовании адъектонимов от ойконимов-субстантиватов явно преобладает модель с -ЕНСК- (типа СОВХОЗНОЕ — СОВХОЗНЕНСКИЙ), в Липецкой — с -ОВСК- (ДОБРОЕ — ДОБРОВСКИЙ), в Карагандинской — безаффиксная модель. На Алтае усиление системного начала носит локальный характер, например, в Бийском районе наблюдается резкая активизация безаффиксных адъектонимов (16 из 21). Такая активизация не единична, аналогичная картина обнаруживается в Светлинском районе Оренбургской области.

Вполне возможно, что «безъядерный» тип адъектонимических систем является нормой, а не спецификой Алтая, однако без изучения других систем этот тезис останется предположением. Думается, что адъектонимы являются объектом, достойным внимания регионального словообразования, особенно его типологического аспекта[15]. Адъектонимообразование — жи-

---

[14] Наши наблюдения показывают, что разговорные варианты предпочитают «удлиненную» форму, что особенно заметно при рассмотрении конкуренции аффиксных и безаффиксных форм.

[15] См., например, раб.: Араева Л. А. Словообразовательные типы имен существительных в системе говора. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1981, в которой осуществляется попытка выявления раз-

вой, синхронический процесс, модели которого складываются на наших глазах. Нужно заметить что письменные источники[16] не всегда в полной мере отражают тенденции, реально существующие в этой области. Они нуждаются в конкретном наблюдении и описании.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ РАЙОНОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Алей.— Алейский, Алт.— Алтайский, Баев.— Баевский, Бийск.— Бийский, Благ.— Благовещенский, Бурл.— Бурлинский, Быст.— Быстроистокский, Волч.— Волчихинский, Ег.— Егорьевский, Зал.— Залесовский, Зм. — Змеиногорский, Калм.— Калманский, Кос.— Косихинский, Красног.— Красногорский, Крут.— Крутихинский, Кур.— Курьинский, Локт.— Локтевский, Павл.— Павловский, Панкр.— Панкрушихинский, Перв.— Первомайский, Ребр.— Ребрихинский, Род.— Родинский, Ром.— Романовский, Рубц.— Рубцовский, Славг.— Славгородский, Смол.— Смоленский, Сов.— Советский, Солон.— Солонешский, Сор.— Сорокинский, Тальм — Тальменский, Топч.— Топчихинский, Трет.— Третьяковский, Тр.— Троицкий, У-Калм.— Усть-Калманский, Хаб.— Хабаровский, Цел. — Целинный, Чар. — Чарыский, Шип.— Шипуновский.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ОБЛАСТЕЙ, КРАЕВ, АВТОНОМНЫХ ОБЛАСТЕЙ, АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК И СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

РСФСР: Алт.— Алтайский край, К-р.— Краснодарский край, Кр-ск — Красноярский кр., Став.— Ставропольский край, Хаб.— Хабаровский край, Ам.— Амурская, Бел.— Белгородская, Волг.— Волгоградская, Вор.— Воронежская, Горьк.—Горьковская, Ирк.—Иркутская, Кал.-д.—Калининградская, Кал.-н.— Калининская, Кем.— Кемеровская, Кир.— Кировская, Кост.— Костромская, Куйб.—Куйбышевская, Кург.—Курганская, Кур.—Курская, Лен.— Ленинградская, Лип.— Липецкая, Новг.— Новгородская, Новос. — Новосибирская, Ом.— Омская, Ор.— Оренбургская, Перм.— Пермская, Рост.— Ростовская, Сар.— Саратовская, Св.— Свердловская, Смол.— Смоленская, Ул.— Ульяновская, Чит.— Читинская области; Башк.— Башкирская, Калм.— Калмыцкая, Кар.— Карельская, Морд.— Мордовская, Тат.— Татарская, Чеч.-Инг.— Чечено-Ингушская, Як.— Якутская автономные республики;

Другие области: Ворош.— Ворошиловградская, Дн.— Днепропетровская, Дон.—Донецкая, Жит.—Житомирская, Зак.—Закарпатская, Зап.— Запорожская, Киев.—Киевская, Кир-д—Кировоградская, Крым.—Крымская, Од.—Одесская, Ров.—Ровенская, Сум.—Сумская, Хар.—Харьковская, Хм.— Хмельницкая, Вит.— Витебская, Мин.— Минская, Акт.— Актюбинская, Карг.— Карагандинская, Куст.— Кустанайская, С.-Каз.— Северо-Казахстанская, Цел.— Целиноградская.

личий словообразовательных типов и их взаимоотношений на материале субстантивной лексики.

[16] В настоящей работе основными источниками выступали следующие Алтайский край. Административно-территориальное деление. Барнаул, 1978; Общесоюзный классификатор. Система обозначений объектов административно-территориального деления Союза ССР и союзных республик, а также населенных пунктов. М., 1976.

Т. А. ДЕМЕШКИНА

ТИПЫ СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МОТИВАЦИОННО СВЯЗАННЫХ СЛОВ И СРЕДСТВА ИХ ВЫРАЖЕНИЯ

Как известно, одной из важнейших проблем семасиологии вообще и лексикологии, в частности, является исследование системных отношений слов. Наиболее изученным оказался парадигматический аспект этих отношений. О необходимости анализа смысловых отношений на уровне синтагматики и эпидигматики имеются лишь отдельные замечания исследователей[1].

В задачу статьи входит определение типов смысловых отношений мотивационно связанных слов (мотиватов), выявление средств выражения некоторых из этих типов. Типом смысловых отношений мы считаем отношения, свойственные двум и более парам мотиватов, имеющих одинаковый характер связи и функционирующих в пределах одной семантической модели. Под семантической моделью мы понимаем вслед за А. А. Уфимцевой «те широкие (концептуальные) понятийные модели, которые предопределяют сочетание конкретных лексических единиц и обусловлены категориальной семантикой слов»[2].

Выявление типов отношений мотиватов проводилось с учетом толкования мотивационного значения слов, представленных в Мотивационном диалектном словаре. Под мотивационным значением понимается «значение или синтез значения составляющих слово морфем»[3].

---

[1] Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974, с. 44; Блинова О. И. Мотивационные отношения слов диалекта. — В кн.: Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. Красноярск, 1978, с. 91—97.

[2] Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974, с. 97.

[3] См.: Блинова О. И. Введение.—В кн.: Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья). Томск, 1982, т. I, с. 7.

Смысловые связи слов выделены в соответствии с направлением мотивации — от мотивирующего к мотивированному. В статье рассматриваются отношения тех пар слов, в которых лексический мотиватор (мотивирующее) представлен глаголом, а мотивема (мотивированное) является существительным.

I Модель. **Действие — носитель действия**

Является одной из основных для глагола и существительного, имеет очень широкое лексическое наполнение и представлена наибольшим количеством типов:

1. Действие — лицо, профессионально выполняющее действие: доить—доярка, лечить—лекарка, жать—жнец, косить—косарь и т. д. — Назначили опеть меня в доярки, опеть стала коров доить. А коров доить трудно: доили, сами кормили, сами поили, и раньше мыли мы их (Том. Верш.). Лекарка лечит людей (Кем. Елык.).

2. Действие — лицо, для поведения и характера которого свойственно это действие: гулять—гулеван, лениться—ленивец, лежать—лежень и др. — Всё лежит лежмя, лежень и есть. (Зыр. Шин.). Гулеван он, много гуляет, работать не хочет, ходит где-нибудь, а жрать домой идёт (В.-Кет. Б. Яр).

3. Действие — лицо, для которого данное действие является физическим свойством или недостатком: переваливаться—неваляшка, прогибаться—гибало, кособениться—кособеня и т. д. — Неваляшка ходит, она толстущая, в кино пойдёт — переваливается (В.-Кет. Б. Яр). Кособеней называют, скособенился, сгорбился—кособеня (В.-Кет. Б. Яр).

4. Действие — лицо, которое производит действие больше, чем обычно: трудиться — труженик, работать — работяга, молчать—молчун, говорить—говорун, болтать—болтун, пить—пьяница. — Много болтает, слова не привязыват, во болтун, говорят, вруша (Зыр. Зыр.).

5. Действие — животное, для которого характерно это действие: гнать—гончая, будаться—будач, сосать—сосунец, летать—летяга и др.— Ещё есть тоже белка же, летягой называют. Она на вершину дерева залазит и летает (Колп. Тип.).

6. Мотивирующие единицы представлены глаголом звучания, мотивема обозначает животных, издающих характерный звук: лаять—лайка, клохтать—клохтушка, петь—петух и др. — Счас собака у меня лайка. Полканом зовут. Ночью спишь,

залает, знай, кто-то есть. На вас она что-то не шибко лает (Пар. Нар.). Клокчет и клокчет. Куды ж её садить? Я дéлью занавесила клушку-то. Я её посáдила (Колп. Сар.).

7. Действие — предмет, производящий действие: будить—будильник, гудеть—гудок, ходить—ходики и под. — Днём на станции гудок гудит (Мар. Б. Ант.).

8. Свойство (действие) — растение, обладающее этим свойством: серебриться — серебри́стка, скрипеть—скрипун, раскалиться—калина, чернеть—черника и др. — Калина, она же как калёная стоит, красная вся, раскалилась (Кем. Ягун.). Серебристка — на воду положишь—серебрится (Юрг. Шал.).

9. Свойство (действие) — явление природы, проявляющее это свойство: мести—метель, ползти—поползун, виться—вьюга, лить—ливень и пр. — Началась тaкá метель! Со всех сторон метёт, в какý сторону ехать, не знаем (Пар. Алат.). Дожди когда шибко льют, это ливень, гром гремит (В.-Кет. Б. Яр).

10. Лексический мотиватор представлен глаголом, обозначающим физическое состояние человека. Мотивема называет болезнь, при которой появляется подобное состояние: краснеть (закраснеть) — красну́ха, трястись — трясучка, лихорадить—лихорадка, резать—резучка.—Горбуша—от слова горгорбатиться ... Чтобы ей скосить, нужно было сильно нагибаться, и человек горбатился... (Кем. Ягун.). Болезни были: лихорадка, трясучка, и меня трясло тоже (Пар. Чиг.).

II. Модель. **Действие — средство действия**

1. Мотивирующая единица представлена глаголом перемещения, движения, а мотивированное называет средство передвижения: возить—завозня, ехать—поезд, качаться—качели и под. — Летом, кто у реки сено близко поставит, так возит на завознях (В.-Кет. М. Яр). А на качелях шибко любит качаться (Зыр. Зыр.).

2. Действие — вещество, с помощью которого выполняется действие: красить—краска, мазать—мазь, мыть—мыло, клеить—клей и т. д. — Красят пол краской (Мар. Подъел.). Никаких от комаров ни мазев не было, а дёгтем намажешь (Пар. Нов.).

3. Действие — предмет домашнего обихода, при помощи которого выполняется действие: занавесить—занавеска, одеваться — одеяло, утираться — утирник, запоясывать — опояска

и т. д. — Идёшь по дорожке и всё видишь, чё в доме делают, окны не занавешивали, занавесок не было (Зыр. Зыр.). Опояски ткали красивые. Невестка ткала себе поуже, а жениху широкие — шубы запоясывать (Зыр. Зыр.).

4. Действие — орудие действия:
а) действие — орудия, предназначенные для выполнения сельскохозяйственных и домашних работ: молотить—молотило, загибать—гибало, копать—копалка, тяпать—тяпка, мять—мялка и др. — Полозья у саней загибать—гибало делаем из берёзы (В.-Кет. Кур.). В совхозе окучниками окучивают, капусту тоже, кто подбивалкой (Пар. Нов.); б) действие — орудия, предназначенные для охоты и рыбной ловли: ботать—бот, запирать—запор, ловить—ловушка и под. — Лисиц всё больше петлями, ловушками ловили (Шег. Труб.); в) действие — часть орудия, при помощи которого выполняется действие: удить—удилище.

III. Модель. **Действие — объект действия**

1. Действие — лицо, на которое направлено действие: любить—любимчик, призывать—призывник, присылать—посыльной и т. д. — Таперь вдруг прибегают к нам, посыльного присылают, бросайте работу — пошли в баню (Том. Губ.). Призывник... это его призывают в армию.. (Кем. Ягун.).

2. Действие — предмет, на который направлено действие: играть—игрушка, сосать—соска, одеваться—одежда, обуваться—обутки и пр. — А к празднику шили нарядную одёжу... В праздник бабы нарядются, оденут полушубки, платки пуховые (Шег. Труб.).

IV. Модель. **Действие — результат действия**

1. Действие — лицо, подвергавшееся действию: выкормить—выкормыш, крестить—крестник, избирать—избранник, изгонять—изгнанник и под. — Я крестил часто, у меня двадцать два крестника (Кем. Шум.). Избранник... его избирают (Кем. Ягун.).

2. Действие — продукт действия: выбивать—выбивка, валять—валенки, долбить—долблёнка и пр.— У некоторых валяют валенки (Том. Верш.). Завозня из тёса сбита, из осины

выдолблено—обласок, если больше выдолбишь—долблёнка (В.-Кет. М. Яр).

3. Действие — побочный продукт действия: мять—подмялье, молотить—обмолотки, отрепать—отрёпки и под. — Молотили молотилками. Солома, обмолотки (Зыр. Цыг.). Отрёпки летят, когда лён треплешь (В.-Кет. Б. Яр).

4. Мотивирующее представлено глаголами нецеленаправленного действия: всходить—всходы, гнить—гнильё, скиснуть—кислятина и т. д.— Сгнила, вот тебе и гнильё (Кем. Ягун.).

5. Действие — результат длительности действия: гореть—огарок, носить—обноски и пр. — Ремки—обноски, поношена одёжа (Лен.-Куз. Дурн.). Горит, огарок остался, а свеча сгорела (Зыр. Зыр.).

V. Модель. **Действие — место действия**

1. Действие — помещение, предназначенное для выполнения действия: класть—кладовка, лечить—лечебница, коптить—коптильник и др. — Кладовка — там всё кладут (Том. Бат.). Горница, кухня, прихожая; горница хорошо убранная, уже не спали там: спальня была (Том. Бат.).

2. Действие — площадь, поверхность, где совершается действие: пастись—выпас, мучиться—муч, косить —сенокос и т. д. — Сенокос у нас к самой Еловой речке... косишь-косишь, отдохнешь, полежишь (Яшк. Птк.).

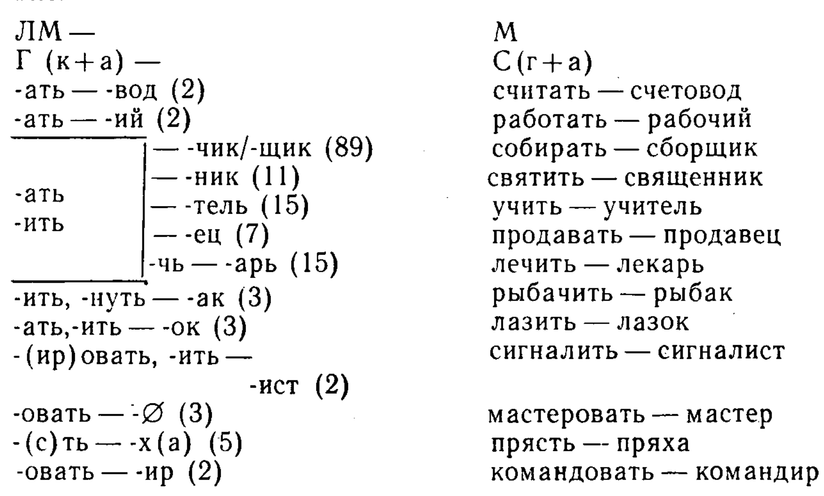
3. Действие — место перехода из одного пространственного измерения в другое: ходить—выход, лезти—лаз, вылетать—леток и пр. — Лазейка на чердак (Том. Верш.). Леток—отверстие, куда залетает пчела (Крив. Стреж.).

Как показывает анализ, смысловые отношения мотиватов весьма разнообразны. Их разнообразие определяется, во-первых, многообразием реальных отношений окружающей нас действительности, во-вторых, набором средств выражений этих отношений, содержащихся и в языке и в речи. В данном случае существующие отношения выражаются словами, содержащими в своей структуре часть общих формально-семантических признаков. Поэтому отношения мотиватов можно представить в виде словесных оппозиций, что позволяет выявить характер формально-семантического сходства и различия мотиватов и, кроме того, обнаружить некоторую закономерность связи семантических свойств слова и его структуры.

Выше были показаны отношения мотиватов в плане семантическом. Обратимся теперь к формам выражения семантики слов, связанных отношениями мотивации.

Рассмотрим средства выражения некоторых типов смысловых отношений. Представляется целесообразным изобразить их в виде следующих схем.

1. Действие — лицо, профессионально выполняющее действие.



ЛМ —		М
Г (к+а) —		С (г+а)
-ать — -вод (2)		считать — счетовод
-ать — -ий (2)		работать — рабочий
-ать, -ить	— -чик/-щик (89)	собирать — сборщик
	— -ник (11)	святить — священник
	— -тель (15)	учить — учитель
	— -ец (7)	продавать — продавец
	-чь — -арь (15)	лечить — лекарь
-ить, -нуть — -ак (3)		рыбачить — рыбак
-ать,-ить — -ок (3)		лазить — лазок
-(ир)овать, -ить — -ист (2)		сигналить — сигналист
-овать — -∅ (3)		мастеровать — мастер
-(с)ть — -х(а) (5)		прясть — пряха
-овать — -ир (2)		командовать — командир

2. Действие — лицо, для поведения и характера которого свойственно это действие.

ЛМ — М		
Г(к∅а) — С(г+а)		
-ывать — -ул(я) (1)		подсказывать — подсказуля
-ать(ся) — -л(о) (2)		трепаться — трепало
-евать — -ор (1)		танцевать — танцор
-ать(ся) — -ушк(а) (3)		расхлопаться — хлопушка
-ать — -уг(а) (2)		хапать — хапуга
-ать(ся) — -ач (1)		трепаться — трепач
-ить, -еть, -ти, -ать	— -ник (23)	плести — сплетник
	— -ка(а) (21)	хамить — хамка
	— -ун (31)	свистеть — свистун
-ать(ся) — -уш(а) (2)		копаться — копуша

-ить — -ан (3)	хулиганить — хулиган
-ить(ся) — ух(а) (3)	сердиться — сердуха
-ить(ся) — -а (7)	шариться — шара
-ить — -ец (2)	льстить — льстец
-ить — -ак (1)	острить — остряк
-ить(ся) — -ай (2)	скупиться — скупердяй
-ить — -тель (5)	хулить — хулитель

3. Действие — орудие действия.

ЛМ — М

Г(к+а) — С(г+а)

-ать — -ан (1)	дергать — дерган
-ать — -ец (1)	резать — резец
-ть — -лиц(а) (2)	прясть — пряслица
-ть — -ух(а) (2)	вить — вьюха
-ать, -еть, -ти(-ть), -ить — -ник (11)	хватать — ухватник
— -к(а) (28)	тереть — терка
— -лк(а) (42)	молотить — молотилка
— -л(о) (19)	бить — било
— -ушк(а) (16)	ловить — ловушка
— -ок (14)	давить — давок
— -∅ (16)	запирать — запор
-нуть, -чь, -ать — -ач (3)	дергать — дергач
-ить — -лищ(е) (2)	удить — удилище
-ить — -ель (2)	рубить — рубель
-ить — -аг(а) (3)	молотить — молотяга
-нуть — -н(я) (2)	повернуть — воротня
-ать — -тель (2)	подогревать — подогреватель
-ить — -ьё (2)	косить — окосьё
-ить — -а (8)	удить — уда
-ировать — -атор (1)	регулировать — регулятор

4. Действие — помещение, предназначенное для выполнения действия.

ЛМ — М

Г(к+а) — С(г+а)

-ить — -ник (5)	парить — парник
-ить, -ничать — -к(а) (5)	бондарничать — бондарка

5. Заказ 3975.

-ить -(с)ть -ать(ся)	— -н(я) (9) — -овк(а) (4) — -ая (6)	завозить — завозня класть — кладовка столоваться — столовая
-ить, -оть — -ниц(а) (3)		молоть — мельница
-ить, -оть — -лк(а) (2)		парить — парилка
ить — -∅ (2)		приютить — приют
-ть — -ушк(а) (1)		пить — пивнушка[4]

Цифры в правой части схемы показывают количество мотивированных слов (употребляемых с мотиватором), имеющих одинаковую мотивационную форму, которая представляет собой совокупность значимых элементов в структуре слова. В левой части схемы представлены структуры лексических мотиваторов, выраженных глаголами, состоящих из корневых и аффиксальных морфем. Правая часть схемы отражает структуру мотивированного слова, состоящего из глагольной основы (признак, общий для обоих мотиватов), и тех значимых аффиксальных элементов, которые отличают его от мотивирующего. Эти значимые элементы выделяются в результате сопоставления слова с лексическим и структурным мотиваторами.

Анализ типов смысловых отношений показывает, что в большинстве случаев семантика мотивемы индивидуальнее семантики мотиватора. Разнообразию семантики класса мотивированных слов соответствует разнообразие средств выражения. Аффиксальные морфемы передают также специфику частеречной принадлежности мотиватов. Так, мотивированное слово представлено существительным и, следовательно, обладает широким предметным значением, в то время как в семантике глагола отражены наиболее общие свойства предметов.

Цифровые характеристики слов показывают, что каждый семантический тип имеет свои «излюбленные» средства выражения значения мотивемы. В типе «действие—лицо, профессионально выполняющее действие» мотивационное значение выражается суффиксами -чик/-щик, -тель, -арь. На периферии остаются -ак (рыбак, лазак), -ист (сигналист, фотографист), -ий (рабочий, управляющий),

[4] Буквенные обозначения: ЛМ — лексический мотиватор, М — мотивема, Г — глагол, С — существительное, к — корень, а — аффикс, г — глагольная основа.

Значение «лицо, для поведения которого характерно то или иное действие» создается элементами -ник, -к(а), -ун, -а, реже такими элементами, как -ор (танцор), -як (остряк), -ул(я) (подсказуля).

У слов со значением «орудие действия» значение мотивемы оформляется при помощи корневых морфем и суффиксов -к(а), -лк(а), -л(о), -ушк(а), более редко встречаются в этом типе слова с суффиксами -ан (дерган), -ец(резец).

В типе отношений «действие—помещение, предназначенное для выполнения действия» мотивационное значение выражается мотивирующей частью и формантной частью, содержащей чаще всего в качестве значимых элементов -н(я), -ник, -ая. Более редко используется -ушк(а) (пивнушка).

Такое распределение суффиксальных элементов свидетельствует о том, что в один тип смысловых отношений объединяются слова, семантика которых имеет различные средства выражения.

Те значимые элементы, которые свойственны большей части слов одного типа и отсутствуют в других типах отношений, можно считать выразителями типового значения мотивемы. Типы смысловых отношений имеют неодинаковый уровень абстракции, характеризуются разным лексическим наполнением, что объясняется, с одной стороны, неодинаковой значимостью реальных отношений окружающего нас мира, с другой стороны, — потенциальными возможностями языка и речи.

В структуре мотивированных слов находит отражение связь их с однокорневым и одноструктурным образованиями. Отражение это может быть полным (медведица, голубка) и неполным (имеется в виду ряд слов, в структуре которых выражены не все компоненты значения, содержащие информацию о характере отношения мотивированного к мотивирующему). Закономерность такой связи вытекает из того, что «признание асимметричного дуализма языкового знака не только допускает, но и предполагает как наличие элементов содержания, не выраженных формально, так и наличие формальных элементов, лишенных собственного значения»[5].

Таким образом, анализ показывает, что типы смысловых отношений слов разнообразны. Каждый из них характеризуется определенным набором формальных средств выражения. Отношение между семантикой мотиватов и формой ее выражения неоднозначно.

---

[5] Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980, с. 27.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Кемеровская область

Кем.—Кемеровский р-н
Елык.— Елыкаево
Ягун.— Ягуново
Лен.-Куз.— Ленинск-Кузнецкий р-н
Дурн.— Дурново

Мар.— Мариинский р-н
Б. Ант.— Большой Антибес
Подъел.— Подъельники
Юрг.— Юргинский р-н
Шал.— Шалай
Яшк.— Яшкинский р-н
Итк.— Иткара

Томская область

В.-Кет.— Верхне-Кетский р-н
Б. Яр — Белый Яр
Кур.— Курья
М. Яр — Максимкин Яр
Зыр.— Зырянский р-н
Зыр.— Зырянское
Шин.— Шиняево
Цыг.— Цыганово
Колп.— Колпашевский р-н
Тип.— Типсино

Пар.— Парабельский р-н
Алат.— Алатаево
Нов.— Новосельцево
Чиг.— Чигара
Том.— Томский р-н
Бат.— Батурино
Верш.— Вершинино
Шег.— Шегарский р-н
Труб.— Трубачево

В. Г. НАУМОВ

ТИПЫ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ СООТНЕСЕННОСТИ МОТИВАТОВ ПРИ АКТУАЛИЗАЦИИ МОТИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ СЛОВ В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Предлагаемая работа посвящена исследованию некоторых особенностей явления мотивированности слов в лексикологическом аспекте. В лексикологии мотивированность определяется как «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности»[1]. Иногда такое осознание в соотнесение реализуются в контексте, причем наиболее показательным является метаязыковой, объяснительный контекст, когда информант раскрывает значение мотивированного слова, используя при этом его лексическую или структурную соотносительность.

Актуализация мотивационных отношений (далее — мотивация) слов — это процесс лексической аттракции, когда слова, находящиеся в мотивационных отношениях, употребляются в одном высказывании. При этом может происходить аттракция а) однокорневых лексем (лексическая мотивация) — Сёдня старухи-то все в *безделье*, а молодые все на покосе. Пока погода така, так *дело делать* надо (Луговская)[2]; б) одноструктурных лексем (структурная мотивация) — Вечор поздно *забандурили* и *забалалаили* (Нестерово).

Иногда в одном контексте реализуются отношения и лексической, и структурной мотивации одновременно. Одноструктурные лексемы всегда представлены словами одной и той же части речи (самым общим признаком одноструктурности слов является их категориальная общность). Однокорневые лексемы могут быть словами разных частей речи.

---

[1] Блинова О. И. Проблемы диалектной лексикологии. — Автореф. дис. ... докт. филолог. наук. Саратов, 1975, с. 28—29.

[2] В скобках после примеров приводятся названия населенных пунктов Парабельского района Томской области.

В том случае, когда происходит актуализация мотивационных отношений слов, часто реализуются такие виды системных отношений лексики, как антонимия, синонимия, вариантность. С другой стороны, мотивация слов играет важную роль, подчеркивая функциональную направленность речи в зависимости от характера сообщаемого, конечной цели коммуникативного акта, речевой ситуации.

Особенности проявления случаев мотивации в речи зависят от типов лексико-грамматической соотнесенности мотиватов (слов, мотивационно связанных). Изучение и классификация этих типов стала основной задачей данного исследования[3]. Источником работы явились данные нарымского говора, одного из говоров среднеобской диалектной группы (2820 случаев актуализации отношений лексической мотивации). Также учитываются результаты обобщения материалов «Мотивационного диалектного словаря»[4], представленные автором в приложении к этому словарю — в «Таблице частеречной принадлежности слов-мотиватов» (27648 случаев актуализации отношений лексической мотивации).

Чаще всего в нарымском говоре наблюдаются случаи лексической мотивации **глагола глаголом** (26,5%)—Сами и мыло *варили*... По сто комов *наваривали* (Нарым). Сена-то половину *скармливали* только, как сейчас *кормят* (Даурское).

В этой группе особо выделяются случаи взаимной мотивации, свойственные только глаголам. — Прошлый месяц ребята приехали, были неделю, потом *уехали* и хоть бы раз *заехали* (Нарым). Если в словообразовании непосредственные мотивационные отношения таких слов вообще не рассматриваются, то лексикологический подход позволяет установить особенности аттракции данных глаголов. В этом случае мотивационная взаимообусловленность устанавливается за счет того, что каждое из однокорневых слов логически соотносится с третьим компонентом, их общим мотиватором, который может и отсутствовать в высказывании. Упрощённо такое соотнесение можно представить как установление зависимости путём вы-

---

[3] Ранее подобные типы лексико-грамматической соотнесенности мотиватов рассматривались в работах: Ломаков В. М. Некоторые случаи мотивированности слов в диалектной речи. — В сб.: Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. Ужгород, 1973. Тез. докл. М., 1973, с. 92; Блинова О. И. Мотивационные отношения слов диалекта. — В сб.: Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. Красноярск, 1978, с. 91—92.

[4] Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья). /Под. ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982.

читания семантики, отличающей один мотиват от другого. Взаимная мотивация является пределом отношений лексической мотивации.

Иногда встречаются контексты, в которых однокорневые глаголы как бы иллюстрируют все действие в развитии и особенностях его протекания. — Уж тогда много *налавливали*. Неделю *проловишь*, глядишь — почти воз *наловили*. Опять *ловить* едем (Парабель). При этом часто одни и те же мотиваты встречаются несколько раз, фиксируя определённые стадии повторяющегося действия на разных этапах его развития. — Туда *приехали*, а там никого дома нету. Стала вот у двери. А зятья в это время *уехали* меня на аэродром встречать. Они туда *уехали* — меня нет, они туда, туда, *приехали*, а меня нет, снова туда *поехали*, а я здесь (Парабель).

Аттракция однокорневых глаголов вызвана здесь, видимо, стремлением говорящего сохранить какой-то единый смысловой стержень высказывания, который представлен глаголами, семантически различающимися лишь направленностью действия во времени и пространстве. Употребление синонима с другим корнем вместо какого-либо из глаголов уже в некоторой степени нарушало бы такое смысловое единство (если это единство, естественно, необходимо говорящему).

Следующий тип отношений — лексическая мотивация **имени существительного глаголом** (26,2%) —Сядет-от старуха *прялку* возьмёт, *прядёт* (Парабель). Тёплой водой разведётся глина? Я *подбелю*. Где у нас *белилочка*-то? (Луговская).

Нередко встречаются контексты, в которых мотиватор (глагол) и мотивируемое существительное выступают в роли подлежащего и сказуемого, находясь как в контактном, так и в дистантном положении. — *Боронильщики* плохо нынче *боронят* (Луговская). А у нас ведь только руками *доярки надаивали* сколько (Нарым). В других контекстах мотиваты выступают в роли сказуемого и дополнения (действие и объект действия). — Ну, раскаташь тесто, потом так *извернёшь заверняки*, а потом так, как в узел, завязываешь (Городище).

Иногда сочетание подлежащего и сказуемого или сказуемого и дополнения приобретает характер устойчивого (вплоть до фразеологического) и в таком виде реализуется во всех контекстах. — Наш отец помнит тальник, а *пароходы ходили* по той реке, их видно было (Городище). Тут посадка-то плоха: *пароходы* не *ходют*, самолеты не летают (Луговская). Редко щас к нам *пароходы ходют* (Нарым).

Еще один тип лексико-грамматической соотнесенности мотиватов — аттракция **двух имён существительных** (18,7%) — *Водолазы*. Выходят из *воды* блёдные (Городище). *Поскотина* — чтобы домашний *скот* далеко не уходил (Даурское). Мотиватор при этом может выступать в функции подлежащего, а мотивируемая единица — в функции дополнения, и наоборот. Для данного типа характерно большое разнообразие смысловых отношений мотиватов.

Десять наиболее частотных типов лексико-грамматической соотнесённости мотиватов (наряду с указанными выше) представлены в таблице.

Тип	Кол-во	%	Пример
Глагол — глагол	740	26,5	жить — прожить
Глагол — существит.	732	26,2	трепать — трепало
Существит.— существит.	522	18,7	сено — сенник
Существит.— прилаг.	219	7,7	сосна — сосновый
Существит.— глагол	175	6,2	рыба — рыбачить
Глагол — прилаг.	90	3,2	питать — питательный
Прилаг.— существит.	62	2,0	старый — старица
Прилаг.— прилаг.	40	1,4	хороший — хорошенький
Глагол — наречие	34	1,2	реветь — ревмя
Существит.— наречие	22	0,9	утро — утром

Нередко фиксируются случаи мотивации, когда в качестве мотиваторов выступают две лексемы, каждая из которых соотносится с одной из частей мотивируемой единицы, являющейся обычно сложным словом. Многие сложные прилагательные мотивируются числительным и существительным. — Запрягали *коня*, на *однем коне* пахали, *одноконная* (Парабель). Сложное существительное может мотивироваться существительным и глаголом. — Он *бьёт шишки*, его никак не называли, всё *шишкобой* (Чигара). В последнем примере оба мотиватора составляют фразеологическое сочетание.

Как показывает исследованный материал, информанты редко мотивируют обе части сложного слова. Обычно мотивируется какая-то одна часть, по которой осознаётся внутренняя форма слова. Так, лексемы ПАРОХОД, САМОЛОВ, САМОГОН употребляются в речи лишь с мотиваторами ХОДИТЬ,

ЛОВИТЬ, ГНАТЬ. Потенциальные мотиваторы ПАР, САМ почти не встречаются в речи рядом с перечисленными сложными словами.

Иногда наблюдаются сложные отношения мотиваторов и мотивируемых слов, и при этом можно выделить несколько различных типов лексико-грамматической соотнесенности мотиватов. В частности, одна лексема может мотивировать другую, а сама в то же время быть мотивируемой третьей лексемой. — *Проказливый* — он *проказник*, *проказы* одни на уме: нет помочь мне, старушке, так он пуще только *напроказит* (Нарым).

Обобщение полученных результатов позволяет говорить о том, что в качестве мотиватора чаще всего выступает глагол (888 случаев мотивации), а в качестве мотивируемой единицы — имя существительное (843 случая мотивации), причём существительное обычно мотивируется в контексте именно глаголом. Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. В говоре прежде всего осознаётся мотивированность тех слов, которые обозначают субстанцию.

2. Большинство предметов, лиц, процессов, явлений, выраженных мотивированными существительными, названы по действию, с которым они так или иначе связаны, и эта связь осознается говорящими. Этот вывод подтверждают материалы «Мотивационного диалектного словаря»: 33,4% всех случаев лексической мотивации отражают мотивированность существительного глаголом.

3. Действию свойственно быть именно тем признаком, который лёг в основу названия той или иной реалии в процессе номинации и который осознается в живой речи.

Можно также отметить, что, по данным нарымского говора, лексемы, чаще всего встречающиеся в роли мотивируемой единицы, в контексте всегда соотносятся с мотиватором-глаголом. Таковы лексемы ПЕСНЯ, САМОЛОВ, САМОЛЁТ, ПОКОС, ПАРОХОД, РАБОТА, ГРЕБЬ, САД. Например, лексема ПЕСНЯ в контекстах мотивируется глаголами ПЕТЬ, ПРОПЕТЬ, ЗАПЕТЬ, ЗАПЕВАТЬ, ПОПЕТЬ, ПЕВАТЬ, СПЕТЬ.

Исследованный материал показывает, что глаголу не свойственно быть мотивированным словами других частей речи: как правило, глагол мотивируется в контексте глаголом.

Изучение типов лексико-грамматической соотнесённости мотиватов позволяет судить о многообразии отношений лек-

сической мотивации, в результате которой возникают различные в плане их частеречной принадлежности композиции мотиватов. Такое исследование имеет и прямой выход в словообразование: доказывается устойчивость смысловых отношений между словами, независимо от их положения в словообразовательном гнезде, то есть доказывается наличие формальносмыслового стержня, скрепляющего все слова данного словообразовательного гнезда. Кроме того, проблема выделения типов лексико-грамматической соотнесённости мотиватов непосредственно связана с проблемой выделения типов смысловых отношений мотиватов, а также с проблемой изучения функциональной направленности актуализации мотивационных отношений слов в речи.

В. Г. АРЬЯНОВА

ЗАМЕЧАНИЯ О МОТИВИРОВАННОСТИ ФИТОНИМОВ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

Как показывают ономасиологические исследования лексики русского языка и его говоров, в номинации однородных предметов используется определенный набор регулярных мотивировочных признаков[1] (МП).

Наблюдения над фитонимикой среднеобских говоров показали, что регулярные МП свойственны не только лексике данной тематической группы в целом, но и лексике отдельных погрупп, например, в названиях культурных растений чаще используется признак «родина растения»[2], «цвет частей растения»; в названиях комнатных растений — «сходство с другими растениями», «ассоциация с человеком»; в названиях трав —

[1]См., например, работы: о названиях рыб — Герд А. С. О специфике словообразовательного анализа в рамках одной лексической группы. — В кн.: Очерки по словообразованию и словоупотреблению. Л., 1965; о названиях природных объектов — Тюрина Р. Я. Некоторые принципы номинации природных объектов в говорах Среднего Приобья.—В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии, Томск, 1973, вып. 3; о названиях птиц — Голев Н. Д. О принципах номинации и методе их исследования. — В кн.: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Лингвистика, Томск, 1972, вып. 5; Голев Н. Д. О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны. — В кн.: Русские говоры Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981; о названиях растений — Гринкова Н. П. Названия некоторых ягод в славянских языках. — В кн.: Славянская филология III, М., 1958; Гришина И. П. Из диалектной лексики флоры Рязанской области. — Учен. зап. Рязанск. педин-та, Рязань, 1959; Арьянова В. Г. О способах номинации растений в среднеобских говорах. — В кн.: Материалы научной конференции молодых ученых вузов г. Томска. Секция гуманитарных наук. Т. 2, Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1968 и др.

[2] Номинация культурных растений по месту их селекции (т. е. «родине») широко используется в научной номенклатуре. См. различные определители, каталоги, напр.: Каталог районированных сортов сельскохозяйственных культур в СССР. М.: Хлебиздат, 1958; Каталог районированных сортов картофеля, овощных и бахчевых культур. М., 1965 и др.

«использование в медицине и хозяйстве», «сходство с другими растениями», «сходство с окружающими предметами», «строение растения и его части», «ассоциация с человеком и животным» и др.

МП выявляются в синхронии на основе соотнесенности мотивированного слова с однокоренным мотивирующим. Например, у слова **девятильник** мотивирующее слово — **девять**:

— Девятильник от девяти болезней помогает (Мар. Тюм.)[3]. В данном тексте реализован МП «использование растения в народной медицине».

Мотивационные отношения связывают фитонимы современного русского говора с другими компонентами лексической диалектной системы и между собой. Как и слова других тематических групп, фитонимы в лексическом и семасиологическом плане могут иметь лексические мотиваторы и структурные[4]. Мотивированность фитонимов может быть частичной и полной[5]. В речи диалектоносителей нередко у мотивируемого фитонима в одном контексте актуализуются или оба его мотиватора (лексический и структурный), или один из них. — Ягода: смородина, земляника, клубника; черемуха, рябина, калина бывает. Рябина, кто его знает, вроде от листа, что рябый (Том. Яр.) (**рябый** — лексический мотиватор слова **рябина**; **смородина, калина** — структурный). — Придорожник как его называют. Еще и гусятником зовут. По дороге растёт (Том. Яр.) (**по дороге** — лексический мотиватор слова **придорожник, гусятник** — структурный).

Мотивированность слов с актуализованными мотиваторами не вызывает сомнения. Можно ли считать мотивированными те слова, у которых мотиватор не зафиксирован в одном контексте, но как потенциальный существует в говоре? Структурно мотивированными, видимо, можно, но мотивированными лишь опосредованно[6]. Представляется целесообразным при-

---

[3] См. условные сокращения к данной статье.

[4] О лексической и структурной мотивированности слова см. работы: Блинова О. И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии. — В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1971; О мотивационном словаре диалекта. — Вопросы лексикологии. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1977 и др.

[5] О полной и частичной мотивированности слов см.: Блинова О. И. Явление мотивированности слов в собственно лексикологическом аспекте. — В кн.: Вопросы сибирской диалектологии. Омск, 1976, с. 9, 11.

[6] Об опосредованной структурной мотивированности фитонимов см.: Арьянова В. Г. Об одной стороне системных отношений в диалектной фитонимике. — В кн.: Русские говоры Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981.

знать и опосредованную лексическую мотивированность при условии 1) наличия в говоре потенциального лексического мотиватора и 2) актуальности МП для данной тематической группы.

МП организуют мотивационные поля, объединяя фитонимы как одной тематической группы, так и разных ее подгрупп, напр., МП «цвет частей растения»: белянка, голубика, рябина, желтоголовник и т. д.; «вкус частей растения»: горчица, горчичник, кислица, и др.; «время посева, роста и цветения»: подснежник, ранник, зимолетка и т. п.

Мотивационные поля создают условия для актуализации лексической мотивации. Реальность существования мотивационных полей и актуальность МП проверена в экспериментах по номинации травянистых и комнатных растений, которым нет наименования в говорах. По завершении работ во время диалектологических экспедиций информантов просили дать название тем травам и комнатным растениям, которые в говоре не имеют наименования. Обычно это были травы, которые люди часто видели, но не использовали в хозяйстве. Наиболее актуальными оказались для названий трав признаки: «сходство растений друг с другом», «сходство с окружающими предметами», «строение растения и его частей», «форма и цвет частей растения», для комнатных растений — «сходство с другими растениями»и и «ассоциация с человеком». Как оказалось, МП, выявленные в эксперименте, совпали с наиболее регулярными МП, актуализованными в лексических мотиваторах фитонимов указанных подгрупп. Следовательно, мотивационное поле — величина реальная. Оно не может не притягивать однокоренные единицы друг к другу в качестве мотивируемого и мотивирующего. Поэтому слова, у которых не зафиксированы лексические мотиваторы, но которые потенциально входят в мотивационное поле, целесообразно считать опосредованно лексически мотивированными. Учитывая это, можем считать потенциально мотивированными словами типа **американка** «сорт картофеля» (потенциальный лексический мотиватор — Америка), **бак(х)чарка** «сорт картофеля» (потенциальный мотиватор — Бак(х)чар «населенный пункт») и под. (ср. актуализованные лексические мотиваторы у таких фитонимов подгруппы «названия культурных растений», как **берлинка**: лексический мотиватор — Берлин. — Берлинка как вроде из Берлина достали (Томск), **нарымка**: лексический мотиватор — Нарым «населенный пункт». — Нарымка, с Нарыму что ли она, не очень давно появилась (Зыр. Зыр.) и т. п.

Мысль о «сосуществовании лексических и структурных мотиваторов слова в языке или диалекте» с мотивируемым словом высказывает О. И. Блинова[7]. Эти мотиваторы потенциально могут быть актуализованы в любом речевом контексте. На практике многократно сталкивались с фактами, когда во время повторных экспедиций с целью выявления лексических мотиваторов обнаруживали последние у слов, считавшихся лексически немотивированными.

У мотивированного слова может быть два и больше лексических мотиватора, и эти мотиваторы называют или один МП (чаще), или разные, напр., у слова **синявка** лексические мотиваторы **синий, синенький, посинеть** обозначают один и тот же признак — «цвет».— Синявка синяя, съедобна (Крив. Жук.). Синявки, они синенькие, а разломишь, они посинеют (Крив. Жук.). Синявки такие синие сверху (Том. Кол.). Напротив, у фитонима **желтуха** лексический мотиватор **желтый** указывает на цвет, а мотиватор **желтуха** — на болезнь, от которой употребляется растение. — Желтуха это, желтуница, желтым светет. Пьют, когда человек заболеет желтухой, желтуницей (Шег. Карг.). Потенциальных лексических мотиваторов поэтому также может быть два и больше, но они не должны выходить за рамки мотивационных полей.

Однокоренные фитонимы, имеющие одно и то же лексическое значение, могут входить в одни и те же мотивационные поля. Поэтому если лексический мотиватор актуализован хотя бы у одного из них, остальные фитонимы должны быть признаны опосредованно мотивированными. Напр., если у слова **мухомор** зафиксирован лексический мотиватор **муха**, то и у его однокоренного образования **му́хоморник** опосредованным лексическим мотиватором может быть слово **муха**. Фитоним **мухоморник** поэтому считаем опосредованно лексически мотивированным.

---

[7] См. указ. раб.: Блинова О. И. Явление мотивированности слов, с. 5.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Жук. — Жуково
Зыр. — Зырянское, Зырянского р-на, Томской обл.
Крив. — Кривошеинский р-он, Томской обл.
Мар. — Мариинский р-он, Кемеровской обл.
Томский р-он, Томской обл.
Тюм. — Тюменево
Шег. — Шегарский р-он, Томской обл.
Яр. — Ярское

Л. А. АРАЕВА

К ВОПРОСУ О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

(на материале верхнекетского старожильческого говора)

Однокоренные производные, оформленные с помощью синонимичных суффиксов, издавна привлекают внимание лингвистов. При этом как лексикологи, так и словообразователи анализируют данные единицы, по сути дела, с лексикологических позиций, выясняя, чем же являются эти образования — вариантами слова или самостоятельными словами. В зависимости от избранного направления исследователи разбились на два лагеря. Одни из них считают однокоренные производные с синонимичными суффиксами — вариантами слова[1], другие — самостоятельными словами[2].

Примкнув к тому или иному направлению, лингвисты, сопоставляющие эти единицы в литературном языке и в говорах, считают их отличительной чертой диалекта, отмечая, что в литературном языке, «благодаря строгой нормированности,

---

[1] Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957; Блинова О. И. Заметки о морфологическом варьировании имен существительных в говорах. — В кн.: Вопросы русского языка. Томск, 1965; Виноградов В. В. О формах слова. — Изв. АН СССР. М., 1954, т. 4; Соколов О. М. Морфологические вариантные глаголы в старожильческих говорах Томской области. Материалы 3-й зональной конференции. Красноярск, 1958 и др.

[2] Бережан С. Г. Совпадение элементов структуры слова как основа синонимичности. — Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1967, т. 26, вып. 3; Гречко В. А. Однокоренные синонимы и варианты слова. — В кн.: Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.—Л., 1966; Рогожникова Р. П. Соотношение вариантов слов, ондокоренных слов и синонимов. — В кн.: Лексическая синонимия. М., 1967; Филин Ф. П. О слове и о вариантах слова. — В кн.: Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963; Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972 и др.

наблюдается тенденция к ликвидации или дифференциации вариантов»[3].

В задачи данной статьи входит определение причин и условий появления исследуемых единиц, а также типизация их. Анализу подвергаются суффиксальные субстантивы, зафиксированные в верхнекетском говоре Томской области, в сопоставлении с аналогичными существительными литературного языка[4].

Мы исходим из того, что словообразовательные синонимы являются результатом взаимодействия синонимичных словообразовательных типов (СТ), следствием их своеобразной борьбы за сферу влияния. Семантическим уровнем, той плоскостью, в пределах которой происходит взаимодействие синонимичных СТ, является обобщенно-мотивационное значение (ОМЗ)[5].

Рассматриваемые нами ОМЗ объединяют одноаспектные (функциональные или характеризующие) производные конкретной темы в пределах одного СТ. Выделение функционального и характеризующего аспектов представленности явлений внеязыковой действительности[6] оказывается релевантным на словообразовательном уровне, так как производные, называющие объекты в том или ином аспекте, имеют специфичный набор суффиксов. Ср., например, в формировании производных с ОМЗ «лицо по характеризующему действию» принимают участие следующие суффиксы: -к(а), -ач, -ик, -л(а), -тель, -с(а), -ник, -щик, -льщик, -он(я), -ч(а); с ОМЗ «лицо по функциональному действию» — -щик, -льщик, -тель, -арь, -ник, -аль, -к(а). При этом суфиксы -тель, -льщик, -щик находятся на периферии в первой группе слов и в центре — во второй.

---

[3] Иваницкая Е. Н. Морфологические варианты в говоре. — Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Вопросы языкознания и русского языка. М., 1969, с. 97.

[4] Анализируемые существительные извлечены из картотеки и рукописных материалов, хранящихся на кафедре русского языка Томского государственного университета, а также из 17-томного «Словаря современного русского литературного языка».

[5] Впервые понятие ОМЗ в научный оборот введено М. Н. Янценецкой. См.: Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979, с. 145.

[6] Впервые вопрос об указанных аспектах поставлен в исследованиях по ономасиологии. См., напр.: Торопцев И. С. Очерк русской ономасиологии (возникновение знаменательных лексических единиц). — Дис. ... докт. филол. наук. — Л., 1970; Голев Н. Д. Система номинации конкретных предметов в русском языке. — Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1974.

Часть СТ, имеющих мотивирующие единицы в одном из аспектов, не вступают в отношения синонимии между собой. Так, СТ «Г+льщиц(а)»[7] имеет словообразовательное значение «лицо по функционально значимому действию» (ср.: **щильщица, вязальщица**). СТ «Г+лец» включает только субстантивы, называющие лицо по характеризующему действию (ср.: **страдалец, скиталец**). При этом СТ, не вступающие в отношения синонимии, как правило, синонимичны третьему СТ с двуаспектным словообразовательным значением. Напр., СТ «Г+ник» синонимичен СТ «Г+лец», так как в нем имеются производные с ОМЗ «лицо по функциональному действию» и «лицо по характеризующему действию» (ср.: **мельник** и **баловник**).

Следовательно, в основе синонимии СТ находится принцип семантического включения, результатом чего является отсутствие абсолютно синонимичных типов. В этом проявляется специфика синонимичных деривационных отношений по сравнению с лексическими.

Суффиксы, как уже было отмечено, в определенной мере закреплены за производными той или другой темы. И именно эти суффиксы, взаимодействуя между собой, формируют однокоренные производные конкретной темы, что и позволяет нам выделить типы словообразовательной синонимии.

Таким образом, словообразовательными синонимами называются конкретные представители синонимичных словообразовательных моделей в пределах тождественного обобщенно-мотивационного значения.

На лексическом уровне они могут быть:

1) словами с разным лексическим значением (ср.: **водитель, сеяльщик**);

2) синонимами (ср.: **учитель — преподаватель**; **атомник — атомщик**);

3) вариантами слова (**железка — железянка** 'железная печь').

Наиболее яркой формой проявления взаимодействия синонимичных СТ являются однокоренные производные с одинаковой семантикой. Именно эти дериваты и подвергаются анализу. Возможны следующие условия возникновения рассмат-

[7] При изложении материала производящие основы в словообразовательных типах обозначены следующим образом: Г — основа глагола, С — основа существительного, П — основа прилагательного.

риваемых словообразовательных синонимов. Некогда активный для определенных ОМЗ деривационный тип не создает вновь слов или вариантов слов с данным значением, оставаясь однако регулярным в употреблении. В это время другой СТ, активно пополняющийся единицами именно этого ОМЗ, «вступает в борьбу» за сферу влияния с потерявшим активность словообразовательным типом. Однако данное ОМЗ имеется и у ряда других СТ, в результате появляется своеобразный деривационный синонимический ряд, доминантой которого является специализированный активный суффикс.

Как следует из сказанного выше, можно выявить вполне определенные виды исследуемых словообразовательных синонимов[8]. Для удобства анализа зафиксированные словообразовательные синонимы распределены по группам: артефакты, биофакты и лица, поименованные в функциональном или характеризующем аспекте. Далее внутри каждой группы выделяются тематические объединения слов, построенных по синонимичным деривационным моделям.

В исследуемом говоре отмечены следующие виды словообразовательных синонимов.

1.1. Среди наименований артефактов по функциональному действию в тематических объединениях с ОМЗ:

а) «орудия труда по назначению» — трепа**лка**—трепа**ло**, суши**лка**—суши**ло**, бота**лка**—бота**ло** — 'орудие рыбного лова', мя**лка**—мя**ло**—мя**льница**, борони**лка**—борон**ьба**, молоти**лка**—молоти**ло**—молот**яга**—молоти**лье**, цеди**лка**—цед**ок**—цед**ик**, черпа**лка**—черп**ак**, ката**лка**—кат**ок**;

б) «помещение по назначению» — умыва**льня**—умыва**лка**, карау**льня**—караул**ка**, раздева**льня**—раздева**лка**;

в) «одежда по назначению» — одев**ание**—одев**ка**;

г) «пища по способу приготовления» — затир**уха**—затир**ушка**, заболт**уха**—заболт**ушка**, меш**ка**—меш**ево**.

1.2. Среди наименований артефактов по функционально значимому предмету отмечены словообразовательные синонимы в тематических объединениях с ОМЗ:

а) «посуда, вместилище по объекту, для которого они предназначены» — жар**овня**—жар**овник** — «приспособление, с помощью которого выгребают жар, угли из печи', масл**ёнка**—

[8] В какой-то мере типы словообразовательной синонимии выделены А. Бартошевичем на материале отсубстантивных существительных литературного языка. См.: Бартошевич А. История суффиксальной отсубстантивной деривации существительных в русском литературном языке. Nomina concreta ot nomina concreta. — Poznan, 1972.

мас**леница**. Во втором случае продуктивный СТ «С+ниц(а)», в пределах которого имеется значительное количество дериватов с указанным значением, «вторгается» в сферу действия непродуктивного СТ «С+онк(а)»;

б) «помещение по работающему в нем лицу» — столяр**ка**—столяр**ня**;

в) «помещения, предназначенные для животных, птиц» — скворечн**ик**—сквореч**ня**, голуб**ятник**—голуб**ятня**, свин**арник**—свинар**ня**;

г) словообразовательные синонимы **творожник—творожница, горошник—горошница** являются результатом взаимодействия синонимичных формантов **-ник**, **-ниц(а)**, образующих достаточно большую группу субстантивов с ОМЗ «пища по продукту, из которого она приготовлена».

1.3. Словообразовательные синонимы со значением артефактов по функционально значимому признаку отмечены в тематических объединениях с ОМЗ:

а) «сети по функционально значимому признаку» — реж**ак**—реж**овка**, част**ик**—част**ушка**;

б) «печи по материалу, из которого они изготовлены» — желез**ка**—желез**ница**—желез**янка**;

в) «орудия по функционально значимому признаку» — долбежн**ик**—долбеж**ка**.

Ведущим, участвующим в образовании большинства словообразовательных синонимов с рассматриваемой семантикой, является суффикс -к(а), специализирующийся на оформлении дериватов, называющих артефакты по функционально значимому действию, предмету, признаку.

Универсальным можно назвать суффиксальный ряд -к(а), -н(я), с помощью которого образуются словообразовательные синонимы в тематических объединениях с ОМЗ «помещение по работающему в нем лицу» и «помещение по производимому в нем действию».

Значительное количество словообразовательных синонимов, называющих примитивные орудия по функциональному действию, образовано с помощью суффиксов -л(о), -лк(а), что является следствием борьбы СТ «Г+лк (а)» за сферу влияния путем «вторжения» его во владения потерявшего активность СТ «Г+л(о)». Обладая достаточно абстрактным значением, СТ «Г+лк(а)» захватывает также область, на формировании которой специализируется СТ «Г+льн(я)» — «помещение, предназначенное для совершения в нем действия». Результатом этого взаимодействия является значительное ко-

личество словообразовательных синонимов с указанной семантикой.

2.1. Словообразовательные синонимы, называющие артефакты по характерному предметному признаку, зафиксированы только в тематическом объединении с ОМЗ «орудие по форме» — горб**ыль**—горб**уша**.

2.2. Словообразовательные синонимы со значением артефактов по характерному признаку зафиксированы в нескольких тематических объединениях:

а) в тематическом объединении с ОМЗ «пища по вкусовым качествам» обнаружены словообразовательные синонимы, оформленные с помощью трех суффиксальных пар: -уш(а), -ух(а); -ак, -атин(а); -инк(а). Ср.: кисл**уша**—кисл**уха**, черств**як**—черств**ятина**, нов**як**—нов**инка** — 'свежий хлеб';

б) словообразовательные синонимы, называющие напитки по времени их приготовления, образуются с помощью суффиксов -ак, -ач. Ср.: перв**ак**—перв**ач**, друг**ак**—друг**ач**;

в) словообразовательные синонимы в пределах тематических объединений с ОМЗ «дорога по времени использования», «орудие по форме» оформляются с помощью суффиксальной пары: -ник, -ак. Ср.: зим**ник**—зим**няк** — 'дорога', веш**ник**—веш**няк** — 'приспособление на мельнице', гол**ик**—гол**як**— 'веник';

г) суффиксальный ряд -иг(а), -ик(а), -ин(а) находится в основе синонимов с ОМЗ «шерсть по времени стрижки». Ср.: вешн**ика**—вешн**ига**—вешн**ина**, зимн**ига**—зимн**ина**;

д) в группе дериватов с ОМЗ «орудие по побочному действию» зафиксированы синонимы: склад**ник**—склад**ень**—'складной нож'.

Всего 12 суффиксов участвуют в образовании словообразовательных синонимов со значением артефактов в характеризующем аспекте. Наибольшую активность проявляет формант -ак. Отсутствие синонимов, обозначающих артефакты по характеризующему действию, вероятно, можно объяснить как лексико-грамматическими особенностями глаголов-мотиваторов, основной функцией которых является обозначение действия, совершаемого кем-либо или с помощью чего-либо, так и тем, что артефакты в большинстве своем называются по функциональному действию, для выполнения которого они предназначены.

3. Среди дериватов со значением биофактов в функциональном аспекте зафиксирована только одна синонимичная

пара: **дурника—дурница** — 'растение по потребительской ценности'. Данный факт объясняется тем, что биофакты, как правило, называются по характерным для них свойствам.

4.1. Словообразовательные синонимы, обозначающие биофакты по характеризующему действию, отмечены в тематических объединениях с ОМЗ:

а) «птицы по характерному действию» — **сидуха—сидушка—сидунья**;

б) «растение по характерному действию»—**сплетни—сплетница**;

в) «предмет, являющийся результатом характерного действия» — **выползок—выползня—выползень** — 'шкура змеи'; **выворотoк—выворотень—выворотня** — 'вывороченное дерево'.

4.2. Синонимы, обозначающие биофакты по характерному предметному признаку, зафиксированы в тематическом объединении с ОМЗ «заросли леса, кустарника по растущим деревьям, кустарникам» — **березник—березняк—березняг, листвяк—листвяг, колодник—колодняк, жердник—жердняк**. Диалектный суффикс -няг оформляет только один дериват в синонимичном ряду, что, очевидно, свидетельствует о своеобразной «вырождаемости» этого форманта.

4.3. Среди дериватов со значением биофактов по характерному признаку отмечены следующие виды словообразовательных синонимов в группах производных с ОМЗ:

а) «место по характерному признаку» — **сырник—сырняк, целик—целяк, быстредь—быстрина—быстрота—быстрица, глубота—глубина**;

б) «ягода по цвету» — **голубика—голубица—голубиха—голубига, черника—черница—чернига, брусника—брусница—брусига**;

в) «птицы, животные по характерной для них окраске» — **рябуха—рябчик—рябок, пеструшка—пеструха, красуха—красулька.**

Итак, в пределах каждой тематической группы образуются специфические виды словообразовательных синонимов со значением биофактов в характеризующем аспекте. Тем не менее наблюдаются и своего рода исключения. Так, суффикс -ух(а) оказывается ведущим при образовании словообразовательных синонимов в группах дериватов с ОМЗ «птицы и животные по характерному действию» и «птицы и животные по характерной окраске», что свидетельствует о закрепленности данного форманта за темой «птицы и животные по их различным характеристикам».

5.1. Словообразовательные синонимы со значением лица по трудовому действию оформлены с помощью суффиксального ряда: -щик, -льщик, -ник, -ец, -тель, -арь, -ак(а). Ведущими при образовании синонимов в этом случае являются суффиксы -щик, -льщик, специализирующиеся на образовании дериватов с указанной семантикой. Ср.: караульник—караульщик, метальщик—метчик, сеяльщик—сеятель—севака, гребельщик—гребщик.

5.2. Отсубстантивные словообразовательные синонимы, называющие лица и функциональном аспекте, не обладают той стройностью суффиксальной оформленности, которая характерна для аналогичной группы девербативов.

Суффикс -щик также вступает в конкурентную борьбу либо с менее продуктивным, либо с формантом, осваиваемым диалектом. Ср. парашютчик—парашютист. Вместе с тем, суффиксы -щик и -ник при образовании слов, обозначающих новые, неизвестные ранее говору реалии, вступают во взаимодействие между собой. Ср.: кинщик—киношник, обувник—обувщик.

Как только из литературного языка пришло слово для обозначения новой специальности, которая стала необходимой в связи с обобществлением хозяйства (кормач), так в диалекте появилось существительное с тем же значением, оформленное с помощью морфа -овщик (кормовщик), что, возможно, связано со специализацией суффикса -ач в говоре на образовании субстантивов со значением лица в характеризующем аспекте. Унификс -ух «поглощается» непродуктивным, но все же понятным суффиксом -арь (конюх—конюхарь), что, вероятно, происходит по ассоциации со словами псарь, свинарь. В то же время суффикс -арь «поглощается» продуктивным формантом -ник (свинарь—свинарник), с помощью которого образуется значительное количество дериватов со значением лица, ухаживающего за домашними животными. Ср.: коровник, скотник, телятник.

6.1. Наибольшее количество видов словообразовательной синонимии зафиксировано среди дериватов, называющих лицо в характеризующем аспекте. Ср.: говоруша—говорок, болтуша—болтун, трепушка—трепач—трепло, крикуха—крикса — «лицо по способности говорить»; горбуша — горбун— —горбач, пузан—пузач — «лицо по выдающемуся телесному признаку»; жадина—жадоба—жадюга—жадюля — «лицо по черте характера»; алкаш—алканавт — «лицо по склонности употребления спиртных напитков»; здоровила—здоровяга —

«лицо по внешним физическим данным» и т. п. При этом следует отметить, что рассматриваемые синонимы образуются с помощью суффиксов, так или иначе специализирующихся на оформлении дериватов, называющих лицо в характеризующем аспекте.

Итак, словообразовательные синонимы являются результатом взаимодействия СТ на уровне ОМЗ. Каждое ОМЗ имеет, как правило, свои ряды словообразовательной синонимии. Наиболее строгие, последовательные, с конкретно выраженной суффиксальной доминантой типы словообразовательной синонимии отмечены в тематических объединениях с ОМЗ «помещение по назначению» -льн(я), -лк(а), -н(я), -к(а); ягода по цвету -ик(а), -иг(а), -иц(а), -их(а).

Ведущим для дериватов, называющих животных и лиц в характеризующем аспекте, оказывается суффикс -ух(а). Основными в образовании агентивных девербативов являются суффиксы -щик, -льщик. Самая пестрая картина наблюдается среди существительных со значением лиц по их характерным свойствам, признакам, действиям. При этом наибольшее количество словообразовательных синонимов зафиксировано среди отадъективов и девербативов.

А. Бартошевич, исследуя в диахронии субстантивы литературного языка, приходит к выводу, «что на протяжении истории русского литературного языка по направлению к современности, особенно во втором периоде, наблюдается устранение полной словообразовательной дублетности»[9]. Думается, что исследователь несколько односторонне анализирует рассматриваемое явление. Действительно, в языке отмечена тенденция устранения дублетов, однако с исчезновением одних дублетных пар появляются другие. (Ср. появление дублетов в тематических объединениях «лекарственные и химические вещества»).

Неправомерным представляется и категоричное утверждение, что словообразовательные синонимы являются отличительной чертой только диалектов. Думается, что к явлению словообразовательной синонимии в говорах и литературном языке надо подходить дифференцированно. Необходимо учитывать, в пределах какого ОМЗ возникают словообразовательные синонимы. Так, ОМЗ «лицо по функционально значимому предмету» отмечено как в говоре, так и в литературном языке. Общими в сравниваемых подсистемах являются типы

---

[9] Барштошевич А. Указ. раб., с. 200

словообразовательных синонимов, построенных по моделям «С+ист», «С+чик»; «С+ник», «С+щик». Ср., например, в говоре — парашют**ист**—парашют**чик**; в литературном языке — литавр**ист**—литавр**щик**...

Только в литературном языке отмечены словообразовательные синонимы, образованные по моделям: «С+ач», «С+ист» (зурн**ач**—зурн**ист**); «П+ик», «П+ург», «П+ист» (драма**тург**—драмат**ик**—драмат**ист**); «С+ант», «С+атор» (акцент**ант**—акцент**атор**); «С+щик», «С+ор» (гарпун**щик**—гарпун**ер**); «С+ист», «С+вед» (кита**ист**—китае**вед**). Только для говора характерны словообразовательные синонимы, построенные по моделям «С+ач», «С+овщик» (корм**ач**—корм**овщик**).

Таким образом, в рассматриваемом тематическом объединении в литературном языке намного разнообразнее виды словообразовательной синонимии, чем в говоре, что обусловливается причинами экстралингвистического характера, специализацией производства, которая на языковом уровне выражена через мотивирующие существительные, являющиеся своеобразными конкретизаторами действия. Наряду с этим для говора характерно значительное, по сравнению с литературным языком, количество видов словообразовательной синонимии среди субстантивов, обозначающих лица в характеризующем аспекте.

Нами также зафиксированы словообразовательные синонимы в тематических объединениях с ОМЗ, имеющими место только в одной из сопоставляемых подсистем. Так, например, в диалекте отмечены деривационные дублеты, входящие в группу слов с ОМЗ «сети по функционально значимому признаку» (ср.: **режак—режовка**, **частик—частушка**); в литературном языке зафиксированы дублеты, обозначающие химические вещества по продукту изготовления (ср.: **сульфат—сульфит**).

При этом следует отметить следующую закономерность: словообразовательные синонимы, находящиеся в пределах тематических объединений с диалектным ОМЗ, образуются по общерусским моделям; словообразовательные синонимы — с литературным ОМЗ, — по моделям, характерным только для литературного языка.

В одном можно согласиться с исследователями: в говоре однокоренные дублеты сохраняются значительно дольше. И тем не менее в литературном языке некоторые дублеты существуют на протяжении нескольких столетий. Ср., например,

наименования жителей той или иной местности. В «Словаре наименований жителей РСФСР» на 2000 лексических единиц всего 400 названий на -чанин. Из них больше 200 варьируют с названиями на -ец[10].

Другие же однокоренные синонимы, возникшие, буквально, на наших глазах, уже разошлись в значении. В частности, слова **атомник—атомщик** появились в русском языке в конце 40 — начале 50-х годов. В 4-томном Словаре русского языка эти производные отмечены с полным совпадением значений. А в Словаре Д. Э. Розенталя, А. А. Теленковой дериваты атомник—атомщик совпадают в значении «специалист по атомной энергии», но значение «сторонник атомной войны» закрепляется за словом **атомщик**[11].

В чем же причина? Почему одни дублеты существуют в языке длительное время, вопреки всем нормам, крайне медленно выходя из употребления, а другие достаточно быстро расходятся в семантике?

Возможны три случая распада дублетов: а) один из дублетов выходит из употребления; б) дублеты начинают различаться стилистическим употреблением; в) расходятся в значении. Последний случай можно объяснить следующим образом: мотивирующая семантика многоаспектна, что и приводит к тому, что дериваты расходятся в значении. В нашем случае в основе слов **атомник** и **атомщик** находятся два словосочетания: атомная промышленность и атомная война. Вероятнее всего, скорее расходятся в значении словообразовательные синонимы, образованные от существительных, которые в силу своей гетерогенности, многоаспектности способны развивать дополнительные значения. Качественные прилагательные, существительные и глаголы в характеризующем аспекте, как правило, имеют единственную направленность и образованные от них дублеты достаточно долго сохраняются в языке.

Анализируемый нами материал дает право говорить о продуктивности словообразовательной синонимии в говоре и литературном языке. Иначе и быть не может, так как борьба нового со старым, отживающего с нарождающимся неизбежна во все эпохи существования языка. В языке явление слово-

---

[10] Данные взяты из кн.: Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М.: Наука, 1976, с. 289.

[11] Толкование значений слов **атомник — атомщик** в различных словарях взято из раб.: Скляревская Г. Н. Активный суффикс -ик. — Русская речь. 1981, № 5, с. 80—81.

образовательной синонимии является как раз результатом этой борьбы. И то, что в языке наряду с давно существующими однокоренными дублетами появляются новые и одновремено с тем на наших глазах происходит разрушение словообразовательного тождества, — свидетельствует о живом характере исследуемого процесса. Словообразовательная синонимия в определенной мере является одним из источников пополнения словарного запаса, одним из участков, где наглядно можно проследить развитие языка.

Е. Я. БРЫЗГАЛОВА

СИНОНИМЫ-ДУБЛЕТЫ В НИЖНЕИЛИМСКОМ ГОВОРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

За последние два десятилетия появилось значительное количество работ, посвященных исследованию лексической синонимии в системе диалектов[1].

Внимание сибирских диалектологов привлекли такие сложные, актуальные и малоразработанные проблемы, как виды синонимов, синонимические ряды, особенности функционирования синонимов, причины и источники возникновения их в говорах и т. д.

Во многих работах синонимами считают слова с тождественным или близким значением, различающиеся семантически либо экспрессивно-стилистически, и выделяют три разновидности синонимов: а) абсолютные, или дублеты, — с тождественным значением; б) относительные, или семантические, — с близким значением, в) экспрессив-

---

[1] Баранникова Л. И. О некоторых особенностях взаимодействия диалектных лексических единиц в современных народных говорах. /Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена 1963, т. 218; Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973; Блинова О. И. О явлениях синомии в терминологической лексике старожильческих говоров средней части Обского бассейна. — В кн.: Труды V зональной научно-методической конференции кафедр русского языка вузов Западной Сибири. Новокузнецк, 1962; Коготкова Т. С. К вопросу о дублетно-синонимических отношениях в лексике современного говора. — В кн.: Слово в русских народных говорах (сб. научных работ), Л., 1968; Лукьянова Н. А. К вопросу об источниках диалектной синонимии (на материале современных говоров Новосибирской области). — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии (доклады III межвузовской конференции 3—7 мая 1971 г.). Новосибирск, 1972; Лыжова Л. К. Литературный язык как источник лексической синонимии в диалекте. — В кн.: Краткие очерки по русскому языку. Курск, 1966, вып. 2; Омельченко Л. И. Источники лексической синонимии и функции синомимов в говорах. — В кн.: Вопросы грамматики и стилистики русского языка. Иркутск, 1971, и др.

но-стилистические, различающиеся экспрессивно-стилистической окраской.

В данной статье рассматривается лишь одна из разновидностей синонимов — абсолютные или дублеты. Под абсолютными синонимами мы понимаем слова, идентичные по смыслу, по-разному функционирующие в речи носителей говора[2].

В составе сельскохозяйственной лексики Нижнеилимского района зафиксированы многочисленные примеры дублетных пар и рядов, объединяющих около ста компонентов. Разнообразна по своему генезису дублетность в нижнеилимском говоре: разнодиалектные по происхождению гетерогенные дублеты как проявление разносистемных отношений и однодиалектные как порождение одной лексической системы. Наличие лексических дублетов в говоре объясняется рядом причин. На территории исследуемого района в течение длительного времени сталкивались носители северно-великорусского, среднерусского и сибирских говоров[3], что и обусловило появление в нижнеилимском говоре слов с разным диалектным происхождением, но с одинаковыми значениями, т. е. разнодиалектных по происхождению лексических дублетов: белоколоска (перм., том., урал.)[4] — безостка. Сорт пшеницы, не имеющей остей, т. е. щетинистых усиков около зёрен. — Белакалоску только успивай жать, сыпам сыпицца. Бизоскай шанису называли, катора биз вости, сыпицца (Туба). Бодожок (арх., перм., яросл., печор., волог., ленингр., вят., костр., влад., новг., сарат., урал., тобол., том., красн.) — хлупец (ирк.). Одна из скрепленных по три тонких палок, из которых делают раму бороны с деревянными зубьями. — Диривянна барана из бадашкоф вяжыцца. Хлупцы к баране яловы дабували, ане лёхки и стойки (Мыс.). Бороноволок (урал., кемер., красн., ирк., перм., волог., вят., пск.)—борончук (о подростке). Тот, кто боронит, управляет лошадью при бороньбе. — Баранаволаки сидят на конеф и баронят. Лошади аддахнули, ну-ка, баранчуки, садитесь на лашадей, абет

---

[2] Кошелева Н. С. Некоторые наблюдения над лексической синонимией говора (на материале говора Чулымского района). — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии (доклады 2-й лингвистической конференции). Новосибирск, 1969, с. 270.

[3] Моисеева В. А. Бытовая лексика говора русского старожильческого населения Нижнеилимского района Иркутской области. — В кн.: Вопросы истории и стилистики русского языка. Иркутск, 1969, с. 81.

[4] Локальные пометы даны на основании материалов картотеки Словаря русских народных говоров АН СССР. Ленингр. отделение.

прашол (Нижнеилимск). Выпас (орл., курск., пск., новосиб., том.) — выпуск (ряз., костр., волог., яросл.) — поскотина (новг., вят., волог., печор., олон., яросл., пермск., арх., урал., тобол., новосиб., том., кемер., красн., ирк.). Место, где пасется скот, выгон.— Скот на выпаси, ишо ни пригнали. Выпуска были, на них скот пасли. Наша карова на паскотини пасёцца, иди пригани (Нижнеилимск). Двойчатки (пск., новосиб., том., кемер., красн.) — двойники. Спаренные сошники у сохи. — У сахи двайчатки, сашники двайчатки были, мужык и жонка, а у адинарца—адин. Двайчатки ли двайники, ане вместе на ноги рассохи надиюцца (Макарово). Заимка (перм., вят., урал., новосиб., том., кемер.) — занятье (красн.). Занятая под пашню или покос свободная земля, считающаяся неприкосновенной. -- Мая заимка хароша, пней мала, драть лехчи будит. Занял землю пат пашню, вот те и твоё занятте ли заимка (Нижнеилимск). Залóг (перм., яросл., волог., влад., ворон., урал., тобол., новосиб., том., кемер., ирк., амур.(— целик (пск., том., кемер., красн., ирк., забайк.). Непаханая земля, целина. — Дирно срезау, гаварели залок садрау. Цалик спашыш, дак барониш па десять да на пятнаццать рас (Нижнеилимск). Заступ (урал.)— засек (яросл.). Рана, повреждение ноги лошади ударом копыта. — Ударит ногу ап капыта, засик и получацца. Катора лошадь дак часта заступы делат, пахотка тaка что ли (Погодаево). Керка (арх., перм., волог., урал.) — копач (смол., ленингр., волог., арх., ирк.). Мотыга. — Залоги драли раньчи капачам. Капач ли керка ета адно и то же, имя пни выварачивали, када чиски чистили (Зыряново). Колесуха (новосиб., том., кемер., красн., ирк.) — сабануха. Деревянная соха на колесах. — Калисуха ета та жа рагалюха, только на калёсах. В нашай диревни только две сабанухи и была, на их землю пахали (Мыс.). Ладонь (арх., яросл., олон., волог., вят., костр., влад., новг., оренб., пск., тверск., урал., тобол., том., кемер., красн., ирк., забайк.) — посад (волог., урал., том.). Площадка для молотьбы, ток. — Хлеб на ладони малатили в нескалька малатил, рас в рас ударяли, голас в голас. На пасади хлеп аммалотим, апихам, чиридим и старнуим. (Мыс.). Мышьяк (пск., том.) — железа (урал., яросл., волог.). Гематома.— Я дак рас зубам раздавил мышьяк и спас лошадь. Ад жализы сами личили, биреш шыла, праколиш крофь выпусгиш, фсё и прайдет (Погодаево). Отвалка (яросл., урал., новосиб., том., кемер.) — бычок. Деревянная деталь самодельной сохи, отворачивающая пласт земли при

вспашке. — У сахи атвалку бычком называли, ана диривянна. Паныш, паныш, бычок атвалицца, новый прикалотиш и апеть пашоу (Игнатьево). Переходница (перм., тобол., яросл., печор., волог., вят., костр., влад., урал., новосиб., том.) — издойка. Корова, не отелившаяся вовремя.— Пириходницу ишо издойкой называм, ана доицца, но старым малаком. Карову купил, а ана издойка, старым малаком доицца (Мыс.). Перемячка (тобол., том., кемер., ирк.) — яновка. Соха с железным лемехом и отвалом, изготовляющаяся на пермских заводах. — Пирмячки привязаны были, имя землю пахали. Я сёгады землю в агароди янафкай пахал. Янафку на пермским заводи какой-та Ян изготовлял. Пирмячка ана жа янафка (Корсуково). Родный овёс (печор., пск.) — брунистый овёс. Урожайный, с пышной, ядреной кистью овес. — Сёгады авёс родный быу, дак зирна поуны засыпи. Езли авёс родный, брунистай, дак иво и убирать приятна (Зыряново).

Однодиалектные синонимы появлялись в лексической системе исследуемого говора двумя путями:

а) как следствие наименования носителями нижнеилимского говора одной и той же реалии по различным, характерным для нее признакам, поэтому в основу названия могли лечь разные мотивировочные признаки; что влекло за собой разные мотивирующие основы, а в конечном итоге — разнокорневые синонимы-дублеты: овсюжница—суконка. Самодельная машина для очистки овса от овсюга с вращающимися один над другим обтянутыми сукном двумя валами. — На афсюжницэ авес от афсюга атшыбали (Мыс.).

Судя по внутренней форме, в слове овсюжница отражено функциональное назначение данной реалии — очищать овес от овсюга. В слове суконка дается указание на главную деталь обозначаемого предмета — вращающиеся один над другим два деревянных вала, обтянутые сукном. — Мы на суконки и щас авёс атрабатывам, авёс ни калючий, а афсюк калючий, он усикам за сукно имацца и астаецца, а чистый авёс идет внис (Мыс.). Перевес—перекид. Две связанные концами ветки, перебрасываемые через стог для укрепления укладки. — Завершываш зарот, пиривесы делаш, ветир и ни разносит сена. Завиршыл зарот, забросил пирикиды (Нижнеилимск). Амбар ямный—амбар погребной (амбар, под полом которого находится погреб). —В анбари ямном вырывали яму и даржали там мяса, рыбу. Щас мая старуха лазила в ямнай анбар, лёт забрасывала яму, штобы

халадне летам была. Сходи-ка из анбара пагрибнова малако и сливак приниси (Нижнеилимск);

б) как результат воздействия литературного языка на говоры, когда наряду с диалектным словом или словосочетанием для обозначения реалий начинают употребляться лексемы литературного языка. Арап—овсюг. — Нидарот быу, мы на Ангаре афсюк за авес и купили, гаварели, сматри, какой родный авес, а пасеили и засарили паля, с тех пор и мучились с ём. Афсюк арапам называли, он жа чорнай (Погодаево). Валеж скота — падеж скота. — Сёгады такой валёш был, фся скатина патратилась. Раньчи фсё валеш гаварели, а падеш таперь (Нижнеилимск). Дурбень—сорняк. — У тя на паласе адна дурбень, картошки ни видать. Ты чо-та, дефка, плоха палола, сарняк-та у тя фсё апеть забил (Зыряново). Желтичник—сурепка. — Де пухунна зимля, дак фсё усыпана жалтишникам. Жалтишник — ета па-нашаму, иво таперь сурепкой називам (Нижнеилимск). Животина—скот. — Щас-то фсё завём боли скот. У нас фсяка жыватина была — каровы, свинни, офцы, лошади (Ступино). Засыпь—сусек. — Я, паря, насыпау две засыпи хлеба. В анбари-та хлебнам сусеки забирались гля хлеба (Погодаево). Насевок—посев. — У миня насефку шэсь дисятин была. Байцоф баба наражат пабольшы, насефку большы будит. Слева у нас пасевы (Мыс.). Ограда—двор. — В агради фсе анбары стаят — хлебнай, мушнай, лапатной, мусарнай и ямнай. Прихажу а свиння выбижала и бегат па агради, куриц ганят (Зыряново). Поветь—сеновал. — На павети ф сена зароимся с пацанам и спим. Лесь на синавал, збрось сена карови (Мыс.). Подволока—чердак. — На подвалаки хамуты, морды, сани, лапатину фсяку даржали. Биги паишшы на чирдаке де-та и щас стара ружжо и натруска валяцца (Игнатьево). Подпарок—зябь. — Патпарак ета стара названия зяби. Гот сеим, гот парим, а езли ни парим, на патпарки сеим (Романово). Пригон—конюшня. — У кажнава хазяина пригон быу. Гони-ка каней ф канюшню (Корсуково). Пустошь—залежь. — В залиш брасали землю толька лиштяки. Там пусташ, брошана зимля, на ней ничо ни радицца (Романово). Рундук—крыльцо. — Пирид дверрю в анбари рундук быу. Щас-та рундуком ни завём, фсё крыльцо завем. (Мыс.). Рюшка—свинья. Наша рюшка кусалась та как, ни захади. Свинни у нас ва хливу, иди пасматри (Нижнеилимск). Селезенка—огрех. — За агрехи атец бывала так нахлопат, што ну, да ишо пирипахать ли пириба-

ранить заставит. Езли барониш да силизенак панааставляш, дак атец патташшыт за касы и заставит пирибаранить (Нижнеилимск). Став—хлебное поле. — Канбайны на хлебны паля ушли, жэнски с имя паехали хлеп убирать. Машына шла з дравами па фсиму ставу пралитела, фсю шанису палажыла (Туба). Шесток—курятник. — Кур ф шасках даржали. У миня курятник зимой дома стаит (Погодаево). Ходярка—скотница. — Хадяркам фсё жэнски были, за скатом хадили. Фсе машыны ужэ ушли, хадярок павизли на скотный двор (Зыряново). Яблоко—картофель. Раньчи картошку яблакам звали. Дастань-ка ис патполля яблак да ижжарь скавародачку (Нижнеилимск). Яма—погреб. — В ями доржым агурцы, грибы, памидоры. Биги ф побрик приниси мяса (Куклино).

Приведенные контексты подтверждают абсолютное тождество значений компонентов всех рассмотренных синонимических пар.

Все тождественные по значению синонимы относятся к функциональным синонимам, т. е. таким, которые имеют различия в функционировании, употреблении. Они дифференцируются по частотности употребления [5] и по использованию в различных слоях говора, которые определяются на основе социально-возрастной характеристики носителей диалекта[6].

Часть абсолютных синонимов находится в пассивном употреблении или на грани перехода в разряд пассивных. Это диалектные слова и словосочетания, обозначавшие вышедшие из употребления реалии: амбар ямный, амбар погребной, двойчатки—двойники, пермячка—яновка, колесуха—сабануха, отвалка—бычок, заимка—занятье, ладонь—посад, бороноволок—борончук, бодожок—хлупец, керка—копач, арап—овсюг, белоколоска—безостка и другие.

Некоторые синонимы-дублеты отличаются устойчивостью в говоре, они употребляются в речи всех носилетей говора: родный овес—брунистый овес, заступ—засек, мышьяк—железа, переходница—издойка, пригон—конюшня, шесток—курятник, подволока—чердак, засыпь сусек, ограда—двор, яма—погреб, подпарок—зябь, рюшка—свинья, валеж скота—падеж

[5] Частотность употребления синонимов — дублетов говора фиксировалась в карточках.

[6] К традиционному слою говора мы относим говор старшего поколения (от 70 лет и выше) и среднего (от 40 до 60—65 лет), а передовой слой составляет говор молодежи и грамотных лиц до 40 лет.

скота, ходярка—скотница, поветь—сеновал, дурбень—сорняк, желтичник—сурепка, пустошь—залежь, животина—скот и др.

Между диалектными и литературными компонентами уже наметились свои функциональные ограничения, стилистическая оценка слов. Так, в непринужденной беседе носители говора употребляют чаще диалектные наименования, в присутствии же посторонних людей они стремятся пользоваться литературными как более «правильными, научными» терминами.— Па-нашему — патпарак, по-научному — зяпь, а ета адно и то жа (Зыряново). Кто жалтишник гаварит, а кто сурепка. Называ у нас фсяки, сурепкой типерь та боли называм (Зыряново). Сына-та дома нету, он хадярак на скотный двор павёс (Игнатьево). Ходярки и скотницы таперь гаварим. По-гаратскому — скотница, а па-дириверски — хадярка и фсё (Игнатьево). Раньчи баронищ да силизёнак панааставляш, дак атец по ушам нахлопат. А силизёнки — ета агрехи и есь. Таперь-та большы называем агрехи (Мыс.).

Дальнейшее развитие дублетных отношений идет главным образом по пути замены диалектных компонентов литературными эквивалентами. Чаще функционируют в традиционном и передовом слоях говора слова, совпадающие с литературными: картофель, куртник, конюшня, чердак, сусек, двор, скотница, сорняк, сурепка, падеж скота, зябь, посев и мн. другие. Существующее среди лингвистов мнение о том, что наличие лексических дублетов в языке представляет собой явление переходное, временное[7], подтверждается лексическими данными исследуемого говора.

Таким образом, в отличие от литературного языка говору свойственно большое количество синонимов, тождественных по значению, которые отличаются 1) функциональными и 2) стилистическими признаками. Функциональные синонимы-дублеты составляют специфику диалектной лексической системы. Они представляют собой результат взаимодействия лексических единиц говоров и литературного языка, взаимодействия, позволяющего проследить «механизм» вхождения разнодиалектных и литературных слов в диалект, формирование и развитие его лексической системы.

[7] Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955.

7. Заказ 3975.

Л. Г. ГЫНГАЗОВА

ЛЕКСИКА ПРИРОДЫ В СИСТЕМЕ ОДНОГО ГОВОРА

В настоящее время не ослабевает внимание ученых к исследованию системной организации словарного состава русского языка как в его литературной разновидности, так и в диалектах. В сфере диалектной лексики все еще ощущается недостаток знаний об особенностях внутрисистемных отношений между словами. Изучение лексико-семантических систем отдельных говоров является актуальным по ряду причин. Частная диалектная система, а точнее, фрагмент этой системы,— это тот уровень, с которого начинается лексико-семантическое исследование диалектной лексики и который, рассматривая слово в его реальных связях и отношениях, позволяет выявить сложные лексические различия, традиционно представляющиеся простыми[1].

Кроме того, исследование отдельных лексико-семантических систем позволяет в дальнейшем осуществить их типологическое сопоставление с целью выявления типологического единства или различия и проведения диалектного членения говоров. Все это объясняет обращение в предлагаемой статье к анализу лексики в рамках одной микросистемы[2].

Объектом анализа явились две лексико-семантические группы (ЛСГ), входящие в состав тематического единства

---

[1] Мораховская О. Н. Предмет и построение описательной диалектологии и ее отношение к истории языка. — В кн.: Исследования по русской диалектологии. М., 1973, с. 8—9.

[2] Членение типологически единого среднеобского диалекта на группы говоров было осуществлено О. Н. Киселевой (на материале морфологии) и Г. А. Садретдиновой (на материале фонетики). См.: Киселева О. Н. Морфологическая система русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. — Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1968; Садретдинова Г. А. Консонантизм русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. — Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1973.

«Природа» и функционирующие в среднеобском старожильческом говоре села Инкино, который относится к прикетской группе говоров. Это ЛСГ «Названия снега» и ЛСГ «Названия дождя». Источником работы послужили материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях 1977, 1982 гг.

ЛСГ «Названия снега»

Хотя в работе не ставится задача сопоставительного анализа лексики диалекта и литературного языка, обращает на себя внимание тот факт, что семантическое пространство «снег» предстает в говоре значительно более расчлененным, чем в литературном языке. Объясняется это причинами неязыкового характера: значимостью исследуемой реалии в жизни сельского населения, занятого различными видами зимнего промысла. Однако, проецируясь на языковой план, факт большей степени расчленности семантического пространства «снег» определяет характерную черту данной ЛСГ: значительное преобладание собственно диалектных слов—компонентов ЛСГ (80%) над общерусскими словами.

Рассматриваемая лексико-семантическая группа представляет собой объединение слов на основании вычленяющейся в значении каждого из них категориально-лексической семы 'снег'. Компонент 'снег' выступает в данном случае как нерасчлененный интегральный признак, хотя само слово снег не является семантически неразложимым элементом. Будучи родовым по отношению к ряду видовых названий снега, оно вступает в гипонимические отношения с каждым из компонентов ЛСГ. Внутри ЛСГ могут быть выделены подгруппы, в которых слова объединены не только интегральной семой 'снег', но и одной и той же общей для них дифференциальной семой. Так, для подгруппы I дополнительной интегральной семой служит сема 'идущий' (в рамках всей ЛСГ она является дифференциальной); для подгруппы II —'лежащий'; III—нерелевантность деления на семы 'лежащий/идущий'; IV — сема 'верхний слой'; V — 'несомый'. Таким образом. можно говорить об относительности понятий «интегральная сема», «дифференциальная сема», об их подвижности в границах одной лексико-семантической группы.

В подгруппу I 'снег идущий' входит ряд семем: 1) 'снег, **идущий** большими мягкими хлопьями'; 2) 'снег, **идущий** с дождем, мокрый'; 3) 'снег идущий, густой, мелкий, мокрый'; 4) 'снег, идущий в виде крупы, мелкий, твердый'.

План выражения первой семемы представлен тремя вариантами: *лопуха́, лопухи́, лопу́шник*. Названия снега, идущего большими мягкими хлопьями, мотивированы и соотносятся с названиями растения лопух. Возможность метафорического переноса обусловлена наличием общих для мотивированного и мотивирующего слов сем 'большой', 'мягкий', благодаря сходству некоторых характеристик денотатов. Вариантность названий *лопуха́/лопухи́/лопу́шник* объясняется вариантностью слов, выполняющих функцию мотивирующих единиц в наименовании снега: наличием в говоре наряду с общерусским *лопу́х*, 'растение с большими мягкими листьями' его диалектного варианта *лопу́шник*.

— *Снег, как лопушник, лопушник у нас называется. Мягкий весь, пушистый, как лопушник. Ну он мягкий такой же пойдёт, лопушник говорят пошёл//Когда крупный снег идёт, говорят, вот лопухи пошли. Он, как лопухи//Ну, говорят, лопухи валят, лопухи полетели Лопуха тако́ называется, как лопуха.*

Привлекая дополнительные данные других микросистем, можно заметить, что их название как бы находится на разной стадии метафоризации: если большинство говоров располагает уже сформировавшимся метафорическим названием и осознаёт связь между мотивируемым и мотивирующим (*как лопух, лопушистый//как лопу́шник* и т. п.), то, например, в говоре с. Усть-Чая, несмотря на то, что этот вид снега вычленяется в сознании диалектоносителей, метафорического названия он не приобретает, хотя установление определенной связи между двумя реалиями имеет место. Осуществляется как бы первая стадия метафоризации: сравнение реалий.

— *О, говорят, пошёл снег лопухами, так называют, а лопушник — нет//Мягкий он такой, как лопушник, вот, как лопушник, снег летит. Но лопушник уже не назовут, это же совсем другое* (Колп. Усть-Чая).

Семема 2) 'снег, идущий с дождем, мокрый' выступает в инкинском говоре вариантными лексемами[3] *сля́коть, сля́кость*.

— *Слякоть у нас говорили. А это вот снег с дожжом. Слякоть у нас называ́цца, вот она и осенью идёт и весной бува́т// Мокрый снег — слякоть у нас говорят: повалила слякоть, с дожжом. Дак это слякость идёт тогда, когда уж весной снег, дож, непо́годь называ́цца. Снег и дож — она вместе сля́кость.*

---

[3] Слово в статье понимается как единство семемы (значения) и лексемы (звукоряда) по терминологии Н. И. Толстого.

Слова, материализующие данную семему, на межсистемном уровне, обладают большой вариативностью формы: *сля́коть/сля́кость/сля́ка/сля́ча/шля́коть/шля́ка.* Основным вариантом, характеризующимся наибольшей частотностью употребления и широтой ареала, выступает слово *сля́коть.* Слово *сля́коть* (*сля́кость*) входит в анализируемую ЛСГ одним своим значением. Другое — общерусское — также отмеченное в говоре, выходит за рамки ЛСГ, обладая категориально-лексической семой, отличной от анализируемой.

Входящие в подгруппу I слова *кить/ки́ча,* (семема, снег, идущий, густой, мелкий, мокрый') сближаются по значению со словом *слякоть,* дифференцирующими являются признаки 'густой', 'мелкий'.

— *Ну слякоть и кичь, да то же самое. Но слякоть быват мо́кра, а этот идёт прям такой густой, па́дат такой, как измо́рось ка́ка-то. Туманный день, тёмный. Ну кичь—это уж тоже густой да тоже мокрый//Кичь про снег. Это такой вот густо идёт, мелкий такой вот, кичь, туман, ки́ча называется. Мокрый снег, густо так идёт; сам весь мокрый. Есь тако́ слово!*

Анализируемая ЛСГ неоднородна по частотности употребления ее компонентов. Лексика, называющая снег, в целом будучи общеупотребительной, отдельными элементами сближается со сферой профессиональной лексики. Так, названия кить, чи́льга́, па́хта, перено́в и под. отмечены преимущественно в речи мужского населения, занимающегося охотой, рыболовством и пр., то есть тех, для кого дифференциация названий снега актуальна в силу их профессиональной или повседневной деятельности. В связи с этим дублеты *крупа́, чи́льга* (семема 'снег, идущий в виде крупы, мелкий, твёрдый') различаются сферой употребления, соотносясь как общеупотребительное и ограниченное в употреблении. Кроме того, прослеживается соотношение: общерусское—собственно диалектное.

— *Чильга — это снежная крупа. Зовут которы чильга́, зовут, зовут! Как крупинки падают, чильга. Ну вот така она чильга́. Она сверху идёт и тут застывает. Вот чильга́ идёт// Крупа идёт иной раз. Так, мелка. Когда напа́дат, поскри́пыват, твёрда.*

Следует подчеркнуть, что закрепленность лексем *кить, кича, чи́льга́* за названными семемами характерна именно для инкинского говора: на межсистемном уровне наблюдаются различия как в плане выражения, так и в плане содержания.

Подгруппа II 'снег лежащий' включает четыре семемы: 1) 'мягкий снег, лежащий'; 2) 'мягкий снег, лежащий тонким

слоем'; 3) 'рыхлый, мокрый, лежащий снег в период оттепели'; 4) 'снег, выпавший после перерыва'.

Слово *пáхта* (многообразие значений этого слова см. в табл. 1) обладает диффузной семантикой. Образованное способом семантической деривации, оно регулярно актуализирует сему 'мягкий', в то время как семы 'неглубокий', 'первый', 'новый', наличие которых в составе значения данной лексической единицы также отмечено в говоре, свидетельствует о процессе семантического изменения слова. Осознание связи производного и производящего слов зафиксировано лишь единичными случаями актуализации отношений лексической мотивации.

Таблица 1

Семема	Лексема
'снег'	*Снег*
I 1) 'снег, идущий большими мягкими хлопьями'	*лопухá, лопухú, лопýшник*
2) 'снег, идущий с дождем, мокрый'	*слякоть, слякость*
3) 'снег, идущий, густой, мелкий, мокрый'	*кичь, кúча*
4) 'снег, идущий в виде крупы, мелкий, твердый'	*чúльгá, крупá*
II 1) 'мягкий снег, лежащий'	*пáхта, пáхточка*
2) 'мягкий снег, лежащий тонким слоем'	*пáхта, пáхточка*
3) 'рыхлый, мокрый снег, лежащий в период оттепели'	*талúба*
4) 'снег, выпавший после перерыва'	*перенóв, внук по дедушку пошел, пахта, пахточка*
III 'первый снег'	*отзúмье, отснéжье, отзимóк, зазимок, пахта*
IV 1) 'верхний слой снега, замороженный после оттепели, толстый'	*наст*
2) 'верхний слой снега, замороженный после оттепели, средней толщины'	*чир, чáрым, резунéц*
3) 'верхний слой снега, замороженный после оттепели, тонкий'	*гололéдица*
V 'снег, несомый ветром'	*пóденка, ползýн, ползунéц*

— Пáхточка, ну он, как пахта, мягонький такой. Как пахточка, говорят, немножко так выпадет и говорят на снег пахточка // Чо к чему, пошто так говорят? Всё это стариннoo.

Прогрессирующий (точнее сказать, почти завершившийся) процесс лексикализации внутренней формы слова влечёт за собой появление новых оттенков значения, изменение иерархии сем в семеме. Сема 'мягкий' становится менее актуальной, уступая своё место другим семам. Таким образом, слово в говоре отмечено в следующих значениях: 'мягкий снег', 'мягкий снег, лежащий тонким слоем', 'снег, выпавший после перерыва', 'первый снег'.

Любопытно, что в качестве номинативной единицы весьма частотным оказывается слово *пáхточка,* характеризующееся наличием коннотации, обычно несвойственной подобным названиям. Сфера функционирования анализируемого слова ограничена: оно принадлежит к профессиональной лексике. Предпочтительное употребление варианта с суффиксом субъективной оценки вызвано внеязыковым фактором: закреплением в слове положительной с профессиональной точки зрения оценки денотата (*пáхта/пáхточка* — вид снега, на котором хорошо видны следы зверя).

— Охотники говорят: пахточку подбросило. Это для охотника шибко хорóша штука. От неё толку много, вот и говорим пахточка//пахточка, вот пойдёшь белковать или што, следов незаметно, а тут видно//Пахточку бросило, подсыпало, говорят. След звериный-то видать.

Принадлежностью к профессиональной лексике объясняется и особая синтаксическая сочетаемость слова *пáхта/пáхточка*, ограниченная рядом глаголов в безличном значении: *подложúло, подбрóсило, подвалúло, подсы́пало, кúнуло, брóсило, принеслó*. Выбор безличной конструкции, очевидно, связан с суеверным охотничьим требованием устранить из речи указание на производителя действия.

Семема 3) 'рыхлый, мокрый, лежащий снег в период оттепели' манифестируется в инкинском говоре лексемой *талúба*. На межсистемном уровне при единстве плана содержания можно говорить о различиях в плане выражения, так как наряду с лексемой *талиба* отмечена лексема *пóдлип*. Слово *талиба* выступает в говоре в двух значениях, актуализуя два лексико-семантических варианта, входящих в различные ЛСГ: 'период оттепели' и 'рыхлый, мокрый снег, лежащий в период оттепели'. Разграничение двух значений в контекстах зачас-

тую представляется затруднительным вследствие их близости.

— Ну, талиба, снег будет таять, дак как? Талиба! Вот, говорят, как рано затаяло, как талиба рано. Когда стёплит тепло и снег затает, ну, говорят, талиба как нынче рано пришла//А это талиба вот начинáцца когда весной, вот тает снег, и вот мужики идут éслив весной на охоту, говорят: талиба, куда пойдёшь? Прилипáт всё к лыжам, вот и называ́цца талиба//Талиба — мокрый снег. Затает весной — талиба пошла. Я по талибе шёл//Талый снег с водой — вот это талиба шшытáцца.

Специфика семантической структуры двузначного слова (бисемемной структуры[4]) прослеживается в невозможности установить иерархию значений, характер соотношения значений определяется смежностью денотатов. Бисемемные структуры подобного рода достаточно распространены в лексических пластах, тематически связанных с названиями атмосферных осадков, видов погоды и под. В настоящей работе это такие слова, как *слякоть, талúба, отзúмье, отснéжье, ползýн//ползунéц, подёнки, ненастье* и др. Привлекая дополнительный материал, можно констатировать, что ряд частных диалектных систем актуализует только одно из значений бисемемной структуры. Таким образом, различия в потенциальных возможностях слова к лексико-семантическому варьированию (вне границ ЛСГ) — одна из типологических характеристик лексико-семантической системы наряду с различиями плана содержания или плана выражения.

Семема, заключающая подгруппу II, 'снег, выпавший после перерыва' отмечена в исследуемом говоре рядом названий, характеризующихся различной частотностью и сферой употребления. Наиболее частотным и общеупотребительным является устойчивое словосочетание метафорического характера *внук по дедушку пошёл* и его модификации *внук за дедом идёт, внук за дедушкой идет*. У слов *перенóв/перенóвка/перенóвочка, пáхта/пáхточка* сфера употребления ограничена: они входят в круг профессиональной лексики. Вычленение названия *перенов* (и его вариантов) связано с необходимостью обозначить вид снега, на котором хорошо видны следы зверя. Об оценке его информантами говорит наличие, наряду

[4] Термин заимствован из работы Васильевой Э. В. Типы лексико-семантических структур диалектного субстантива (метаморфические отношения). — Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1979, с. 4.

с нейтральными, вариантов с коннотативными суффиксами.

— Перенов — это перенов. Знаешь, вот допустим, снега нет, а завтра пошёл снег. Вот это называется перенов. Свеженький снег-снежок. То же самое, что внук по дедушку пошёл//Молодой снег вот падает, говорят, внук за дедом идёт. Он па́дат, текёт, потом начина́т таять. Ну, скажем, что снег старый ещё лежит, не весь растаял, а новый идёт. Ну, говорят: внук за дедушкой идёт//Пахточка — новый снег.

Таким образом, план выражения семемы представлен единицами, вступающими между собой в отношения формального варьирования и дублетности (диффузность семантики слова *пахта* и вследствие этого явление лексико-семантического варьирования в пределах ЛСГ уже отмечалось).

План выражения семемы 'первый снег' в говоре многообразен: отмечены лексемы *отсне́жье*, *отзи́мье*, *ози́мок*, *зази́мье*, *па́хта*. Все названия (исключая наименее частотное *пахта́*) лексически и структурно мотивированы и связываются в сознании говорящих с понятиями «зима», «снег». Слово *отснежье* является дублетом по отношению к вариантным образованиям *отзи́мье, отзи́мок, зази́мок*.

Все слова, обозначающие названия первого снега, представляют собой один из лексико-семантических вариантов бисемемной структуры, включающей значения 'первый снег' и 'время выпадения первого снега'. Оба значения актуализуются в говоре, причем в контекстах они трудноразграничимы. Зафиксированы случаи, когда для обозначения времени выпадения первого снега используется форма множественного числа *ози́мки*, а для названия первого снега — форма единственного числа — *ози́мок* (*«А озимки — это когда снег падает первый. Озимок, у нас так называют»*). Однако случаи такого разграничения единичны.

— Первый снег, как у нас самый первый — отснежье. Отзимье. Это значит, в какое число пойдёт первый снег, то черезь месяц зима будет//Отзимье — это осенью, а вот весной, ну поздний это выпадает, он и тает тут же//Озимок па́дат. Какого числа выпадет этот снег, и такого числа ляжет зима. Зазимок у нас говорят, ну и озимок//Пахта — первый снег. Пахточку принесло, первый выпадат к Октябрьской. Заносит. Утром встанешь — гребёшь.

Наличие дополнительных интегральных сем позволяет вычленить в составе ЛСГ подгруппу IV: 'названия верхнего

слоя снега, замороженного после оттепели'. Дифференциация значений, входящих в подгруппу, осуществляется по признаку 'толщина слоя'. Лексико-семантическая система говора с. Инкино членит семантическое пространство на три семемы, расположенные иерархически по отношению друг к другу: 'толстый верхний слой снега, замороженный после оттепели' (лексема наст); 'верхний слой снега, замороженный после оттепели, средней величины' (лексемы *чир, чарым, чурым, резунец*) и 'тонкий слой снега, замороженный после оттепели' (лексема *гололедица*).

— *Наст — это подымáт вот, когда замёрзнет. Подымат там лошадь и человека и всё подымáт. У нас замерзáт снег. Он [наст] сильнее, сильнее, чем чир, замерзáт. Подымáт лошадь, подымáт человека, промерзат вот как примерно* [показывает высоту более метра] //*Наст опéть же зимой бывает. Подогрéт вот это к весне, подогрéт снег, а потом и это. И наст вот тогда, по нему уж идти надёжно. А чир—это когда застынет-не застынет, щедровáтый вот такой. Замёрзнет, корка замёрзнет, там-то мягкий внизу снег. А корка-то замёрзла. Она вот в палец больше замерзáт, как лёд, чарым. Можно сказать чир и чарым. Чир, резунéц, чарым — одинаково. Другой раз зверь идёт, пролáмыват, ноги режет. Гололéдица — подстынет тóненька корочка, чуть схватит.*

Между названиями, обозначающими разную толщину слоя снега, устанавливаются отношения семантического противопоставления по признаку 'толщина слоя'. Однако выявленная дифференциация значений рассматриваемых слов не всегда последовательна. В речи некоторых информантов (преимущественно тех, чья деятельность не связана с промыслами) семантическая оппозиция по признаку 'толстый/средней толщины' нерелевантна, и слова *наст, чир (чарым, чýрым), резунéц* осознаются как дублеты. То есть в инкинском говоре прослеживается тенденция к стиранию дифференциального признака. Этот процесс прогрессирующий, тем более что в прикетской группе говоров есть микросистемы, характеризующиеся двучленной оппозицией, и даже микросистемы, где название верхнего слоя снега, замороженного после оттепели, представлено нерасчленённо.

Подгруппа, заключающая состав ЛСГ, 'снег, несомый ветром' далее нечленима и манифестируется лексемами *подёнки, ползýн, ползунéц*. Слово ползун (*ползунéц*) актуализует в говоре отношения лексической мотивации, соотносясь с глаго-

лом *ползти*. Слово *подёнки* частично мотивировано (формант во-).

— Подёнки несёт по низу. Это снег. Снег ветром несёт — это подёнки. Закручиват его//О, говорят, сёдни ветер подёнки несёт, снег несёт. Ну и ползун тоже самое. Снег ползун ли ползунец, ползёт значит. Ветром снег несёт по земле, вот и ползунец.

ЛСГ «Названия дождя»

Определение лексико-семантического состава ЛСГ «Названия дождя» не вызывает затруднений: легко вычленяющаяся категориально-лексическая сема 'дождь' объединяет вокруг себя группу слов, в лексическое значение которых входит в качестве интегральной категориально-лексическая сема и семы, дифференцирующие значение слов по разным основаниям. Признаки, по которым осуществляется дифференциация: 'сильный', 'затяжной', 'кратковременный', 'несильный', 'мелкий', 'прерывистый', 'в период сенокоса', то есть по качеству, по продолжительности, по времени.

Родовая сема 'дождь' выражается лексемами *дождь, дождик*. Несмотря на наличие уменьшительного суффикса, в слове дождик не всегда актуализируется коннотативный смысл: контексты дают два значения анализируемого слова: 'дождь' и 'кратковременный, несильный дождь'. Случаи десемантизации коннотативных формантов — достаточно регулярное явление в говорах. Например, слова типа льдинка, гривка, ямка, суходолинка и под. характеризуются, как правило, двумя значениями, одно из которых лишено коннотации.

— Толя пришёл, а я говорю: знаешь чё, Толя, воробьишко погляди, чё делает. Знать дож будет. Правда, дож был//Мы топерь стары-то, у нас всё болит. Вдруг начинат меня ломать и говорим: это уж смена погоды. Или дожжык будет, или вон зимой, дак снег.

Противопоставление родового слова ряду видовых обусловливает характер парадигматических отношений между компонентами ЛСГ: род—вид.

План выражения семемы 'сильный, обычно длительный дождь' представлен лексемами *ливень, дождина*. Семена содержит два дифференциальных признака, занимающих неодинаковое положение в ее составе, так как сема 'сильный' актуализуется регулярно и является основной, а сема 'длительный' — факультативной (это обусловило формулировку лек-

сического значения: введение в её состав слова «обычно», передающего факультативность признака).

— *Сильный, сильный дождь — ливень//Ну как же, еслиф льёт, дак ливень, скажут, что ливень//А он хоть и недолго, но всю смочил землю. Такой ливень!//Ну, ливень — это у нас называют так: неделю — две дож льёт, как из ведра, это уж ливень//Да, ливень — это уж сильный дож. Дожжына! Может на сутки затянуть, а может и так, недолго.*

Сема 'затяжной' актуализуется в говоре в слове *ненастье,* которое представлено в двух значениях : 'дождливая, ненастная погода' и 'затяжной дождь' (слово в первом значении выходит за рамки анализируемой ЛСГ). Дифференциация по качественным характеристикам нерелевантна: затяжной дождь может быть и сильным, и слабым, и мелким.

— *Когда дож долго идёт, это ненасье. Ежели идёт и идёт долго, быват большо ненасье//Меленький дож зарядит надолго—ненасье. А и большой, если долго идёт, тоже говорят, ненасье большо. Ненасье — это дож долго идёт. Хоть сильный, хоть какой, долго идёт, говорят ненасье.*

Регулярно актуализующаяся в слове *дождик* (в одном из его значений) сема 'кратковременный' обусловила отношения сементического противопоставления между словами *ливень, ненастье,* с одной стороны, и *дождик,* с другой. Сема 'несильный' в слове *дождик* проявляется, как правило, менее регулярно (как и в случае со словом *ливень*).

— *Дождик прошёл и опéть я́сна погода. Когда маленький пройдёт, назывáм дождик. О, говорят, этот дождик ненадолго, землю не смочит.*

В говоре отмечено специальное название мелкого дождя — *бус.* На межсистемном уровне наряду с ним в этом значении выступает слово *ситник.*

— *Бус — ну ето бусит опéть, его не видать, а он бусит всё одно. Маленький, даже вот его и не заметишь, а всё одно бусит//Ну бус забусит. Маленький дождик когда идёт, бусит и бусит. Ну, дождик такой, бус назывáцца.*

План выражения сememы 'затяжной, прерывистый дождь в период сенокоса' представлен *лексемой сеногнóй,* подобно таким словам, как *ненастье* и др., является бисемемной структурной, включающей два ЛСВ — компонента различных лексико-семантических групп. Характер соотношения между двумя ЛСВ определяется как взаимодействие смыслов, соотносящихся как целое и частный фактор, определяющий это целое (ненастье — погода и вид дождя, определяющий эту

погоду; сеногной — погода и вид дождя, определяющий эту погоду).

— Ну, сеногной, на покос едут, вот и сеногной будет. Дождь идёт и идёт, не перестаёт. Пойдёт-пойдёт, перестанет, солнышко погрет, опеть пойдёт. Прибавит. И это сеногной//А сеногной — когда сено косят. Каждый день дожжы и дожжы. Сегодня день помочит, потом солнце, вот парит. А потом на вторы сутки опе́ть дож. Вот тебе и сеногной. Сено гниёт, вот и всё. Его то намочит, то подсушит, а убрать не даёт.

Слово *сеногной* регулярно актуализует в контекстах отношения лексической мотивации.

Заключающая состав ЛСГ семема 'дождь, идущий при свете солнца' представлена в инкинском говоре атрибутивными сочетаниями *слепой дождь, куриная слепота.* Названия, формально различаясь, связаны с понятием «слепой», «слепота», но эта связь не получает никакого объяснения в говоре, не мотивирована. В состав семемы в качестве факультативного можно ввести признак 'кратковременный'.

— Ну, слепой дож — солнышко све́тит, а он идёт. Ешшо куриная слепота называют, а чё, почему, мы не знам, так повелось.

Сememно-лексемный состав ЛСГ «Названия дождя» представлен в табл. 2.

Таблица 2

Семема	Лексема
1) 'дождь'	*дождь, дождик*
2) 'сильный, обычно затяжной дождь'	*ливень, дожди́на*
3) 'затяжной дождь'	*ненастье*
4) 'кратковременный, обычно несильный дождь'	*дождик*
5) 'мелкий дождь'	*бус*
6) 'затяжной, прерывистый дождь в период сенокоса'	*сеногно́й*
7) 'дождь, идущий при свете солнца'	*слепой дождь, куриная слепота*

**
*

В заключение можно сказать, что каждая ЛСГ, являясь фрагментом, «клеточкой», из которой слагается языковая система в целом, обладает определенной расчлененностью семантического пространства, обусловленной внеязыковыми причинами. Характер этой расчлененности, проецируясь на языковой план, в частности на план содержания, становится особенно важным при типологическом сопоставлении лексики различных систем, при выявлении типов сложных различий.

Рассмотренные в работе группы лексики, функционирующие в пределах одной микросистемы, характеризуются многообразием семантических отношений слов — их компонентов. Отмечены родо-видовые отношения, видо-видовые, отношения синонимии (дублетности), вариантные, отношения семантического противопоставления. Кроме парадигматических, широко представлены мотивационные отношения.

Для данных ЛСГ характерно разное соотношение плана содержания и плана выражения: в ЛСГ «Названия снега» каждая семема манифестируется целым набором лексем (от 2 до 5), в ЛСГ «Названия дождя» тот или иной семантический объем определен одной лексемой. Многообразие плана выражения обусловлено различными причинами как языкового, так и внеязыкового характера.

Анализ фрагментов лексико-семантической системы одного говора позволяет представить систему в целом, раскрыть ее своеобразие, выявить закономерности построения, установить характер соотношения компонентов, который раскрывается лишь при детальном рассмотрении их в рамках ЛСГ.

З. П. НИКУЛИНА

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЗВИЩ ДЛЯ НАИМЕНОВАНИЯ АДРЕСАТА РЕЧИ И ЛИЦА, НЕ УЧАСТВУЮЩЕГО В ОБЩЕНИИ

В последние годы в ономастике развивается и все определеннее оформляется в качестве самостоятельного речеведческий аспект исследования. Однако все настойчивее заявляет о себе необходимость как можно глубже изучить на разном материале синтаксические возможности и коммуникативно-прагматические свойства собственного имени, закономерности функционирования онома как в различных ситуациях общения, так и в различных сферах русской речи. В 60—80-е гг. XX в появился целый ряд работ, посвященных изучению функциональной стороны ономастических единиц. Тем не менее далеко не в одинаковой степени изучены еще функциональные особенности собственных имен, принадлежащих к разным ономастическим областям, в частности, к малоисследованным в этом отношении относятся современные русские прозвища.

До последнего времени главным объектом исследования ономастов являлась статическая система прозвищ, вопросы же употребления, их реального функционирования в процессе применения для именования конкретных лиц, если и ставились, то лишь в качестве периферийных. Поэтому не случайно, что в большинстве антропонимических работ содержатся лишь отдельные попутные замечания о назначении прозвища, о некоторых типах коммуникативных ситуаций, в которых они используются, о возможности сочетания прозвища с другими антропонимами, об обусловленности норм употребления прозвищ мотивированностью и характером экспрессии, о специфике употребления прозвищ в речи взрослых и детей[1]. Опре-

---

[1] См., например: Поротников П. Т. Нормы употребления фамильных и прозвищных наименований в речи жителей Талицкого района Свердловской области.— В сб.: Говоры Урала и Западной Сибири. Нижний Тагил, 1972; Флоровская В. А. Из наблюдений над употреблением антропонимов в бытовом и официальном общении. — В сб.: Очерки по лексике и фразеологии. Ростов н/Д, 1974, и др.

деленное внимание функциональной стороне прозвищ уделено и в некоторых наших публикациях. Нами описаны факторы, влияющие на выбор прозвища для наименования[2], рассмотрено функционирование в речи прозвищ, являющихся членами одного полионимного ряда[3], а также особенности бытования прозвищ в условиях тезоименности[4].

Прозвища, как известно, широко употребляются для наименования лиц в обиходно-разговорной речи современного русского языка, особенно в его говорах. Однако свобода функционирования их в речи ограничена целым рядом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Обратим внимание на некоторые из них, непосредственно связанные с материалом нашего исследования.

В составе русской антропонимии прозвища образуют своеобразный экспрессивный (выразительный) пласт[5]. В отличие от фамилий, которые все номинативны, и личных имен, среди которых экспрессивны только квалитативные формы, все прозвища экспрессивны. Основное назначение прозвищ в современном русском языке быть не «чистым» именем-названием, а экспрессивным индивидуализирующим наименованием лица, хотя степень экспрессивности прозвищ разных групп неодинакова. Отфамильные прозвища не обладают большим эмоционально-экспрессивным потенциалом, так как экспрессивность в них поддерживается в основном внешней формой. Они могут в некоторых случаях лишь выражать отношение именующего к именуемому. Оценочно-характеристические же прозвища являются индивидуализирующими названиями-характеристиками, чаще всего выразительно-образными. Эти прозвища отличаются повышенной эмоциональностью, способны выразить (и выражают) всю богатую гамму оттенков отношений, в них содержится оценка именуемого. Указанные осо-

---

[2] Никулина З. П. О некоторых факторах, влияющих на выбор прозвища. — В сб.: Вопросы ономастики. Свердловск, 1980.

[3] Никулина З. П. Состав и функционирование прозвищ, используемых для именования одного лица. — В сб.: Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1976.

[4] Никулина З. П. О способах антропонимической дифференциации именуемых в условиях тезоименности. —В сб.: Русские говоры Сибири. Томск, 1981.

[5] См. об этом: Никулина З. П. Образные средства апеллятивной лексики и прозвища. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1980, вып. 9; Её же. О некоторых особенностях прозвищ как единиц экспрессивного фонда русской антропонимии (в печати).

бенности предопределяют различное отношение именуемого к прозвищу. Одни из них воспринимаются как обидные, вызывают отрицательные эмоции, другие не считаются оскорбительными, к ним относятся спокойно, отзываясь на них, как на имена. И это не может не учитываться в процессе общения.

Устно-разговорная речь тесно связана с ситуацией, то есть с той непосредственной обстановкой, с теми условиями, в которых осуществляется общение и которые также оказывают влияние на выбор формул наименования лица. Функционирование прозвищ ограничено сферой неофициальных ситуаций, число которых практически бесконечно. Речевая ситуация представляет собой сложное явление, характеризующееся целым рядом «специфических неповторимых экстралингвистических компонентов, дополняющих эти ситуации каждый раз особым образом»[6]. Наблюдения за функционированием прозвищ свидетельствуют о важности, определяющем характере некоторых из них. Во-первых, присутствие посторонних, снимая неофициальность отношений между говорящими, накладывает запрет на употребление прозвища. Как правило, прозвища используются для наименования среди хорошо знакомых, друзей, родственников, причем только в непринужденной беседе на обиходно-бытовые темы, типичные для повседневной жизни, на улице, в магазине, в клубе, на работе и т. п. Во-вторых, говорящий в своем речевом поведении учитывает также и отношения между коммуникантами, изменение характера которых (доброжелательное—недоброжелательное, интимное, шутливое — фамильярное, ироническое) — фактор, существенно влияющий на выбор антропонимической единицы для наименования. В-третьих, большой силой воздействия отличается и такой компонент внеязыковой ситуации, как экстралингвистическая характеристика говорящих: их возраст, образование и занятие, социальное положение в пределах конкретного акта общения.

Определение зависимости функционирования прозвищ от их внутренних особенностей и от условий, в которых осуществляется общение, является предметом нашего исследования. Материалом для наблюдений послужили реальные ситуации, в которых были записаны прозвища при спонтанном их упо-

---

[6] Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973, с. 233.

треблении[7]. Мы изучали также суждения носителей языка относительно перечисленных выше факторов, имея в виду то, что в их оценках наряду с индивидуальным содержится и общее, наряду с субъективным — объективное. Совокупность сведений, почерпнутых путем непосредственного наблюдения и бесед-интервью, дала достаточно полную картину функционирования прозвищ в речи.

Прозвище может быть использовано для наименования как адресата речи, так и лица, не участвующего в коммуникативном акте (далее будем называть его «третье лицо» или просто Т): — Ну-ка. Штафетина, подвинься, из-за тебя ничего не видно; — Надо Зуба попросить, он, может, съездит за сеном (Разд.)[8]. Ситуации, в которых функционируют прозвища-обращения и прозвища-наименования третьего лица, не тождественны, не в одинаковой степени релевантными оказываются и экстралингвистические компоненты речевой ситуации, поэтому рассмотрим далее по отдельности употребление прозвищ для наименования адресата речи и лица, не участвующего в общении

I. Учитывая, что общение, будучи по своему существу глубоко социальным процессом, личностно ориентировано, будем различать вслед за Л. П. Крысиным для актов межличностного общения, в которых функционирует прозвище-обращение, симметричные и асимметричные ситуации (отношения). «Симметричными являются такие отношения, участники которых имеют одинаковые социальные признаки: равное социальное положение в обществе, образование, примерно одинаковый возраст, один и тот же пол. Асимметричны отношения, — участники которых различаются хотя бы одним из этих признаков»[9].

1. Прозвища-обращения, по нашим наблюдениям, довольно интенсивно используются в симметричных ситуациях. Приведем примеры:

— Люминь, хоть бы в гости зашел. Совсем забыл (Берез.).

На улице встретились в прошлом друзья. Один приглашает другого в гости.

[7] В статье использован материал, собранный в населенных пунктах Кемеровской области — Березове, Каменке, Раздолье, Новоромапове. Принятые соответственно сокращения — Берез., Кам., Разд., Н.-Ром.

[8] В скобках после реплик указывается название населенного пункта, где произведена запись.

[9] Крысин Л. П. Язык и социальное поведение человека. — Дошкольное воспитание, М., 1975, № 6, с. 75.

— Щукарь, закурить дай (Н.-Ром.).

Селяне-старички сидят у магазина, беседуют. Один из них просит у своего товарища папиросы.

— Тляшка, ты домой сейчас? Меня подожди (Берез.).

Один из рабочих выходит с базы. Ему вслед кричит сосед.

— Слушай, Зис, приходи вечером, мне сейчас некогда искать (Берез.).

В гараж пришел за цепью для мотоцикла один из односельчан. Обращается с просьбой к бывшему однокласснику, тот занят.

— Смотри-ка, Дух, тебя начальство любит, опять новую машину дали (Разд.).

Разговаривают шоферы у гаража.

По прозвищу в симметричных ситуациях называют адресата не только при доброжелательных, но и при недоброжелательных отношениях. Однако если в первом случае используются только те прозвища, к которым адресат безразличен (либо привык, либо прозвище нравится), то при недоброжелательных отношениях между участниками общения или в ситуациях разрыва приятельских отношений, в ссоре употребляются и обидные, нежелательные для именуемого прозвища.

— Да ты, Крыса[10], на себя посмотри, дохлая ведь, костями гремишь (Берез.).

Ссоряться подруги. Одна из них смеется над полнотой другой, та не выдержала и ответила дерзко.

— Бяшка, закурить есть?
— Сам ты Бяшка. Было бы — не дал (Берез.).

У клуба встречаются друзья детства, но сейчас они не дружат, в ссоре. Один из них обращается к другому с просьбой.

2. Для наименования адресата речи прозвища используются (хотя и редко) и в асимметричных ситуациях. В речевом общении адресант (S) учитывает социальное положение адресата (A). Различие социальных статусов значительно ограничивает возможности выбора прозвища для наименования. Обычно в этих условиях в качестве обращений используются

[10] Прозвище Крыса возникло на базе рифмующегося компонента усложненного антропонима Лариса-крыса.

лично-именные формулы «без этикетных ограничений». Так, например, работников бухгалтерии, контор, сельского Совета и т. п. даже в неофициальных сферах общения называют обычно по имени-отчеству или просто по отчеству. Однако в речевой практике сельских жителей и при различии социальных статусов коммуникантов употребляются прозвища-обращения. Ср.:

а) *A* по положению ниже *S*

— Ну что, Барин, съездишь с машиной за шифером?

— Съезжу, конечно (Берез.).

К одному из рабочих-строителей подходит прораб, обращается с просьбой.

— Ей, Луноход! Где ты ходишь? Иди, тебя начальник вызывает (Берез.).

Мастер заглядывает в слесарку, обращается к одному из рабочих.

б) *A* по положению выше *S*

— Чукча, ты опять мотор не перебрал?

— Ну завтра уж точно переберу, а? (Берез.).

В мастерских гаража. К механику обращается шофер.

— Ну, Джигит, отпустишь нас сегодня или опять во вторую останемся?

— А уж это как работать будете. Можно и отпустить (Берез.).

На базе. К инженеру, уже давно работающему здесь, обращается рабочий.

Обращение по прозвищу и в случае *а*, и в случае *б* предполагает наличие дружеских, товарищеских отношений. Говорящие обычно знакомы, длительное время работают вместе, в одном производственном коллективе. Это обычно, с одной стороны, колхозники, рабочие совхоза, с другой — руководители среднего звена: бригадир, мастер, завгар и т. п. Прозвища воспринимаются и *S*, и *A* как нейтральные наименования. Однако, как показывают наши наблюдения, прозвище-обращение в ситуации *б* используется значительно реже, чем в ситуации *а*. Информанты объясняют это так: «Да он начальник, вроде неудобно назвать».

При значительной разнице статусов собеседников правила этикета запрещают называть собеседника по прозвищу (из объяснения информанта: «Ага, она учительница, разве так назовешь»). Только в случаях крайнего раздражения *S* иногда прибегает к «неэтикетной» формуле обращения:

— Давай, я тебе говорю, мне машину. Еслив у тебя, Ёжик, дочь заболела, ты б щас самолет достал (Разд.).

В кабинете директора совхоза. Женщина-доярка требует дать ей легковую машину. Она возмущена отказом.

Как известно, прозвища возникают и бытуют среди более или менее узких групп, представляющих собой совокупность людей, связанных контактным общением, — в семье, в школе, бригаде и т. п. Обычно прозвища и функционируют в пределах этих малых групп, используются как обращения в кругу не только хорошо знакомых, друзей, товарищей, но и, как правило, в кругу ровесников. Однако в некоторых случаях по прозвищу обращаются друг к другу и люди разного возраста. Ср.:

а) *А* моложе *S*

— Ну что, Сморчок, опять засыпался? (Берез.).

На улице. К изгороди подходит мужчина, смеется над мальчиком-соседом, подметающим двор.

— Лапоть, семечки есть?
— Есть (Берез.).

В школе на перемене старшеклассник обращается к младшему школьнику своему соседу.

— Академик, тьфу, как тебя, Доцент! Тебя жена к телефону.
— Я сейчас (Берез.).

Звонит телефон. Вахтер-старичок зовет лаборанта.

б) *А* старше *S*

— Я, Пижон, Ваське нашему всё расскажу. Он тебе даст (Разд.).

На улице. Восемнадцатилетний ученик шофера обидел мальчика лет десяти, который убегает плача.

— Косой, куда бредёшь? Опять с дороги собьёшься.
— А ты, деточка, через до-

К добродушному, дряхлому уже старику, которого все односельчане зовут обыч-

рогу меня переведи, и ладно будет (Берез.).

но по прозвищу, на улице обращается мальчик лет тринадцати.

В случае *а* прозвище используется, если оно привычно для именуемого или если адресант придает прозвищу в данном конкретном акте общения шутливо-иронический, а иногда, может быть, и ласково-покровительственный оттенок. В ситуации *б* прозвище употребляется редко, обычно только тогда, когда адресант имеет некоторые претензии к поведению партнера. Обращение младшего к старшему по прозвищу осуждается: «А ежлив она старше меня, как я её обзову-то? И не боязно, а стыдно. Бывает, конешно, што которы моложе, а ругаются, обзываются. Так уж это когда выведут сильно, али на каку пьянчужку, али сплетницу» (Разд.).

II. Прозвища интенсивно используются для наименования лица, не участвующего в коммуникативном акте. Приведем несколько высказываний информантов, характеризующих эту ситуацию: «Всех-то по прозвищу не зовём. Да ить разве и можно? Вон дирехтора нашего почти по отчеству только. А между собой всё Ёжиком ево зовут. Ну а прямо сказать нельзя и стыдно: начальник вить, и боязно» (Разд.); «Ты Пыхтеря так не зови, он и побить может. Мы это только, когда его нет, так зобём» (Берез.); «А Симонова, тоже уже с каких пор зовем так. Он сначала поругивался, в глаза не стали звать, а меж собой так и зовём, так и остался он Дугой да Корой» (Кам.). В генеральной совокупности контекстов, включающих наименования третьего лица, реализуется максимальный состав прозвищ определенного социума: как, известные, так и неизвестные его носителю, как необидные, так и обидные.

1. Третье лицо может не участвовать в общении, но присутствовать при разговоре *А* и *S*. В такой ситуации прозвище используется, если между собеседниками существуют отношения равенства, близости. В выборе прозвища для наименования *Т* адресант руководствуется отношением *Т* к своему прозвищу (обижается, не обижается) и коммуникативной целью употребления именно прозвищной формулы наименования. Ср.:

— Кулика б в эту машину. У него б нос как раз в ветровое стекло упирался.

— Нет, надо бы послать туда Крокодила. Они б в

В дружеско-шутливом тоне ведут разговор рабочие в мастерских. Именумые присутствуют.

следующий раз сами все привезли (Кам.).

— Кудрявый приехал, наконец-то! (Пашк.).

В конторе. Увидев вошедшего тракториста, кто-то с удивлением воскликнул.

— А Профессорша опять Псу списать дала. Ну и Профессорша! (Кам.).

Желая обидеть проходившую мимо одноклассницу, девочка начинает рассказывать о случившемся на уроке, намеренно громко называя подругу по прозвищу.

2. При наименовании лица, не только не участвующего в разговоре, но и отсутствующего при общении *A* и *S*, большая часть компонентов экстралингвистической ситуации, о которых говорилось выше, оказывается нерелевантной. В разговоре об отсутствующем лице употребляется любое прозвище. Приведем примеры:

— И куда только Блювак выступать берется, аж тошно слушать (Разд.).

На собрании выступает председатель райкоопа. По ходу выступлений сидящие в зале доярки обмениваются мнениями.

— Ничего ваш Мося в наших болезнях не понимает (Разд.).

В больнице колхозница разговаривает с санитаркой о фельдшере.

— Самовар опять раскипятился, лучше на глаза не попадайся (Берез.).

Ученики, оценивая сложившуюся ситуацию в школе, говорят о директоре.

— Где ты был?

— Да Губан повел на рыбные места, а сам ничего не знает (Берез.).

Разговор между мужем и женой дома. — *Т* — сотрудник мужа, прозвище его в глаза не употребляется.

— Сейчас Кишка еще пару блоков поставит—и каюк нашей команде (Разд.).

Идет дружеская встреча по волейболу между командами двух совхозов. Один из болельщиков, мало знакомый с игроками, но за время встречи неоднократно слышавший, как их называли друзья, использует для наи-

менования играющих не только имена, но и прозвища.

Если выбор прозвища-обращения зависит от отношений между двумя участниками коммуникативного акта, то выбор наименования третьего лица определяется уже позициями трех человек — говорящего и третьего лица, говорящего и адресата и, наконец, адресата и третьего лица. При равных и близких отношениях между говорящими они свободны в выборе наименования третьего лица и руководствуются своим личным отношением к нему. В этом случае, как отмечает К. А. Долинин, свобода *S* ограничена только личностным отношением *A* к *T*: если *A* относится к *T* положительно и *S* знает об этом, непочтительное наименование (выражаемое в нашем случае в прозвище, которое *T* не нравится) *T* вызывает отрицательное отношение *A* к *S*[11]. И поэтому в этом случае адресант обычно использует только необидные прозвища, ставшие привычными наименованиями. Если же собеседники относятся к *T* отрицательно, то возможно употребление любых прозвищ по эмоционально-экспрессивной тональности, даже чаще употребляются прозвища с отрицательной оценкой, которые воспринимаются *T* как обидные.

Таким образом, условия, в которых функционируют прозвища-обращения и прозвища, являющиеся наименованием третьего лица, не тождественны. Для функционирования наименований третьего лица оказываются нерелевантными социальные характеристики именуемого, менее действенным является и отношение именуемого к своему прозвищу и эмоционально-экспрессивная окрашенность последнего. Для наименования же адресата речи выбираются прозвища с учетом характера их экспрессивности и отношения именуемого к прозвищу. Свобода употребления прозвищ-обращений для наименования лиц, отличающихся по социальному положению и возрасту, сдерживается в большей мере правилами этикета. Однако в ситуациях ссоры, разрыва приятельских отношений эти ограничения оказываются нерелевантными.

---

[11] Долинин К. А. Социально-психологическое значение лексических средств наименования адресата речи и лица, не участвующего в общении. — В сб.: Лингвистика и проблемы стиля, Л., 1977, вып. 1, с. 9.

Л. И. ШЕЛЕПОВА

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ В ГОВОРАХ И ИХ РОЛЬ В СМЫСЛОВЫХ РЕКОНСТРУКЦИЯХ

I. Мысль о возможности использовать в семантических реконструкциях лексические данные русских народных говоров была высказана нашими языковедами уже давно. Исследователи XIX в. (Я. К. Грот, Ф. И. Буслаев, П. А. Лавровский и др.) обратили внимание на характерную для диалектов особенность — консервацию архаизмов, в том числе семантических, которая давала возможность представить первоначальное значение общеупотребительных слов[1].

Сохранение архаических черт в семантической структуре диалектных слов (исходных значений, утраченных их литературными параллелями) современные исследователи объясняют такими чертами лексико-семантических систем говоров, особенно характерными для говоров окраинных областей, как конкретность, детализация в наименовании предметов и явлений и вытекающая отсюда тенденция сохранения внутренней формы, этимологической прозрачности слова. По свидетельству Г. Я. Симиной, исследовавшей лексико-семантическую систему пинежского говора, «в говоре отчетливо обнаруживается стремление удержать прямое, этимологически ясное значение слова. В литературном языке во многих случаях внутренняя форма слова уже затемнена, произошла деэтимологизация. В диалектах этот процесс отражен в меньшей степени»[2].

Учет данного семантического своеобразия диалектных лексем, сохраняющих по сравнению с их литературными соответ-

---

[1] Грот Я. К. Филологические разыскания (материалы для словаря, грамматики и истории русского языка). Изд. 3-е. Спб., 1885, т. 1—2, с. 147; Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, с. 97—98; Лавровский П. А. Замечания об особенностях словообразования и значения слов в древнем языке. — Изв. ОРЯС, Спб., 1853, т. 2, с. 275.

[2] Симина Г. Я. Пинежский говор. Калининград, 1976, с. 13.

ствиями более тесную, непосредственную связь с корнем, с производящей основой, помогает восстановлению первичной семантики, утраченных или затемненных смысловых связей и сближений объясняемых слов. Некоторые иллюстрации:

ВОСПИТАТЬ. Восходит к **питать**, **пища** (ФЭС; ШЭС). Ср. в диалектах: **воспита́ть**, **воспи́тывать** 'кормить, питать; вскармливать', олон., арханг., ленингр. (СРНГ); **воспи́танница**, **воспи́танник** 'нахлебница, нахлебник', («Эта старуха — воспитанница Павла Пакуля»), беломор. (Елизар.); **воспита́льник** 'кормилец' («Меня в армию не брали. Как матери воспитальник был»), кемер. (ТСД).

ВОСПРЯНУТЬ. Восходит к **прядати** 'прыгать, скакать' (ФЭС; ШЭС). Первичная семантика глагола **воспрянуть** ('вскочить') сохраняется в диалектах. Ср.: **вспря́нуть** 'вскакивать на кого-, что-либо', кур., орл., тул.; **вспря́даться**, 'распрыгаться', калуж. (СРНГ).

НУЖНЫЙ. Древнерусское производное с помощью суффикса -ЬН- от **нужа** (КрЭС), вытесненного из литературного языка старослав. **нужда**, но сохранившегося по говорам (ср. олон., арханг. **ну́жа** 'нужда, бедность' — Кулик., Даль, Подвыс.). Это сближение (прилагательного **нужный** с древнерусским и диалектным **нужа**) станет еще более очевидным, если учесть, что в говорах **нужный** отмечается в первоначальном прямом значении, ср.: в арханг., олон., новг. говорах **ну́жный**— 'бедный, голодный, неурожайный' (нужный год); 'больной' (Оп.); в пск., твер. — **ну́жен** 'беден' (ни нужен, ни богат); **ну́жной** 'небогатый, скудный, убогий' (доп. к Оп.); **ну́жная работа** 'работа по нужде, по необходимости' (КСРНГ); в перм. говорах: «**нужный** — недостаточный, бедный (человек), а не то, чтобы 'надобный, неотложный к чему-нибудь'; под словом **нужный** здесь разумеется человек, находящийся в нужде, бедности или во всем нуждающийся; о бедном нередко можно слышать: он живёт нужно, нужненько, то есть бедно — бедненько» (КСРНГ).

РЕЗКИЙ. Из *рѢзькъ[3] от **резать** (ФЭС). Непосредственная связь прилагательного **резкий** с производящим глаголом сохраняется в говорах. Ср.: **ре́зкий** 'способный хорошо резаться' (трава рѢская), моск. (КСРНГ); «Етот год с сеном хорошо, косили и пораньше и трава была резкая, ну мягкая, режется хорошо» (КПОС); 'способный порезать' («А трава ка-

[3] Буквой Ѣ передается буква «ять».

кая-то резкая, и я портки не надела и все ляшки сабе порезала»), ряз. (ДС).

ТКАТЬ. Связано с **ткну́ть, ткну, тыкать** (ФЭС). Ср. в говорах: **ткать (ткаю, ткаешь)** 'тыкать', **тка́ться** 'лезть, соваться куда-либо', ряз. (ДС); **натка́ть** 'начинать чем-то, вложить, наполнить', 'навтыкать', 'вбивать в землю' (КПОС).

II. Архаические пласты, «отложившиеся» в смысловой структуре диалектных лексем, способствуют убедительной реконструкции не только первоначального значения этимологизируемых слов, но и звеньев семантической цепочки — от исходного значения до конечного «пункта» смыслового развития — того значения, в котором слово известно в настоящее время в литературном языке. В этом отношении показательна этимология слова **жребий**[4].

Авторы этимологических словарей русского языка (Горяев, Преображенский, Фасмер, Шанский) сходятся в том, что слово жребий заимствовано из старославянского и является родственным др.-прусск. gīrbin 'число', ново-в.-н. kerben 'делать зарубки, нарезать', англос. ceorfán ' нарезать, резать' греч. γραφω 'пищу, царапаю'. Приводятся исконные формы, сохранившиеся в диалектах (например, в ПрЭС: **жереб**, **жеребок** 'кусочек свинца или чего-либо другого'; **жеребей** 'отрезанный кусок металла или чего-либо') и делается вывод о первоначальном значении слова' отрезанный кусок свинца, дерева, проволоки и т. п. Развитие значения анализируемой лексемы подтвреждают сравнением с сербохорв. број 'число, жребий' от брити 'резать, брить' (ПрЭС; ФЭС; Горяев; ШЭС).

Более широкое привлечение диалектного материала позволяет внести некоторые уточнения и дополнения к предложенной смысловой реконструкции. В говорах русского языка фиксируются значения, которые группируются вокруг нескольких семантических центров, являющихся, как представляется, звеньями смысловой эволюции слова **жеребий** — древнерусского варианта общеслав. *žerb-, сохранившегося, как отмечалось, в диалектах.

Ближайшей к этимологическому значению является группа значений, связанных с понятием «резать рубить», ср.: **жерёбы** 'нарубленные кусочки свинца или другого металла употребляющиеся вместо пуль или дроби', олон. (СРНГ); **же́ребей,**

[4] Об этимологии слова жребий см. также: Шелепова Л. И. Диалектная лексика как источник этимологических исследований. — В кн.: Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1977, вып. 2, с. 106—107.

жёребь 'крупная дробь из рубленого свинцового прута', урал. (Доп к Оп.; Сол. Сл.); **жеребейка** 'узкие нарезанные полоски хлеба, теста, бумаги и т. п.', волог., костром. (СРНГ); **жёреб** 'деревянная палочка с количеством зарубок, соответствующих числу отданных в обработку кож' (КПОС); **жёребей** — то же, ворон., костром. (СРНГ).

Данное значение послужило базой для развития другой группы значений, объединенных признаком — 'часть чего-либо', ср.: **жёребей** и **жёребий** 'небольшой кусок, часть чего-либо' («Искрошив хлеб на жеребья, подсушить»); 'осколок, черепок от чего-либо бьющегося', арханг. (СРНГ); **жеребьёк** 'кусок', осколок чего-либо', орл., брян. («Дай мне жеребьёк селёдочки». Калуж.); **жеребóк** 'обломок прута от веника', ирк. (СРНГ).

Такие «жеребья» (кусочки бумаги, дерева и т. п.), видимо стали использоваться в качестве условных значков, предметов, вынимаемых из числа одинаковых значков, предметов для разрешения спора, установления права на что-нибудь и т. п. (ср. в литературном языке: тянуть, вынуть, бросать жребий, достаться по жребию; в говорах: **жёребье** 'жребий', олон., Лит. ССР, Латв. ССР; **жёреб** — то же, моск., калуж., орл. и др.; **жёребей** и **жёребий** 'номер при наборе рекрутов' (вят., твер., пск. — СРНГ), в том числе при распределении земельных и сенокосных участков (ср. **жеребóвка** 'в дореволюционное время — делёж посредством жеребья сенокосных участков между казаками', терск. — СРНГ). Отсюда и сам участок земли, сенокоса, пай доставшийся по жребию, стал называться жеребьем (новг., вят., яросл., орл. — СРНГ). — «Беда, не поспела свой жеребий до дождя выкосить!» (арханг., яросл.— СРНГ)[5]. Очевидно, по наименованию земельного участка, и группы домохозяев деревни, получающие вместе земельные наделы, стали называться — жёребья (новг. СРНГ).

От значения 'доля, пай, часть', доставшиеся по жребию (жеребию), по «велению судьбы», осуществился переход к значению 'участь, судьба' (ср.: от жеребья не уйдёшь, ворон. СРНГ). Подобное развитие значений наблюдается в словах **доля и счастье** (у Даля **часть** — 'участь, доля, жребий, удел, счастье': «Час придёт и часть принесёт»).

---

[5] Не исключено, что слово **жребий** в значении 'участок земли' этимологизируется аналогично диалекту **нарЪзъ, нарЪзок** 'нарезанная доля земли', то есть непосредственно восходит к глагольному корню в значении 'резать, рубить'.

Итак, развитие значения анализируемого слова, реконструируемое с помощью лексических данных говоров, представляется следующим образом: от вещественного 'отрезанный, отрубленный кусок от чего-либо' → 'часть чего-либо' → 'условный значок, предмет, вынимаемый из числа одинаковых значков, предметов для разрешения спора, установления права на что-нибудь, порядка чего-нибудь и т. п.' → 'нечто (часть, доля), доставшееся по жребию' → 'участь, судьба'.

Существенно отметить, что А. Грандилевский в одном из говоров Холмогорского уезда зафиксировал слово **жéребий** в его прямом и переносном значениях: 1) 'осколок от посуды, черепок от края посуды или иного чего-либо хрупкого'; 2) 'жребий, участь, доля'; 3) 'маленький земельный участок, взятый от большого' (Гранд.).

III. Для понимания направления семантической эволюции этимологизируемых лексем немаловажное значение имеют и те новые тенденции в смысловом развитии слов, которые наблюдаются в говорах и не нашли отражения в литературном языке, не зафиксированы в памятниках древнерусской письменности.

Так, при установлении происхождения слова **веко** А. Г. Преображенский и М. Фасмер, приведя параллели из других славянских языков, ограничиваются указанием на родство слова веко с лит. vókas 'веко', voka 'крышка', лат. vâks 'крышка' (ПрЭС; ФЭС), на что обратил внимание еще И. И. Срезневский (Срезн.). Н. М. Шанский, исходя из значения 'покрышка', сохранившегося у слова **веко** в ряде славянских языков, в том числе в русских говорах, возводит его к глаголу с основой vě-/vo-, значение которой, очевидно, — 'покрывать' (ШЭС). Данные говоров русского языка заслуживают в этом случае пристального внимания своей способностью развивать для некоторых слов (здесь слова **веко**) сложную систему переносных значений (по смежности функциональной и пространственной).

Наиболее близким к этимологическому значению 'покрывать' является, как и указывали этимологи, значение 'покрышка', известное не только в других языках, но и в говорах русского языка, ср.: **вéка** 'крышка от хлебницы', арханг., 'крышка на кадку', смол.; **вéко** 'крышка от лукошка, плетёной корзины, короба', волог. («Веко-то оторвалось, дак платком пришлось завязать». Волог. «У туеса веко». Арх.); 'лубковая крышка на квашне или кадке', смол., кур.; 'крышка, но не всякая,

а от деревянной посуды', беломор, 'холщовое покрывало на квашне', кур.

«По смежности функций, выполняемых глазными веками и любой покрышкой, слово v̌eko 'приобрело значение 'глазное веко' (ШЭС), закрепившееся в литературном языке, и 'ресница', известное в говорах: **вéки** 'ресницы', Лит. ССР, Латв. ССР; **вéко** 'ресница', арханг. По смежности (уже пространственной) у слова **веко** развилось значение 'глаз, взгляд, зрение', отмеченное в «Материалах...» И. И. Срезневского.

На основе пространственной смежности словом **веко** стали называть не только покрышку от корзинки, но и самоё корзинку, предназначенную для разных целей, ср.: **вéко** 'лукошко (для хранения хлеба и т. п.)', яросл., пск., вят.; 'лукошко, корзина с крышкой для ягод, грибов и т. п.'; 'круглая лубковая коробка', смол.; 'корзина для торговли мелким товаром вразнос', волог., арханг. Причем сначала, вероятно, веком называли корзину с крышкой, затем — любую корзину, не обязательно с крышкой.

В некоторых говорах название **веко** перешло с корзины для торговли мелким товаром вразнос на ящик для товаров, продаваемых вразнос, для выставки мелких товаров на прилавке и далее — вообще на место, где продают мелочные товары (волог.). С этим связано рождение фразеологизма **сидеть на вéках** — то есть торговать мелочными товарами на лотке, в лукошке и т. п. и производного **вéкошник** 'торговец мелочными товарами на веке (столике, лотке)', волог.

В ряде говоров словом **веко** называется любое вместилище (ср.: 'деревянный футляр, в котором находятся жернова на мельнице', вят., Удм. АССР; 'чашка, в которой валяют хлеб перед выпечкой' твер., арханг.) и полка над лавками вокруг избы (твер.), на которую очевидно, ставится посуда (веко) (СРНГ).

IV. Говоря о роли диалектных семантических архаизмов в смысловых реконструкциях, особо следует остановиться на случаях, когда изучение семантических особенностей диалектных слов оказывается важным при этимологизации заимствованной лексики. Дело в том, что говоры, с их способностью удерживать архаические явления, сохраняют и те первоначальные значения, в которых слова заимствовались в древнюю эпоху. Причем семантические архаизмы такого рода свойственны чаще всего тем говорам, которые непосредственно соприкасаются с языком-источником. В литературном язы-

ке соответствующие слова прошли длительный путь развития и в смысловом отношении оказываются уже несопоставимыми со своими иноязычными этимонами. Понятна поэтому необходимость внимательного отношения к оттенкам в семантике, локальной характеристике диалектных слов при решении вопроса о происхождении заимствованной лексики, при определении источника заимствования.

Большинство этимологов слово **ватага** объясняет как древнерусское заимствование из тюркского источника (ср. др.-тюрк. otaγ 'палатка, шатёр, семья' — ФЭС; ШЭС). В современном русском литературном языке значение 'палатка, семья' не отмечается. Известно лишь разговорное **ватага** с переносимы и значением 'шумная толпа, сборище'. «Отголоски» прежнего значения обнаруживаются в диалектах: в волж., касп., черномор., дон., симб., костром. вата́га — 'рыболовецкая артель'; в астрах., твер. — 'артель'; в волж., касп. — 'поселение рыбаков'; в вят. — 'рыбачья избушка'; в яросл.— 'семья'; в костром., вят., нижегор. и др. — 'большая семья'; в волог. — 'взрослые члены семьи' (СРНГ). И ареал распространения слова **ватага** в указанных локально ограниченных значениях, кажется, не вызывает сомнений в возможности тюркского заимствования анализируемой лексемы.

Слово товар лишь с XIII в. начинает употребляться в русском языке в современном его значении[6]. Первоначально же оно имело значение — 'скот, домашнее животное', в котором заимствовалось из тюрк. (ФЭС) и до сих пор известно в ряде говоров, ср.: в ворон., кур., орл. говорах **това́р** — 'гурт рогатого скота' (Оп.), в брян.— 'крупный рогатый скот'; в арханг.— у скотопромышленников значит коровье вымя, как самый важный предмет оценки коров (КСРНГ).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Горяев — Горяев Н. В. Сравнительно-этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.

Гранд. — Грандилевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова (Областной крестьянский говор). — В сб.: ОРЯС, 1907, т. 83, № 5.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1955.

Доп. к Оп. — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». Спб., 1858.

[6] Елкина Н. М. К этимологии слова «товар». — В сб.: Этимологические исследования по русскому языку, М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960, вып. I, с. 116—129.

ДС — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М.: Наука, 1969.

Елизар. — Елизаровский И. А. Лексика Беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958.

КПОС — Картотека Псковского областного словаря (Ленинградский университет).

КрЭО — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров» (Институт языкознания АН СССР, Ленинград).

Кулик. — Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия. Спб., 1898.

Оп. — Опыт областного великорусского словаря. Спб., 1852.

Подвыс. — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Спб., 1885.

ПрЭС — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914, тт. 1—2.

Сол. Сл. — Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.

Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Спб., 1895, тт. 1—3.

СРНГ — Словарь русских народных говоров/Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова.— М.—Л.: Наука, 1965 — 1981, вып. 1—17.

ТСД — Словарь русских старожильческих говоров средней части басеейна р. Оби (Дополнение), Томск, 1975, ч. 1—2.

ФЭС — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973, тт. 1—4.

ШЭС — Этимологический словарь русского языка /Под рук. и ред. Н. М. Шанского. М., 1963—1980, вып. 1—7.

Л. Г. ПАНИН

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ СУДОХОДСТВА
(по материалам деловой письменности Западной Сибири XVII — первой половины XVIII вв.)

Предметом изучения в данной статье является лексика судоходства (наименование судов) в том виде, в каком она представлена в западносибирской деловой письменности XVII — первой половины XVIII вв. Как и в большинстве случаев, деловая письменность не дает развернутых описаний реалий, позволяющих четко (только на материале этих описаний) определить значение соответствующего слова. Пожалуй, одним из немногих исключений в нашей выборке является описание речного плоскодонного судна дощаника: «Дощаникъ длиною от конца до конца тринадцати сажен, в ширину по бете полтрети сажени, а вышина в дощанике от матицы три аршина, а исподние кокоры слать кокора от кокоры в шесть вершков, а верхние кокоры слать кокора от кокоры в полтора аршина, а порубни к дощанику бит(ь) в красную груску в аршин по красному гвоздью, а конопат(ь) и смола и гвоздье мое, подрятчиково, да на тот дощаник зделат(ь) восем(ь) гребей, девятое кормовое, десятое поносное, восем(ь) шестов, лотку набойную, а на дощанике кровля крыт(ь) двойным тесом и выдорожит(ь) от заднего корга до переднего кружила, а в задней шакще зделат(ь) двери и лесницы и на дощанике очагъ, а в ол(ь)яле в дощанике два забора, а доспет(ь) тот дощаникъ самым добрым мастерством безохул(ь)но, чтоб сверху капи, а сысподи течи не было». (Тюмен. 1721—1728 гг., ГАТОТ, ф. 47, № 3697, л. 8).

Само наименование *дощаник/доценик*, называющее речное плоскодонное (весельное и парусное) судно[1], широко употребительно в деловой письменности и других регионов Западной Сибири: «Да у них же с судна с дощаника мерою в девя-

---

[1] См.: Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. М., 1973, с. 220.

ти сажен посаженные взято» (Сургут, 1650 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 85, л. 19 об.); «80 дощаников новых и старых, 5 каюков, 6 павосков, 15 лоток набойных, 53 лотки малых, облас остяцкой, 5 маток кочевых» (Тобол. 1666 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 407); «Для починки одного дощаника и и при немъ павоска и для делания новой завозни» (Чausск. 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 2, л. 4 и мн. др.). Наши тексты знают и вариант *дощеник:* «Контайшины посланцы Экре, Тасурхай да Денгуй поехали оть Ямыша озера на Тару горою на лошадяхъ, не дождався приходу корованныхъ дощениковъ» (Тобол. 1713 г., Пам. сиб. ист., кн. 1, № 122, с. 526); «...которой приехал на дощениках из Иркуцка» (Чаусск. 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 16, л. 174 об.) и др. Кроме того, для сибирской местности данное наименование засвидетельствовано томскими (Палагина, с. 47) и мангазейскими (Цомакион, с. 124) деловыми памятниками. Словарь В. И. Даля (т. 1, с. 477) дает данное слово без областных помет, но в «Опыте...» (с. 50) оно указывается как тобольское и архангельское (с отличными значениями), а в Дополнении (с. 43) — как волжское. Добавим к этому, что наименование судна (лодки) *дощаник* отмечено также в костромских и архангельских говорах (СРНГ, в. 8, с. 168). В современных записях диалектной западносибирской речи данное наименование для речного судна чаще всего встречается при характеристике прошлого Сибири, а в ряде современных говоров это слово сохранилось в качестве наименования дощаной лодки (см., например, Новосиб. сл., с. 134).

В Сибирь слово *дощаник* пришло, видимо, с первыми землепроходцами севернорусами. Данное слово (соотв. сама реалия) широко бытовало на Русском Севере в XVI—XVII вв.: холмог., устюж. (АХУ, кн. 2, с. 369, 1262), двин. (Двин. лет. под 1652 г., ПСРЛ, т. 33, с. 154). архан[2].

Павозок: «6 павосков, 5 каюков, 15 лоток набойных, 26 лоток малых» (Тобол. 1666 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 407); «Для починки одного дощаника и при немъ павоска и для делания новой завозни» (Чаусск. 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 2, л. 4) и др. Древнерусские памятники слово *павозокъ* (и *паузъкъ*) регистрируют начиная с XIV в. (Срезневский, т. II, с. 855, 889—890) — 'род судна с мелкой осадкой', см. также в записи Рич. Джемса: povez (пауз) 'перегрузочное судно,

---

[2] Елизаровский И. А. Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958, с. 77.

литхер' (Словарь-дневник, с. 75). Данное слово в форме *паузок* Б. А. Ларин, рассматривая диалектные различия в лексике русского языка XIV—XVI вв., отмечает как северное[3].

Словарь В. И. Даля (т. III, с. 5—6) так объясняет это слово (варианты *павозка, паузка, паузок*): «большая разгрузочная лодка об одном прямом парусе, лодым. 300 и более пудов; они держатся, для помощи, по речным мелководьям, или (*на Печоре*) идут вниз с грузом, а вверх порожнем, при каюках, для пауженья на мелях». О широком распространении данного слова в северно-русских говорах свидетельствует целый ряд лексикографических работ[4].

В современных говорах Западной Сибири это слово продолжает жить: ср.-обск. павозок 'большая лодка' (Томск. сл., Доп., ч. II, с. 63).

В. И. Даль (т. II, с. 180), приводя в своем словаре слово *коч (коча),* отмечает обозначение этим словом в Сибири большого палубного парусно-весельного судна и специально оговаривает: «Сибирские кочи вышли из употребления». Действительно, Картотека СРГС не располагает современными западносибирскими свидетельствами о бытовании этого слова, однако красноярские (туруханские) говоры до сих пор знают данное слово в качестве обозначения палубного как мореходного парусного, так и речного плоскодонного парусно-весельного судна. Вот что пишет об этом судне К. С. Бадигин: коч— «древнейшее судно северных мореходов, по конструкции почти не отличалось от лодьи, но значительно меньше размеров... Сибирский коч XVII в. представлял собой большую лодку с одним парусом и веслами, судно не было приспособлено к плаванию при волнах и во льдах»[5], ср.: «Коч, да дощаник, да днищо кочевое в ход не годились, ...те дощаники и днищо кочевое, и коч были на сухом берегу ставлены для починки» (Тобол. 1666 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 424).

О распространении в Западной Сибири в XIX — начале XX вв. каюков свидетельствуют записи диалектных слов: *каюк* обдор. 'парусно-весельная лодка', тобол., томск. 'большая крытая лодка'. Именно как обозначение крытого речного

---

[3] Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. (X — середина XVII вв.). М., 1975, с. 234.

[4] См.: Соответствующие словарные материалы Н. М. Васнецова, А. Грандилевского, Г. И. Куликовского, А. Подвысоцкого, ср. также ССРЛЯ (т. 9, с. 9: павозок обл. 'лодка, обычно с парусом, для перевозки груза по мелководью').

[5] Бадидигин К. С. По студенным морям. М., 1956.

грузового судна данное слово известно севернорусским говорам (см. Даль, т. II, с. 101, также ССРЛЯ, т. 5, с. 893) в отличие от говоров юга России, где словом *каюк* в XIX в. называли долбленую лодку (см. Даль, там же). Приводимые ниже сургутские примеры XVII в. прямо свидетельствуют, что рассматриваемым словом называлось крытое судно: «С них взято с судна с каюка крытого мерою с пяти сажен посаженных пошлины» (Сургут. 1650 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 85, л. 12); «6 павосков, 5 каюков. 15 лоток набойных, 35 лоток малых» (тобол. 1666 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 407 и др.); ср. также прилаг. *каючный:* «тринатцат(ь) бечев каючных» (Верхотур. 1637 г., ЦГАДА, ф. 213, оп. 5, № 32, л. 32, л. 164 об.).

Старым названием русского деревянного судна является слово *струг*, которое большинство словарей квалифицирует как общеупотребительное в прошлом слово. Однако реалии, называемые данным общенародным словом, могли не совпадать. Так, устаревшее к XIX в. слово *струг* по Западной Двине называло «речное судно, гребное и парусное; двинский подымает 10 т. пд.» (Даль, т. IV, с. 340), в иркутской местности это была «легкая лодка с острыми концами, поднимающая не более трех человек» (Опыт, с. 111). В современных говорах Западной Сибири слово не зафиксировано.

Уже в XVII в., как свидетельствует сибирский материал, слово *струг* имело различные значения. Так, например, Н. А. Цомакион отмечает это слово в мангазейских текстах XVII — начала XVIII вв. в качестве общего названия речных судов, ср.: «Да под городом на берегу великого государя стругов: четыре дощаника, четырнатцат(ь) каюков, тринатцат(ь) лодок набойных — павосков...» (Мангаз. 1697 г., Цомакион, с. 492). В приводимых ниже западносибирских примерах XVII в. слово струг имеет иное значение, оно называет определенное речное судно и при перечислении названий речных судов чаще всего соседствует с такими наименованиями, как *лодка, лодка набойная*: «6 кочей, 112 дощаников новых и старых, 13 каюков, 8 павосков, 8 лоток набойных, 48 лоток малых, 4 струга. 5 маток» (Тобол. 1666 г., ЦГАДА ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 410 об.)

Слово *лодка* принадлежит к числу общенародных наименований, широко представлено оно и в западносибирской письменности изучаемого времени. Спецификой употребления этого слова является функционирование лексикализованного варианта *лотка*. Первоначально фонетический вариант *лотка*

приобретает характер лексико-фонетического варианта, о чем свидетельствуют формы косвенных падежей: «8 лоток набойных, 48 лоток малых» (Тобол. 1666 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 410 об. и под.). В текстах XVII — первой половины XVIII вв. это слово употребляется для обозначения небольшого речного судна, самостоятельно и в составе словосочетаний *набойная лотка, лотка набойница.* Именно подобные словосочетания свидетельствуют об обобщенном характере значения слова *лодка (лотка):* «Да у него ж с лотки набойницы крытые мерою с полутрети сажени посаженные пошлины взято по гривне с сажени восемь алтынъ две ден(ь)-ги» (Сургут. 1650 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 85, л. 16).

Как известное северным и восточным говорам русского языка (В. И. Даль, т. II, с. 378) приводит *набойница, набоина, набоинка,* 'насада, в оленецких говорах словом *набойница* называли лодку, сшитую из досок, в отличие от долбленой (Куликовской, с. 111). Вместе с тем словами с данным корнем (*набойна, набойня*) называли и долбленую лодку с набоями по бортам в одну — две доски (Даль, т. II, с. 378; Опыт с. 111).В наших текстах слово *набойница* представлено в сургутской письменности, словосочетание *набойная лодка (лотка)* — в тобольской письменности. Последним словосочетанием называется большая лодка, так как в примерах далее следует специально «лотки малые».

Из числа современных западносибирских говоров название лодки с набитыми по бокам досками *набойница* известно среднеобским говорам (Томск. сл., Доп., ч. II, с. 4).

Само слово *набой* в исследуемой письменности отмечено в качестве обозначения верхней доски (верхних досок), прибиваемой для увеличения высоты борта: «Два судна однодеревые без набои по пяти саженъ печатных судно» (Верхотур. 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 77).

Широко употребительно в изучаемых текстах название лодки, с которой забрасывают невод, — *неводник*: «Тот неводникъ и лотки ветхи» (Тобол. 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 238 об. и др.).

Словом *ботъ,* как свидетельствует «Словарь русского языка XI—XVI» (в 1, с. 302), называлось 'небольшое судно, бот'. Русским говорам Западной Сибири XX в. данное слово известно как наименование выдолбленной из дерева лодки (тобол., томск.), т. е. с иным значением, чем литер. *бот.* Надо полагать, что и тобол. XVIII в. *бот* называло долбленную лодку. Слово это представлено у нас единственным примером:

«Говорил ей, что-де поедемъ в боту по речке Солянке гулять в вершину» (Тобол. 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 191 об.), ранее в этом же тексте (на л. 191) об этой реалии сказано: «лодка». Косвенным доказательством того, что слово *бот* в XVII в. могло называть долбленую лодку, служит его малоупотребительность по сравнению с другим обозначением долбленой лодки — *облас*.

Шире, чем только что рассмотренное *бот*, для обозначения долбленой лодки в западносибирских источниках XVII — первой половины XVIII вв. встречается слово *облас*: «80 дощаников новых и старых, 5 каюков, 15 лоток набойных, 53 лотки малых, облас остяцкой» (Тобол. 1666 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 407); «Прибылъ я, Енобеков, в Уртамской острогъ по Обе реке в обласе, ...у которого обласа приметы: у кормы с правой стороны сверху отколота» (Чаусск. 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 17, л 331 и др.). В современных говорах Западной Сибири (тобол., томск., новосиб.) слово *облас* (и *обласок*) имеет то же значение. В словаре В. И. Даля (т. II, с. 539) мы читаем: «*облас,* м. р., *обласа* ж. р. арх., речное грузовое судно, по Сев. Двине, дл. 4—12 саж., берет грузу до 2000 п. //*облас, обласок* том., челн, бот, ботник, долбушка, однодеревка, дубок». В. И. Даль специально выделил слово *обласок,* видимо, как наиболее характерное для томских говоров именно в этой (уменьшительной) форме, о большей употребительности которой свидетельствует и современный словарь (Томск. сл., т. 2, с. 198: ареал распространения слова *обласок* в этих говорах шире, чем слова *облас*).

Обобщенным наименованием было слово *судно,* ср.: «У него ж, у Семена, с судна с лотки набойницы крытой мерою с трех сажен посаженные пошлины взято» (Сургут. 1650 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 85, л. 73), но в одном из примеров словосочетанием *судно однодеревое* названа долбленая лодка: «Два судна однодеревые без набои по пяти саженъ печатных судно» (Верхотур. 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 77).

Слово *завозня* первоначально называло лодку на крупных судах для завоза якоря, затем данным словом стало называться речное судно, выполняющее самостоятельные функции, ср.: в целом ряде говоров этим словом называют большую обычно плоскодонную лодку для переправы людей, повозок, лошадей и т. п. через реку (вят., яросл., костр., прикам., урал., иркут. — СРНГ, в. 9, с. 331; см. также СлРЯ XI—XVII, в. 5, с. 150). В нашей выборке слово отмечено для чаусского региона перв. пол. XVIII в.: «На два дощеника, и на два павоска,

и две завозни, и на перекрышку береста» (Чаусск. 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 2, л. 27).

В целом, приведенный в статье материал свидетельствует о тесных связях западносибирской лексики судоходства XVII—первой половины XVIII вв. с аналогичной северно-русской лексикой. Эти связи выражаются, во-первых, в том, что часть рассмотренной лексики была в изучаемый период территориально ограниченной и именно северно-русской, откуда и попала в Сибирь: во-вторых, в том, что некоторые термины, не будучи территориально ограниченными для того времени, обнаруживают отдельные черты в своем употреблении, характерные для северно-русской терминологии судоходства.

СОКРАЩЕНИЯ

АХУ — Акты Холмогорской и Устюжанской епархий, СПб., 1894, кн. 2.

Васнецов — Матерналы для объяснительного областного словаря вятского говора. Н. М. Васнецова. Вятка, 1907.

Грандилевский — Грандилевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова.— В кн.: Сб. ОРЯС, СПб., 1907, т. 83, № 5.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т.I—IV.

Дополнение — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря, СПб., 1858.

Картотека СРГС — Картотека Словаря русских говоров Сибири. (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР).

Куликовский — Куликовский Г. Словарь областного оленецкого наречия. СПб., 1898.

Новосиб. сл.— Словарь русских говоров Новосибирской области/Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979.

Опыт.— Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Палагина — Палагина В. В. Материалы для исторического словаря томского говора (первая половина XVII в.).— В кн.: Вопросы русского языка и его говоров, Томск, 1975, вып. 3.

Пам. сиб. ист.— Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882—1885, кн. 1—2.

Подвысоцкий — Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Л., 1977, т. 33.

Словарь-дневник — Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1981, вып. 1—8.

Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893—1903, т. I—III.

СРНГ — Словарь русских народных говоров./Под ред. Ф. П. Филина. М.—Л., 1965; Л., 1981, вып. 1—17.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. М.—Л., 1948—1965, т. 1—17.

Томск. сл.— Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби/Под ред. В. В. Палагиной, Томск, 1964—1967, т. 1—3.

Томск. сл., Доп.— Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение)/Под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной, Томск, 1975, ч. I—II.

Л. А. ИНЮТИНА

О ЛОКАЛЬНОСТИ/НЕЛОКАЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ XVII в.

(к реконструкции исходного состояния среднеобских говоров)

Занимаясь историей сельскохозяйственной терминологии среднеобских говорах, то есть говорах вторичного образования, начавших формироваться с XVII в., необходимо выяснить, какая лексика (во всем многообразии ее семантики) была в «материнских» говорах: московском, северно-, а также южнорусских говорах.

Задачей настоящей статьи и является установление локальности/нелокальности одной из групп сельскохозяйственной терминологии по памятникам письменности XVII в.

Одним из основных и важнейших источников изучения речи XVII в. являются деловые документы той эпохи. Они писались по самым различным поводам и в тематическом отношении необычайно разнообразны, а с «тематическим разнообразием связано и разнообразие их лексического наполнения»[1]. Довольно широко в памятниках делового характера представлена сельскохозяйственная лексика, так как сельское хозяйство было основой экономики России того периода. В работах И. А. Елизаровского, Ю. И. Чайкиной, Е. Н. Поляковой и др. эта лексика изучается на материале северно-русской письменности[2], С. И. Котков, Е. Н. Борисова, Н. К. Соколова, И. В. Шандурский исследуют сельскохозяйственную лексику в южно-русской письменности[3], Л. Ю. Астахина, Н. С. Котко-

---

[1] Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского националнього языка. М.: Наука, 1974, с. 37.

[2] Елизаровский И А. Лексика Беломорских актов XV—XVII веков. Архангельск, 1958; Полякова Е. Н., Новиков В. Ф. Диалектная лексика в чердынских и соликамских памятниках XVII века. /Учен. зап. Пермск. гос. ун-та, Пермь, 1972, № 268, вып. 3. Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья. — В кн.: Очерки по лексике северно-русских говоров. Вологда, 1975, и др.

[3] Котков С. И. Очерки по лексике южно-великорусской письменности XVI—XVIII веков. М.: Наука, 1970; Соколова Н. К. К истории

ва, С. И. Котков, Н. Ф. Савченко и др. — в московской письменности[4].

Лексика сельского хозяйства довольно полно была отражена в грамотках, челобитных, сказках, распросных речах, так как часто эти документы XVII в. писались сельскими старостами, выборными крестьянами. Поэтому для анализа нами взяты именно эти деловые памятники[5]. Среди обширной группы сельскохозяйственной лексики можно выделить несколько более мелких лексико-сематических групп: 1) названия продуктов сельского хозяйства (сельскохозяйственные растения и названия отходов сельскохозяйственного производства); 2) названия земельных угодий и владений; 3) названия мер зерна, укладок снопов, сена и т. д.; 4) названия трудовых процессов и орудий сельского хозяйства; 5) названия домашних животных, скота и др.[6].

воронежской диалектной лексики. — В кн.: Славянский сборник, Воронеж, 1958, вып. филологический, № 2. Шадурский И. В. Сельскохозяйственная лексика в старобелорусском письменном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 1967 и др.

[4] Котков С. И., Савченко Н. Ф. Монастырские фонды рукописей во Владимирском областном архиве. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М.: Наука, 1969, с. 211—222; Астахина Л. Ю. Некоторые данные о московском говоре в сельскохозяйственных книгах XVII века.— В кн.: Русский язык. М., 1975; Коткова Н. С. Очерки по истории лексики русского полеводства. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1971.

[5] Лексический материал, анализируемый в данной работе, отбирался методом сплошной выборки из текстов, опубликованных в следующих изданиях: Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народного разговорного языка XVII—XVIII веков. М.: Наука, 1964 (в дальнейшем сокращенно ИРНРЯ); Московская деловая и бытовая письменность XVII века (ред. Котков С. И.). М.: Наука, 1968 (МДБП); Котков С. И. Московская разговорная речь в начальный период становления национального языка. М.: Наука, 1974 (К). Памятники русского народно-разговорного языка XVII века (Из фондов Безобразова А. И.). М.: Наука, 1965 (ПРРЯ); Хрестоматия по истории вологодских говоров (сост. Судаков Г. В.). Вологда, 1975 (ХИВГ).

Тексты, помещенные в монографии С. И. Коткова, написаны москвичами, что С. И. Котков убедительно доказывает. Бесспорна также северно-русская отнесенность текстов ХИВГ, где отражена речь вологодцев. Не указана география корреспондентов, а следовательно, затрудено отнесение отраженной в документах речи к определенной группе говоров в УРНРЯ и ПРРЯ. Составители двух последних сборников отмечают, что круг корреспондентов, особенно из вотчин, представлял обширную зону России и что эти материалы дают наглядное представление о диалектных группах XVII века.

[6] Примерно так же см. у Коткова С. И., Астахиной Л. Ю., Чайкиной Ю. И., Секретовой Е. М. (Секретова Е. М. Из истории сельско-

Интересующий нас вопрос о локальности/нелокальности рассмотрим на материале первой группы.

Самой распространенной и часто встречающейся лексической единицей в этой лексике-семантической группе является многозначное слово **хлеб**. В памятниках оно зафиксировано в двух основных значениях. I. **Хлеб** — вид питания, продовольствия[7].

— «И сьѢстные харчи дороги учали быть от хлѢба... а инѢ мастерскому члвку одного хлѢба и харчю саму другу надобно на 26 алтын» (МДБП, 138)[8]. В текстах встретилось четыре названия видов хлеба как продукта питания: **ситные хлебы**, **решетные хлебы**, **белые хлебы**, **лютцкие хлебы**. II. **Хлеб** — злачные, колосовые растения с мучнистыми зернами, которыми питается человек. В речи XVII в. последовательно разграничивались такие понятия, как 1) хлеб на корню, хлеб растущий;

— И я на том огороде садил всякои овощь и хлеб сеел» (МДБП, 58); «А хлеб млстью бжию родитца попрежнему» (МДБП, 133); «И хлеб у нас сирот не пожат... после Упенева дни хлѢб градом збила» (ПРРЯ, 102);

2) сжатый хлеб, в снопах, кладях и т. п.;

— «Да вели молотит неоплошно кресяном штоб хлеб всякои» (МДБП, 40); «А у вотчинников и у помещиков и у пахотных людеи многие скирды и адоне стоят немолоченог хлѢба» (МДБП, 133); «что на гумне не молочено хлеба» (ПРРЯ, 118);

3) чистый хлеб в зернах, обмолоченный хлеб.

— «А зъ запасом ему быт к Москве к Рожеству Хрстову и хлеб ему при собѢ готовит на продажу» (МДБП, 40); «а на вино раздат хлеба на ведро по 3 четверика» (МДБП, 42); «Тут преж сего была площат стоявали з дровами на с сѢном да с хлебомъ» (ПРРЯ, 47).

хозяйственной лексики говоров Ростовского района Ярославской области.— В сб.: Вопросы русского языка, вып. 1, Ярославль, 1970, и др.

[7] Толкование значений слов дается по словарям: Словарь русского языка XI—XVII веков. М.: Наука, вып. 1—2, 1975, вып. 3, 1976; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955 (6-е изд.); Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., ГИС, 1958.

[8] Тексты даются так же, как в используемых источниках. В скобках указано сокращенное название источника и страница публикации. Но буква «ять» заменяется знаком Ѣ, буквы греческого алфавита — русскими, буквы «И десятиричное», «УК», «юс малый», «фита» заменяются соответственно буквами И, У, Я, Ф.

Анализ текстов ,в которых употребляется слово **хлеб** во втором значении, дает основание утверждать, что **хлеб** — родовое понятие по отношению к таким названиям сельскохозяйственных культур, как **рожь**, **овес**, **ячмень**, **гречиха** и др.

— «И застали скирд ржи и замолотили... да овса полскирда замолотили... и тот хлЪб всяком до нас перемолочен (ПРРЯ, 139), «Да пришло гсдрь хлЪба с Орла стругом овса... гречихи... ечменю... конопел... ржи... привезено оттуда же стругом» (ИРНРЯ, 21).

Об этом же свидетельствуют данные московского говора («на Маурин умолочено хлеба ржи СКВ чети... овса РЗЕ чет... ячмени... пшеницы»[9]...) и примеры, приводимые в исследованиях по северно-русским говорам XVII в. («от цЪла всякого хлЪба пот ретям ржи и жита овса»[10]).

В южно-русских говорах слова **пшеница** употреблялось с обобщенным значением, а слово **хлеб** — в составе словосочетаний[11]. То есть наблюдалось другое соотношение значений этого полисемичного слова.

Многозначным в московской речи XVII в. было слово рожь. Оно употреблялось в двух значениях. **Рожь** — 1. Хлеб в зернах, зерна; 2. Мука.

«— ВелЪл принести из вотчинъ из резанской да из ряской мукою и рожю 35 четвериков» (МДБП, 40); «Да велЪт на бЪлые хлебы отолоч на ядро 5 чети ржи» (МДБП, 42).

И во втором значении **рожь** — вид хлебного злака. В этом же значении в московском говоре было известно сочетание **ржаной (оржаной)** хлеб.

— «И посЪяную рожь молоченои оржанои и яровои всякой хлЪб отказал я женЪ» (МДБП, 193); «ВелЪть привести в Кадомскую вотчину с оржаным и со всякимъ яровым хлЪбом» (МБДП 194); «А рож и еровои хлЪб и сЪнные покосы... вывесть намъ» (МДБП, 167); «А что у нег было сеяна ржи и яри на том купленом жеребою (МДБП, 46).

Северно-русским говорам было известно в значении «вид хлебного злака» одно слово — **рожь** («СЪмена всякие яровые и ржаные сЪять», «и тот весь хлЪб яровои и рож делить по

---

[9] Астахина Л. Ю. Сельскохозяйственные книги..., с. 228.

[10] Дерягин Н. Я. К вопросу об индивидуальном и традиционном в деловой письменности. — В сб.: Русский язык и источники его изучения. М., 1972, с. 180.

[11] См.: Котков С. И. Очерки по лексике..., с. 19.

третям»; «от цѣла всякого хлѣба по третям ржи и жита и овса»[12]).

Слово **рожь** было употребительно в речи XVII в. на территории всего Русского государства. В говорах центральной части Руси оно было многозначным, в северно-русских говорах означало «только озимую культуру», в южно-русских говорах слово **рожь**, по-видимому, употреблялось в более широком значении «и озимая, и яровая культура»[13].

Из приведенных примеров видно, что в московском говоре и в северно-русском наречии **ржаной хлеб** и **рожь** обозначали только «озимый хлеб, озимая культура» в противоположность лексическим единицам **яровой хлеб** и **ярь**, означавшим «однолетний высеваемый весной и снимаемый осенью хлеб». Как показал анализ памятников, слово **ярь** и словосочетание **яровой хлеб** служили родовыми названиями относительно видовых **овес**, **ячмень**, **просо**, **гречиха** и др. В северно-русских говорах, очевидно, существовало и другое название яровых — **жито**[14]: В южно-русском наречии XVII в. **житишко**, скорее всего, «сжатый хлеб, хлеб в снопах, зернах»[15].

Анализ текстов, а также соответствующая лингвистическая литература по данной проблеме[16] позволяют предположить, что в московском и северно-русских говорах существовали лексические единицы: **рожь** — «только озимая культура» и **ярь, яровой хлеб** — «культуры, высеваемые весной». В южно-русских говорах слово **рожь** — «и озимая и яровая культура». Кроме того, северно-русским говорам было известно слово **жито**, обозначавшее яровые культуры, а московскому и южно-русским говорам XVII в. — слово **ярица** — «яровая рожь». — «А на прикащике и на Косте велено доправит по чатыре чети ярицы» (ПРРЯ, 119); «Хлебы ярицы шесть копен да и пермолотил» (ПРРЯ, 120); «И всег высѣяно... овса... ярицы... пшеницы... гороху... семени коноплянова»[17].

---

[12] Дерягин Н. Я. К вопросу об индивидуальном..., с. 186.

[13] См.: Котков С. И. Очерки по лексике..., с. 19.

[14] См.: Дерягин Н. Я. К вопросу об индивидуальном..., с. 178.

[15] См.: Котков С. И. Очерки по лексике..., с. 19.

[16] См.: Астахина Л. Ю. Сельскохозяйственные книги..., с. 218; Котков С. И. Очерки по лексике..., с. 21; Борисова Е. Н. Лексика Смоленского края по письменным памятникам. Учебное пособие. Смоленск, 1974, с. 7; Палагина В. В. Конкурирующие лексические единицы в формирующемся русском говоре первой половины XVII века. — В сб.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1972, вып. 1.

[17] Астахина Л. Ю. Сельскохозяйственные книги..., с. 218.

Кроме уже рассмотренных названий сельскохозяйственных культур в исследуемых деловых памятниках XVII в. встретились — **пшеница**, **ячмень**, **гречиха**, **просо**, **овес**. Слово **пшеница** в московском говоре употреблялось в значении «определенный вид ярового хлебного колосового растения».

— «А в ряскои вотчинѢ пшеница и семя конопляное не родилос» (МДБП, 40); «Что послал к тебе пшеницу и дпги и ты тое пшеницу и дпги держал у себя» (ПРРЯ, 116)» «Всякъ отказывает что пшеница не родилось» (ПРРЯ, 125); «А овес с полеи свожен и в клади покладенъ... ячмени сеяно Г четп... а пшеница не молота и семяна не взяты»[18].

Предполагаем, что слово это было известно и употреблялось на территории всего Русского государства в XVII в. На юге, как уже говорилось, оно служило родовым обозначением других видов сельскохозяйственных яровых растений, а в каком значении слово употреблялось в северно-русском наречии, трудно сказать, так как контексты, которыми мы располагаем, недостаточно полны.

Слово **ячмень** со значениме «хлебное колосовое растение, самый северный колосовой хлеб» употреблялось и в московском, и в северно-русском, и в южно-русском говорах XVII в.

— «Ечменю ужато... а по замолоту из копны по 5 четвериков» (ПРРЯ, 139); «Изволил ты у меня взят в ТулѢ городе овса 30 четвертеи да ечмени три четверти» (ПРРЯ, 53).

Греча (**гречиха**) — однолетнее, яровое хлебное растение.

— «А гречи, што умолочено, всю делат в крупы чисто гораздо» (МДБП, 42); «Гречихи укошено 27 копен а вымолочено ...чет с осминою» (ПРРЯ, 139). Это слово тоже было общерусским в XVII в..

Овес — определенный вид однолетнего хлебного растения.

— «Изволил ты у меня взят в ТулѢ городе овса... ячмени... и тово хлеба изволил ты мне пожаловат» (ПРЯЯ, 53); «Да того ж, гсдрь авса десять копен абмолотили зеленого» (ИРНРЯ, 227). Слово это было однозначным, известным на территории всей Московской Руси XVII в.

Значение сочетания **конскои корм** из имеющихся у нас контекстов определить трудно.

— «Згорел у меня двор и запасенко всякое и служилая рухлед и конскои кормъ» (МДБП, 129); «Что жаловали в нашем пути в доме своемъ в дороге всякое довольство в на-

---

[18] Панкратова Н. П. Письмо Д. Ларионовой. — В сб.: Изучение русского языка и источниковедение. М.: Наука, 1969, с. 255.

ших и в конских кормЪхъ учинили» (ПРРЯ, 90). Неясно, только ли **овес** обозначало это словосочетание или «сено и овес — корм для лошадей», как предполагает В. И. Даль[19]. Поскольку сочетание **конскои корм** обнаружено в московских деловых памятниках, то можно предположить, что оно было распространено лишь на этом ареале.

Просо — хлебное растение, дающее зерно, называемое пшеном.

— «И проса ужато КГ копен а вымолочено...» (ПРРЯ, 139); «Проса переборнои посЪено десетина бес получетвертьки» (ПРРЯ, 21). Данное слово не отмечено в рассматриваемых северно-русских памятниках.

В исследуемых текстах XVII в. встретились также слова и словосочетания — названия круп, получаемых из овса, ячменя, проса, гречихи: **пшонка, крупы гречишные, овсяные, яшные крупы, толокно** (толченая мука, приготавливаемая чаще из овса).

— «И пожалуи прикажи смолот пшонки да ржи» (ПРРЯ, 80); «Да два лукошка болших с ...кровлеми купит на крупы гречишные» (МДБП, 41); «Велено изготовит запасу... крупъ овсяных... яшных крупъ...» (ПРЯЯ, 38); «А запасу пожалывал четверть сухареи полосмины толокна» (ПРРЯ, 56).

Эти лексические единицы, как видим, однозначны, но, по нашим данным, каждое слово или словосочетание было локально ограничено в речи XVII в. В исследуемых памятниках делового характера отмечены еще такие названия сельскохозяйственных культур: **лен, конопля, семя конопляное, посконь.**

Лен — травянистое растение, из стеблей которого получают волокно, а из семян — масло.

— «У крстьянъ... ераполского лну что по гсдрву указу купянъ» (МДБП, 151); «Велелъ прислать лен и поскон что осталос за роздачею оброков и у нас гсдрь лен не родился» (ПРРЯ, 73). Название этого растения было известно всем говорам Московской Руси XVII в.

Конопля — высокое травянистое растение, из стеблей которого изготовляют пеньку, а из семян добывают масло.

— «Конопел обмолочено пять четвертеи» (ПРРЯ, 39); «Да пришло гсдрь, хлЪба с Орла... авса... гречихи... ечменю... конопел ... (ИРНРЯ, 21). Следует отметить, что северно-русское **конопля** с его производными **конопляный** противопостав-

[19] Даль В. И. Толковый словарь..., т. II, с. 165.

лялось южно-русскому **конопля** (конопли—мн. ч.) и **конопи** и его производному **конопный**[20]. В памятниках московской деловой письменности встретилось еще одно название данного растения — **семя конопляное**.

— «А в ряскои вотчинѢ пшеница и семя конопляное не родилос» (МДБП, 40); «Велет готовит не мешкав... и **хмел по-прежнему... да семени конопляного што умолочено все при-вести»** (МДБП, 42). Встречается это сочетание **слов и в** южно-русских текстах («две четверти канопнова семени», «осмина сѢмя коноплянова»[21]). Можно предположить, что этот термин был локально ограничен и известен носителям московского говора и, возможно, южнорусам.

В памятниках встретилось и другое название конопли — **посконь**, обозначавшее мужскую особь конопли, с тонким стеблем, из которого вырабатывалось волокно.

— «И нас гсдрь лен не родился нет ни горсти а посконн только 10 десятков» (ПРРЯ, 73); «Чини гсдрь указ что у нас лну и поскони к Москве ли изволиш прислать или зде изволиш роздат на оброки» (ПРРЯ, 119). Слово **посконь** также было употребительно на юге и в центре Руси XVII в.

По данным деловых документов, в речи XVII в. употреблялись такие названия корма для скота и отходов сельскохозяйственного производства, как **сено, солома, ухвостье**. Слово **сено** в одном и том же значении было известно на территории всей Московской Руси XVII в.

— «Сметал я холоп твои у сосѢда своег ... 10 острамков сѢна для своей тесноты» (МДБП, 63); «И еровои хлеб снять и сено покосить» (ПРРЯ, 133).

Слово **солома** было общерусским и употреблялось в значении «стебли, остатки после обмолоченного хлеба».

— «Надобно на оба зелейныя мелницы для полна воды соломы аржаной по... возов на мелницу, а тое солому важивали» (МДБП, 144); «Да млети у тебя гсдря просил ты пожаловал мне соломки оржанои» (ИРНРЯ, 193).

В наших текстах слово встретилось только в таком сочетании — **оржаная солома**. Но в московском говоре оно употреблялось и без уточняющего определения[22], а в северно-русском наречии прослеживалось последовательное различение

---

[20] См.: Котков С. И. Очерки по лексике..., с. 23.

[21] Котков С. И. Очерки по лексике..., с. 24.

[22] Астахина Л. Ю. Некоторые данные о московском говоре..., с. 38.

«ржаной» соломы (годной только на крышу) и «яровой» (кормовой)[23].

Слово **ухвостье** (отходы при веянии зерна, состоящие из неполновесных зерен, мелких колосков, семян сорняков и пр.) отмечено только в памятниках, отражающих московскую и северно-русскую речь.

— «Велишь кормить мелкую скотину ухвостьемъ и у меня холопа твоего ухвостья нет по ка места и ухвостья было пожалуи» (ПРРЯ, 73): «И старец Варсонофеи ни ржи ни пшеницы ни ячмени не дал да овса нам стал давати что охвостья... а и овес плох» (ХИВГ, 19).

В памятниках деловой письменности XVII в. встретились и названия многих огородных культур. Это слова: **капуста, лук, огурцы, горох, яблоки, чеснок, хмель.** Все они были однозначными, общерусскими и в том же значении употребляются в современном русском литературном языке. Общим для всех названий огородной зелени было слово **овощь**, употреблявшееся в форме ед. ч., муж. р.

лук, огурцы, горох, яблоки, чеснок, хмель. Все они были одно-

— «Взял я у боярина Хилкова огорот похат исполу и всякои вощь садит... и я на том огороде садил всякои овощь... да что собрал я на боярскую долю, за вощь...» (МДБП, 58). Предполагаем, что это слово было общерусским в речи XVII в.

Итак, анализ лексико-семантической группы «названия сельскохозяйственных культур» показал, что из всех лексических единиц, рассмотренных в работе, только 38% слов были терминологично однозначными в языковых системах всех говоров Московской Руси XVII в., то есть были общерусскими: **ячмень, гречиха, овес, лен, сено, капуса, огурцы, лук, чеснок, горох, яблоки, конопля, солома, овощь.** Все это — конкретные названия продуктов сельского хозяйства. Общерусским было и полисемичное слово хлеб в первом значении «продукт питания».

Большую же часть приведенного лексического материала характеризовало отсутствие одного для всех русских говоров значения у слова или словосочетания. Однозначными, но известными лишь одному говору или группе говоров XVII в. были следующие лексические единицы: **ситные хлебы, белые, решетные, лютцкие хлебы, ржаной (оржаной) хлеб, яровой хлеб, ярица, конской корм, просо, пшонка, крупы гречишные,**

---

[23] Дерягин Н. Я. К вопросу об индивидуальном..., с. 10.

яшные крупы, овсяные крупы, толокно, семя конопляное, посконь, ухвостье.

Небольшую долю названий сельскохозяйственных культур составили слова, имевшие общерусское распространение (**ярь, пшеница, жито**). Но эти лексические единицы (как и названные выше слова **яровой хлеб, просо, посконь, семя конопляное** и пр.) нельзя назвать терминологично однозначными в речи XVII в., так как в разных говорах (в разных языковых системах) они употреблялись в разных значениях. То есть были однозначными только на ограниченном ареале. С другой стороны, именно поэтому слова **ярь, жито** нельзя назвать и полисемичными или имеющими лексико-семантические варианты в отличие от слов **хлеб** во втором нзачении и **рожь,** многозначность которых обнаруживается в пределах лексической системы одного говора.

Таким образом, анализ приведенного в работе материала позволяет сделать вывод о том, что существовала определенная тенденция в развитии системы сельскохозяйственной лексики XVII в. — стремление к терминологичной однозначности единиц этой системы во всех говорах Московской Руси, то есть в XVII в. еще только шло образование терминологии сельского хозяйства в русском языке. Этот процесс наряду с развитыми явлениями полисемии, дублетности слов характеризовал лексическую систему русского национального языка, находившегося в XVII в. на начальном этапе формирования.

Очевидно, что в исходном состоянии среднеобских говоров, формировавшихся в основном на базе северных и московского (с некоторым влиянием южно-русского), должны были существовать рассмотренные выше лексические единицы.

Г. А. РАКОВ

О ДИАЛЕКТНОМ ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Успехи теоретической и практической идеографии литературного языка, отраженные в работах Ю. Н. Караулова[1], с одной стороны, и высокий уровень развития диалектной лексикографии — с другой, ставят в качестве одной из основных очередных задач лексикографов-диалектологов составление диалектного идеографического словаря (ДИС).

Основы идеографического подхода к изучению лексики народных говоров заложены, как представляется, изначально уже в самой методике собирания материала для диалектных словарей дифференциального типа по вопросникам, отражающим тематическую и лексико-семантическую группировку лексики. На самом начальном этапе сбора материала в полевых условиях исследователи пользуются вопросниками, предполагающими выявление лексики самых различных речевых ситуаций. Ср., например, вопросник «Названия местности»: Как называют узкий овраг? Как называют непроходимое место, заваленное сучьями? и т. д.; вопросник «Названия растений»: Как называют невыполотую траву? Как называют весенние всходы? Как называют болезнь пшеницы? Какие есть цветы? Где они растут? и т. д.; вопросник «Рыболовецкая лексика»: Как называются лодки, используемые рыбаками? Как называют человека, который гребет веслами? Какими снастями ловят рыбу летом? весной? зимой? и т. д.[2] Затем, по мере накопления материала, вопросники обрастают наводящими словами, которые уже отмечены в одном из говоров, и даль-

[1] Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976; Частотный словарь семантических множителей русского языка. М., 1980; Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.

[2] См. вопросники, использованные при собирании материала для Среднеобского словаря и хранящиеся в архиве кафедры русского языка Томского университета.

нейшее обследование позволяет установить ареал каждого из них, установить диалектные лексические различия на уровне слова и фрагментов микросистем. Например, из охотничьей лексики, как называются части черкана? — (*тамар, синка, стрела, рагульки*); из бытовой лексики: Носили ли в Сибири *барловые* и *еманные шубы, борчатки, бекеши, бешметы, шубейки?* Какие виды рукавиц известны? (*варежки, верхонки, шубенки, кожанки, вязанки, исподки, лохмушки, мохнашки, рукавицы*); из названий диких животных, птиц, насекомых: Как называют медведя? (*ведмедь, черный зверь, зверь*); Как называют пауков? (*мизгирь, сетник*) и т. д.

В результате такого рода работы формируются лексические ядра, в принципе составляющие основу для идеографического описания лексики говора. Однако только основу, поскольку очевидно, что лексика говора состоит не только из диалектных слов, но и из общерусских и диалектно-просторечных, и эти две последние группы слов неизбежно терялись при подготовке диалектного словаря дифференциального типа. Поэтому в качестве необходимого очередного этапа подготовки и составления ДИС оказывается сбор материала для полного словаря говора и создание такого словаря.

Известны сомнения, неоднократно высказывавшиеся по поводу возможности диалектных полных словарей, однако работа над их созданием ведется в разных коллективах и дает определенные положительные результаты, и хотя «полнота» полного словаря относительна (как, по сути, не абсолютна и полнота словаря литературного языка), словари эти, безусловно, отражают наиболее употребительную лексику того или иного говора (лексику, которой пользуются—а не «в принципе могут пользоваться» — носители говора), и потому могут быть использованы при составлении ДИС. При этом лексика говора предоставляет известные преимущества по сравнению с литературным языком, где на начальном этапе Ю. Н. Караулову пришлось пользоваться искусственно созданным лексическим минимумом, тогда как материалы к полному словарю говора, пусть и не во всем объеме, дают действительно функционирующую систему. Лексическая система, отраженная в ДИС, будет открытой, допускающей проникновение новых элементов, не нарушающих до определенного момента структурных связей внутри той или иной группы[3], и это в наи-

---

[3] Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981, с. 173.

большей степени соответствует динамическому состоянию лексики говора на современном этапе его развития.

Предложенная Ю. Н. Карауловым методика в основных своих моментах может быть с успехом применена и при составлении ДИС. Однако новый материал ставит и новые проблемы, которые приходится решать при работе с диалектным материалом. Прежде всего, это характер исходного словника: слова и их дефиниции (левая и правая часть словаря). Если в любом из словарей литературного языка и в левой, и в правой части используется практически однородная лексика за небольшим исключением (например, в правой части нежелательно употребление разговорных и просторечных слов, не говоря уже о диалектных, имеющихся в левой части), т. е. в левой части представлено в алфавитном порядке все то, что используется в правой части в виде связных текстов дефиниций, то в полном диалектном словаре левая и правая часть необратимы, поскольку собственно диалектные слова, составляющие значительную часть лексики говора и потому представленные в левой части, как и слова диалектно-просторечные, в правой части отсутствуют, что существенно затрудняет использование дефиниций этого словаря в качестве основы для компонентного представления семантики лексических единиц из левой части. Полный диалектный словарь — это фактически комбинация в одном словаре словарных статей их одноязычного словаря (слова общерусского лексического фонда, отмеченные в диалекте, и их дефиниции) и двуязычного словаря (слова диалектные и диалектно-просторечные и их дефиниции). Это же обстоятельство ставит под сомнение и возможность применения другого приема, используемого Ю. Н. Карауловым, — пополнение состава семантических множителей того или иного слова за счет использования дефиниций этого слова в разных словарях. Поскольку лексика любого говора — пусть и относительно, но замкнутая и оригинальная система, где во многом неповторим состав собственно диалектных слов, где известная часть общерусских слов претерпевает определенные семантические изменения (сводящиеся чаще всего к сужению, специализации значения), то очевидно, что источником семантических множителей для любого слова может быть только набор контекстов, отражающих его функционирование, и составленная на базе этих контекстов рабочая дефиниция. Ориентация идеографического словаря на ономасиологический аспект — «позиция говорящего» (в данном случае — при составлении ДИС — эта позиция в

значительно большей степени отличается от позиции исследователя—слушающего—говорящего, чем при изучении литературного языка) — затрудняет и препарирование дефиниций без ущерба их полноте и адекватности дефиниции отраженной в слове реалии.

Еще одно достаточно существенное отличие ДИС от литературного также состоит в характере исходного словника. Ю. Н. Караулов пишет: «Наш исходный словник содержит минимум терминологической лексики»[1],— и для идеографического словаря литературного языка это оправдано, поскольку создается он после того, как уже выпущен целый ряд отраслевых тезаурусов, отражающих семантические отношения специальных терминов. ДИС же должен, как представляется, отражать всю зафиксированную в полном словаре говора лексику без всяких исключений, поскольку, в отличие от терминологии научной, составляющей известную часть лексики литературного языка, но функционально сравнительно мало нагруженной, диалектная терминология функционирует в речи носителей говора очень активно, что связано с многоаспектностью деятельности диалектоносителя, и диалектные термины часто являются единственными именованиями многих реалий, постоянно используемых диалектоносителями. А поскольку дефиниции, во-первых, терминов, во-вторых, собственно диалектных слов и, в-третьих, слов общерусских существенно различаются, постольку ставится под вопрос возможность машинной обработки имеющегося словника. Сравним, к примеру, дефиниции следующих слов, отнесенных к одному и тому же полю *слопец* 'ловушка на разных зверей и птиц, состоящая из двух babориков и насторожки между ними', *промушлять* 'заниматься каким-либо промыслом', *промышленный* 'пригодный для охоты, рыбной ловли', *охотник* 'человек, занимающийся или увлекающийся охотой' и т. д. или *уда* 'крючок рыболовной снасти самолова', *удить* 'ловить удочкой рыбу', *режовка* 'сеть, имеющая две или три мережи, из которых одна частая, одна или две — редкие' и т. д. — вследствие разной длины дефиниций, неизбежной при передаче семантики разных по сложности сем, приведенные слова оказались бы в разном количестве групп. Поэтому или необходима большая предварительная работа (значительно большая, чем при работе с литературным материалом) по едино-

---

[1] Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981, с. 247.

образному оформлению дефиниций, или установка на ручную обработку материала.

По второму пути мы и пошли при работе над составлением идеографических словарей ряда говоров, входящих в массив среднеобского диалекта. В качестве основы для ДИС взята синоптическая схема словаря Халлига и Вартбурга[5]. На первом этапе работы все слова из имеющихся в нашем распоряжении полных словарей говоров с. Вершинино Томского района Томской области и с. Нарым Парабельского района Томской области распределялись по группам, названия которых выделены в схеме Халлига и Вартбурга. Уже этот этап работы показал, что в лексике обоих говоров широко представлены слова большинства групп, причем особенно многочисленны словарные поля в разделах «Вселенная» и «Человек», за исключением рубрики «Небо и небесные тела». В поле «Земля» слабо представлены рубрики «Минералы» и «Металлы», немногочисленна группа с титулом «Вероисповедание и религия» в поле «Социальная организация и социальные институты» (*андел, бог, вера, веровать. Звиженье, Пасха* и некот. др.) и «Внешняя политика». В разделе «Человек и Вселенная» немногочисленны слова в поле «Наука и техника» в рубрике «Точные и гуманитарные науки». Непредставительный состав этих и ряда других групп объясняется, безусловно, экстралингвистическими факторами: в активном словарном запасе носителей говора представлена прежде всего та лексика, которая жизненно необходима в процессе ежедневного общения при совместном выполнении работ, связанных с образом жизни в сельской местности.

Следующим этапом работы является распределение слов, оказавшихся в одном и том же разделе, в одной и той же рубрике и поле, по субполям, представляющим собой предел идеографического членения лексики говора, и выделение для каждого такого субполя имени — слова, выражающего основную идею данной группы. В результате такой работы словарь получает еще один вход, а каждое слово исходного списка наряду с номером субполя, к которому относится, — и индекс соответствующей ячейки исходной схемы словаря.

Интересный сам по себе как определенный научный результат ДИС позволит поставить и приблизит решение ряда научных проблем, над которыми работают лексикологи-диалек-

[5] См. в кн.: Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976, с. 256—257.

тологи: место диалектного слова, общерусского слова и диалектного термина в лексической системе говора в зависимости от особенностей их семантики, парадигматических и синтагматических связей; особенности диалектной синонимии и антонимии; полисемия слов в говоре; сравнение лексических систем разных говоров, говоров и литературного языка и целого ряда других проблем общей, русской литературной и диалектной лексикологии.

Л. А. ЗАХАРОВА

ТОМСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ XVII в.

Успехи отечественного языкознания за последние десятилетия в области исторической лексикологии, вовлечение в научный оборот широкого круга памятников русской письменности местного происхождения выдвигают задачу создания исторического словаря русского литературного языка вообще и региональных исторических словарей, в частности. Возможности создания исторического словаря современного типа мы обязаны колоссальной работе наших ученых — предшественников и наших современников. Это работы И. И. Срезневского, В. И. Даля, А. Дювернуа, А. И. Соболевского, Б. А. Ларина, Р. И. Аванесова, С. Г. Бархударова, Г. А. Богатовой, В. В. Виноградова, Ф. П. Сорокалетова, Ф. П. Филина и целого ряда других советских лексикографов.

Задача настоящей статьи — описать принципы построения, структуру исторического словаря XVII в. дифференациального типа, построенного на основе деловых пмятников Томской старины. Название «Томский» условное, оно включает в себя все древнейшие остроги, построенные в средней части бассейна Оби в конце XVI — начале XVII вв.: Томский, Кетской и Нарымский остроги и следовательно, деловые документы, написанные в этих острогах преимущественно предками современных старожилов.

В какой-то степени Томский исторический словарь является сравнительно-историческим, идею о создании которого, правда, более широкого объема, еще в 1964 г. предложил А. И. Федоров[1]. Для определения места среднеобской лексики в составе говоров Западной Сибири XVII в. приведены для

[1] Федоров А. И. Сравнительно-исторический словарь говора. — Изв. СО АН СССР, серия общественных наук, 1964, вып. 1, № 1, с. 100—105.

сравнения примеры из рукописей Верхотурского, Тобольского, Тюменского, Кузнецкого, Чаусского острогов XVI—XVII вв. Наряду с основной задачей остановимся на двух моментах, без решения которых не представляется возможности создание исторического словаря в настоящее время.

Во-первых, требуется остановиться на самом понятии «исторический». Какой словарь мы можем назвать историческим? На первый взгляд,— считает Ю. С. Сорокин,— ответ на поставленный вопрос представляется простым и даже тривиальным. Всякий словарь, содержащий данные о языке прошлых эпох, является тем самым и историческим. В этом определении отчетливо проступает один, традиционный смысл слова «исторический» как отнесенный к прошлым эпохам, а не к настоящему времени. Однако в настоящее время, — продолжает Ю. С. Сорокин, — слово «история» употребляется и в значении науки о развитии человеческого общества... как изучение последовательных изменений и развития в тех или иных областях природы, культуры, знания и т. д.[2].

И с этой точки зрения словарь, заключающий в себе слова, извлеченные из памятников прошлого, может не быть историческим словарем. Так произошло со словарем И. И. Срезневского, так произошло и со словарем русского языка XI—XVII вв. Л. В. Щерба в «Опыте общей теории лексикографии» в 6-м противоположении «неисторический словарь — исторический словарь» писал: «Следует ли считать историческим словарем «Материалы к словарю древнерусского языка до XIV вв. Срезневского? Как будто нет и как будто так было и в мыслях автора капитального труда»[3].

В этих словах Л. В. Щербы в зародыше представлен существенный признак исторического словаря. Дело не в обращении к языковым фактам и письменным памятникам прошлого. Специфика исторического словаря состоит прежде всего в его подходе к явлениям языка[4]. По словам того же Л. В. Щербы, «историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только

---

[2] Сорокин Ю. С. Что такое исторический словарь? — В кн.: Проблемы исторической лексикографии. Л.: АН СССР, 1977.

[3] Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии. — В кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958, т. 1, с. 90.

[4] Там же.

возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение»[5].

Это требование к историческим словарям вполне осознается современными исследователями, например Ю. С. Сорокиным, при составлении Словаря XVIII в., А. И. Федоровым в статье «Сравнительно-исторический словарь говора». Четкое понимание общего признака всех исторических словарей звучит в работе Э. Г. Шимчук, одного из составителей «Словаря русского языка XI—XVII вв.»: «Общим признаком всех исторических словарей является **динамическая перспектива рассмотрения материала»**[6]. В какой-то степени это требование к историческим словарям было учтено уже Н. А. Цомакион при составлении «Словаря языка Мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII вв.» (Красноярск, 1971).

Однако исторического словаря в полном смысле этого слова пока нет. Бесспорно, что словарь такого типа необходим, но в рамках одного словаря невозможно решить все задачи, стоящие перед современной русской исторической лексикографией... они могут быть решены лишь путем создания разных типов словарей исторического жанра. Возможно, таким словарем станет Словарь XVIII в. под редакцией Ю. С. Сорокина. Томский исторический словарь XVII в. является, как и все современные исторические словари, историческим в традиционном смысле.

Во-вторых, важным моментом при составлении любого словаря, и тем более исторического, является специфика толкования значений слова. Существует мнение, по которому исторический словарь в отличие от словаря современного опирается исключительно на материалы памятников письменности и потому в определении значения слова необходимо, жестко связан с контекстом. В словаре этого типа исследователи должны исходить из данной актуализации понятия, знаком которого является слово, следовательно, часто из его частичных значений[7]. Т. е., по мнению исследователей, придерживающих-

---

[5] Шимчук Э. Г. Проблема тождества слова в историческом словаре. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М.: Изд-во МГУ, 1974, с. 5.

[6] Богатова Г. А. История слова и русской исторической лексикографии. — В сб.: Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. М., 1975, вып. 3, с. 29.

[7] Гумецкая Л. Л. К вопросу об определении значения слова в словаре староукраинского языка XIV—XV вв. — В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М.: Наука, 1974, с. 54—55.

ся этой точки зрения, словарь современного языка отражает **систему языковых** знаков... словарь же исторический воспроизводит только актуализацию этих знаков в данной речевой ситуации[8].

В данном случае мы разделяем точку зрения Э. Г. Шумчук, которой представляется неверным акцентирование мысли о том, что исторический словарь... рассматривает значение слова преимущественно (или даже только) в контексте (тексте), но не в системе. Между тем любая языковая единица может быть познана только в единстве ее синтагматических и парадигматических связей (в первую очередь,— в пределах гнезд родственных слов, словообразовательных рядов, тематических и антонимо-синонимических групп)[9]. Методика определения значения слова в историческом словаре требует не только тщательного анализа связи слов в контексте, но и учета разнообразных внутриязыковых межсловных связей.

Основные принципы построения Томского исторического словаря XVII в.

1. **Тип словаря**. По своему типу все имеющиеся исторические словари являются двуязычными толково-переводными. Наш словарь в этом отношении не является исключением. Это региональный исторический словарь дифференциального типа. Основное внимание составителей было обращено на разговорно-просторечные и диалектные слова.

2. **Критерии отбора слов**. В связи с отсутствием нормативных словарей XVII в. с соответствующими стилистическими пометами критерием отбора лексики в Томский исторический словарь явилась фиксированность ее в диалектных словарях XIX—XX вв., в работах по региональной лексикологии XVII в., а также стилистическая окрашенность ее в словарях современного русского языка; в Словаре современного русского литературного языка (М.—Л., 1950—1965 гг., тт. 1—17), Словаре русского языка (М., 1957—1961 гг., тт. 1—4), в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1935—1940 гг.). Иными словами, в словарь вошла лексика с пометами «областная», «просторечная» и «разговорная» в современ-

---

[8] Там же, цитата Я. Балажа.

[9] Шимчук Э. Г. К методике историко-лексикологического исследования. — Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1972, т. XXXI, вып. 3, с. 257.

ных словарях. Естественно, что ориентация на современную стилистическую окрашенность делает включение материалов в словарь по указанному критерию более или менее гипотетическим, что на современном этапе развития исторической лексикографии является непреодолимым. Кроме того, в словарь Томской старины XVII в. вошли такие историзмы, которые отражают особенности общественной жизни Сибири. Это такие слова, как мурза, новокрещен, толмач, улус, шерть, шертовать и т. п. Таким образом, в словарь вошла «как общерусская для XVII в. лексика, например, братина, голицы, горносталь, зипун и др., так и локально ограниченная: горбуша (короткая коса), шлях (дорога), дель (сетчатая ткань для невода), сакма (колея, лошадиный след) и др.; как лексика, утраченная современными среднеобскими говорами: сакма, шлях и др., так и лексика, сохранившаяся в них до настоящего времени: голицы (кожаные рукавицы), исподки (нижние рукавицы), лагун (бочонок), ярица (яровая культура), облас (долбленая лодка)» [16] и др. В настоящее время в картотеке Томского исторического словаря насчитывается свыше 12 тыс. карточек. Составители ее — члены кафедры русского языка Томского университета: В. В. Палагина, Г. М. Михайлова, Н. Ю. Потехина, О. Г. Щитова, Г. Н. Старикова, Л. А. Захарова; весь сравнительный западносибирский материал собран сотрудниками Институа истории, филологии и философии АН СССР (сибирское отделение) Л. Г. Паниным.

3. **Источники словаря**. Источниками словаря явились прежде всего 1) неопубликованные рукописные памятники, созданные в Томском, Кетском и Нарымском острогах в течение всего XVII в., хранящиеся в ЦГАДА, в архивах Академии Наук (Москва, Ленинград), в отделе рукописей научной библиотеки Томского государственного университета (например, приходная и расходная книги 1630—1631 гг. г. Томска, таможенные книги г. Томска за 1624—1627 гг.), 2) различные опубликованные документы Томской старины XVII в., например, Статейный список Ивана Петлина 1618 г., опубликованный Ф. И. Покровским в 1914 г., Исторические акты XVII в., материалы для истории Сибири, собранные Кузнецовым-Красноярским, Головачевым, приложения к книге Г. Ф. Миллера «История Сибири» и многие другие. Все использованные документы

---

[16] Палагина В. В. Лексика Томских деловых документов XVII в. (материалы для исторического среднеобского словаря). Введение. Рукопись, с. 3—4.

являются памятниками делового письма XVII в., по своему содержанию самые разнообразные. Это и крестьянские книги, расходные и приходные, таможенные, крестоприводные книги, челобитные дела служилых сибирских людей, «ясачных» крестьян, известы, сыскные дела, воеводские отписки и другие документы. Все эти документы более или менее полно отражают разговорную речь населения того или иного острога и дают богатый лексический материал. В них представлена лексика различных тематических групп: терминология сельского хозяйства, пушного промысла, названия одежды, тканей, предметов домашнего обихода, продуктов питания, метрологическая, непредметная и др. лексика[11].

4. **Структура словарной статьи**. а) Заглавное слово приводится в современной орфографии в начальной форме, например, для имени существительного, — в форме им. падежа, для глагола — в форме инфинитива и т. д. В скобках даются все орфографические варианты, отмеченные в памятниках, например: кумачный (кумашный), ларечный (ларешной), лятчина (летчина). б) Грамматические пометы следуют после заглавного слова. Для имени существительного дается указание на род, например, мужик, м., лиска, ж.; для прилагательных и причастий — флексии именительного падежа ед. числа женского и среднего рода: кумачный (кумашный), ая, ое, подорожной, ая, ое. Исходная форма мужского рода полных прилагательных и причастий приводится преимущественно с окончанием -ой(-ей), наиболее часто встречающимся в письменных памятниках Томской старины XVII в. У глаголов указывается переходность вопросами кто-что?, отсутствием вопроса—непереходность, устанавливаются также особенности управления: умышлять, над чем; орать, что. Разговорные деепричастные формы указываются при глаголе или помещаются отдельно, если производящий глагол не включается в словарь по принципам отбора: спродать, что, дееприч. спродав; погинуть, дееприч. погинув; вынять, дееприч. выняв; покупаючи, вчитаючи, узнаючи, стакався. У остальных частей речи указывается принадлежность к соответствующей части речи: куде, нар., многиджа, нар., нынече, нар., навстречь, предл., опричь, с дат. падежом; предл. с род. падежом; близко, предл. с дат. падежом. в) После грамматической пометы следует толкование значения слова. Для большинства слов толкование может быть сведено к их переводу на современный литературный

[11] Там же, с. 1.

язык: обогатеть—разбогатеть, студь—холод, стужа, погинуть—погибнуть, лагун—боченок, осенесь—осенью, прошать—просить, спродать—продать, подмогать—помогать, покаместа—пока, неколи—некогда, прежный—прежний и др.

Нередко значение приведенного слова не полностью покрывается значением слова литературного языка, и тогда применяется развернутое толкование слов: раскрыть—снести крышу, сиводушчатый—имеющий темно-серую шерсть на шее и брюхе с коричнево-бурой спинкой, сидеть—добывать перегонкой; подметать—подмыть водой, недособоль—молодой соболь или соболь плохого качества, после линьки и др.

В некоторых словах, относящихся к специфическим чертам духовной и материальной культуры, к социальному укладу, быту и т. д., приходится прибегать к энциклопедическому толкованию: пониток—плотный домотканый материал, употребляемый для пошива летней верхней одежды; зендень—шелковая или хлопчатобумажная ткань восточного происхождения; архиепискуп—духовное звание, среднее между епископом и митрополитом и др. Иногда, когда невозможно более точно определить значение слова, для толкования используются логические дефиниции: азям—разновидность верхней одежды; коты — разновидность обуви: поршни — разновидность обуви.

Для слов производных используются типовые (или отсылочные) толкования: соболишко,- уничижит. к соболь; людишка, уничижит. к люди; домишко, уничиж. к дом; деревнишка, уничиж. к деревня; лиска, ум.-ласк.? к лиса; краснобуренький, ласк., к краснобурый; животишка, уничиж. к животы; ножишко, ум.-уничиж.? к нож; давывать, многокр. к давать; писывать, многокр. к писать; плачивать, многокр. к платить; помирывать, многокр. к помировать; принашивать, многокр. к приносить; сказывать, многокр. к сказать.

Если значение слова не удалось выяснить, ставится вопросительный знак: сторонный — боковой?, местный — областной? разваристо—вдоволь? сытно? г) Иллюстративный материал следует после толкования значения и ограничен несколькими примерами. За иллюстративным материалом идет указание на остроги, в памятниках которых данное слово встречается. Иллюстративный материал снабжается датами ранней и поздней (в пределах XVII в.) фиксации слова в памятниках письменности данного региона[12].

---

[12] Там же, с. 6.

Образцы словарных статей Томского исторического словаря:

Дурно, с., зло, дурное дело.— Чтобы пришед безвестно дурна никоторово не учинили (Кетск). И они ясачных людей на всякое дурно научают (Нарым). Многие от них дурно и побои на служивых людей бывает по вся годы (Томск). Кетск, 1619; Нарым, 1643—1650; Томск, 1621—1680.

Милюстина, ж. — добрые дела... — и не велел к Левонтью нарымских и проезжих людей никово ни с каким харчемъ и с милостиною пущати. Нарым, 1643.

Многижды, нар. — часто, многократно. — ...посылали к голове Юрью Данилову многижды (Нарым)... во все годы приходят к ним войною многижды киргизские ж люди (Томск). Нарым, 1643; Томск, 1621—1691.

Мочно (мошно), безличи, и знач. сказ.— А отпросился у нево... с торгомъ в Тоболескъ для тово... как бы мошно из Нарыма выехать... (Нарым) и бес тоболской присылки... пашни... мошно завесть многие (Кетск); Кому мочно верить (Томск). Кетск, 1619; Нарым, 1643—1645; Томск, 1624—1697.

У многозначных слов порядок значений, как и во всех исторических словарях, по возможности должен отражать историческую последовательность в развитии семантики слова, т. е. на первом месте должно стоять наиболее раннее значение, например:

Лаять, кого, что — 1) бранить, ругать. — И вы поступаетесь напрасно в мой присуд тем меня лаете и мне о том писать государю (Кетск)... И он нас учал лает и грозить кнутьемъ и пыткою (Нарым). А наперед сего... съезжей избы подячие... меня холопа твоего лаяли и безчестили многажда (Томск). Кетск, 1604; Нарым, 1643; Томск, 1627—1639. 2) звать? — И Яков, и дружина велили толмачю табунов лаят (Томск, 1645).

Многой, ая, ое — 2) продолжительный по времени, долгий.— ...и от тех побои я Гуляйко лежал многое время при смерте (Нарым). И те денги ево Федоровы и держал их многое время (Томск). Нарым, 1643; Томск, 1627—1673; 1) многочисленный, большой. — ...как бы ему мошно многой и грабельной живот к Руси вывесть (Нарым)... и бес тоболской присылки пашни... мошно завесть многие (Кетск). Послан в Сибир на жите... за многое прежнее воровство (Томск). Кетск, 1619; Нарым, 1643; Томск, 1627—1632.

Далее следует сравнительный материал из деловой письменности Западной Сибири XVII—XVIII вв.

Все словарные статьи даны в алфавитном порядке. Различные варианты (кроме орфографических, лексико-фонетические, лексико-грамматические) даются самостоятельными словарными статьями, например, разные словарные статьи имеют следующие слова: многажда, многижда и многижды; куде и куды и т. п. Варианты вводятся через слова «то же, что», например, многижды, нар. — то же, что многажда; подорожной, ая, ое — то же, что дорожной и т. п.

Исторические словари XVII в., особенно региональные, представляют большую ценность для изучения истории русского национального языка, его сложения, формирования путем смешения, столкновения многих элементов устной речи, в том числе и диалектов. Сибирские исторические словари помогут понять многие явления в формировании сибирских старожильческих говоров, в выявлении их первоначальной основы, в путях развития в становлении современных говоров.

---

11. Заказ 3975.

В. П. ВАСИЛЬЕВ, Е. В. ВАСИЛЬЕВА, Л. П. ГРУНИНА, М. В. ОРЕЛ

ЛЕКСИКА ГОВОРОВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ

Словарный состав говоров Кузбасса изучен неравномерно: часть собранного на этой территории материала нашла отражение в сибирской лексикографии[1], тогда как особенности лексической системы определенных районов Кемеровкой области еще не получили лексикографического описания. Так, фрагментарный анализ словника «Словаря русских старожильческих говоров...» показал, что на букву «К» лишь 3% единиц представляет лексику Крапивинского района и далеко не все из них иллюстрируются контекстами этого ареала, который, в свою очередь ограничен лишь н. п. Змеинка, Ивановка, Крапивино, Поперечное. Это дает основание считать целесообразным предварительное обобщение имеющегося материала и оформление его в виде словарных статей, что не только расширит локальную и сочетаемостную характеристику известной лексики, но и позволит ввести в научный обиход новые диалектные факты.

В описываемый материал включаются слова а) не нашедшие отражения в томских словарях (буранистый, буранище, ветрина, карапулька, карбуз, клубеника, канопель, куделька, переходка), б) содержащие ранее не зафиксированную семантику (см.: кажный, каток, кедра, кедрач,

[1] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. /Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1964—1967, т. I—III; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнение. /Под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. Томск, 1975, ч. I—II; Краткий среднеобский словарь. — В кн.: Диалектное словообразование. Очерки и материалы. /Под ред. М. Н. Янценецкой, Томск, 1979, с. 142—200; Словарь русских говоров Кузбасса. /Под ред. Н. В. Жураковской, О. А. Любимовой. Новосибирск, 1976.

кить, клевок, кендовый), в) не имеющие в названных источниках соответствующей локальной пометы [2].

Итак, предлагаемые материалы прежде всего предназначаются для того, чтобы дополнить имеющиеся словари, поэтому при лексикографической интерпретации диалектных слов используются положения, утвердившиеся в лексикографической практике, главным образом, в практике составления томских словарей. Вместе с тем данная работа — первый опыт написания словарных статей для словаря русских старожильческих говоров Крапивинского района Кемеровской области (Э. В. Васильева: кажный — клушка, кроме кить; М. В. Орел: кондовый — куделька; Л. П. Грунина: паренка — поскотина), а также первый опыт лексикографической обработки лексики природы (В. П. Васильев: буран — забуранить и кить). Всего 48 словарных статей. Так как это лишь материалы для словаря, большое внимание уделяется семантизирующей роли контекстов (отсутствует всякое количественное ограничение) и в отдельных случаях допускается определенная неполнота в описании слова (иногда отсутствуют грамматические пометы и т. п.).

БУРАН,-а, м. Сильный ветер, зимой преимущественно со снегом. — У меня уже хорошие огурцы, а буран был, пленку сорвал, и пленкой поломало их (Юрг. Юрга). Летом, кода́ покойников несут, буран подымается, ураган быват. Станут кода́ выносить покойника из хаты, он подымается (Юрг. Иск.). То бураны сильные бывают, кода́ снегопады большие. Кода́ буран, снег идет сильный, несет снег, где-то он должен задя́рживаться, все равно он где-нибудь останется (Юрг. Иск.). Бураны раньше часто были. Это кода́ снег и ветер. Несет все подряд, с земли все сдират... Буран непроходимый был, а нонче вовсе снега не было. Зимой буран — это когда снег, мороз, а летом сильный ветер называют (Юрг. Иск.). Зимой ведь погода, буран, лютый, а надо ехать и ешшо ночь. Женщина умирает, в Юргу надо. Я запрягла коня и повезла ее зимой по бурану (Юрг. Митр.). А зимой частенько бывает на сутки, а то и больше буранчик такой. Буран с земли берет снег-то, прет все. Ветра такие осенью бывают, весной их мало (Юрг. Митр.). Бураном большие сугробы надуло, прямо не перелезешь...

---

[2] Исключения составляют слова: ветреница, ветродуйка, забуранить, приведенные употребления которых не только дополняют локальную характеристику, но и частично ее повторяют.

Как буран подымется, в ограде были суметы. За каждой городьбой его нагонит (Юрг. Н.-Р.). Буран поднялся, хлеба положил, деревья поломал (Юрг. Н.-Р.). Буран вьет и кружит, большие сугробы наметает (Юрг. Н.-Р). У нас Герой Советского Союза, герой гражданской войны. Ехал, там Перехляй, на Михайловку поехал. Вез хлеб и замерз. Одеть-то нечего. Буран сильный был, сильно погода была. Одежонка плохая была, и он погиб. Ветер сильный, снег дует, дорогу передувает, человек не может ехать и блудит (Бан.) [3]. Вот буран эти дни [в мае] какой дует. Сейчас на гриве весь хлеб выдует. Вот буран так буран. Даже глаза нельзя открыть: сильный ветер (Бан.).

Крап. (Бан.), Юрг. (Иск., Митр., Н.-Р., Юрга).

БУРАНИСТЫЙ, -ая. 1. Проявляющийся в виде бурана. — Когда холодная, бура́нистая погода, снег летит (Юрг. Вар.).

2. С бураном. — В бура́нистые дни если едешь, то за лошадью идешь. Лошадь идти не может. (Крап.).

БУРАНИЩЕ, м. Сильный буран. — Не помню, в каким году ездили на базар в Кемерову. Вечером ветер задул, задул — буранишшэ света не видать. А тут колмаковский был мужик. Он как раз зашел. «Робяты, поедемте, — говорит, — наверно, будет буран здоровый. У меня двор теплый» (Юрг. Н.-Р).

БУРАНЛИВЫЙ, -ая. То же, что бура́нистый. — Зимой была часто бура́нливая погода. Тогда говорили у нас моро́зливая погода (Бар.).

ВЕ́ТРЕНИКИ, мн. То же, ве́треница (ве́треницы). — Чтобы верхушки сена не сносило, ве́треники ставили. Березники здесь у нас. Березки тоненьки четыре штучки срубишь, свяжешь и повешаешь. Вроде держало сено (Юрг. Н.-Р.).

Крап. (Бан.), Юрг. (Ал. В-Тайм. Митр. Н.-Р.).

ВЕ́ТРЕНИЦА, ж. (обычно мн. ветреницы. -ев.). — Связанные попарно четыре деревца или ветки (преимущественно березовые), которые крестообразно кладутся на стог,

---

[3] При подаче контекстов, записанных в Крапивинском районе, используются только указания на населенный пункт. Контексты других районов сопровождаются названием района и населенного пункта. Сводная локальная характеристика обязательно содержит данные о районе и всех населенных пунктах. В тех случаях, когда все приведенные примеры записаны в одном населенном пункте, сводная локальная характеристика не дается.

чтобы сено не разносило ветром. — Сама стога руками метала. Чтобы не раздуло, ве́треницы делали, тоненькие палочки таки́. Заплетешь их — и крест-накрест (Юрг. В.-Тайм). Стога делали кода́, ветреницы клали. Срубишь березку или там осинку. Четыре березки положишь на стог и не сносит (Юрг. Иск.). Сено метали. Метали зародами. И чтобы макушку не сносило, положат какую-нибудь ветреницу березовую (Юрг. Иск.). Ветром стога не сваливало. Вырубали четыре прута, их там свяжут. Называли ве́треницы. Всегда они были. Без ветреницев не делали, все с ветреницами. Нарубишь таки́ то́нки и подают их на стог. Там их развешивают, свяжут, и она придавля́т сено (Яшк. Полом.).

Кем. (Балах.), Крап. (Крап. Ключи), Топк. (Под.), Юрг. (Ал. В.-Тайм. Зел. Иск. Митр. Н.-Р. Томил), Яшк. (Итк. Пача. Полом. Солом.).

ВЕТРИНА, м. Сильный ветер. — Вон какой ветрина задувает (Кем. Подъяк.). Пла́тишко у меня портяное, а ветри́на лютый поднялся, дерева́ выворачивает. Я залезла в одно дерево, дупло тако́ широ́ко было (Салт.). А тут ешшо ветрина поднялся (Бан.).

Кем. (Подъяк.), Крап. (Бан. Салт.).

ВЕТРОДУЙКА, -и, ж. Машина для очистки зерна от мелкого мусора. — А ветродуйка ешшо почишшэ отвевает. На ветроду́йке хлеб уж чистый, нет ничего: ни земли, ни мякины, ничего. На веянке — мякина, а на ветродуйке все отходит: солома, мякина. Все отходит, пашени́ца чистая (Яшк. Полом.). Веянки были. Чистить зерно — ветродуйки. Кода́ если везти на мельницу, на ветродуйке продуешь. На веянке не все отойдет, а здесь все. За хлебом тоже умели ходить (Яшк. Полом.). Ветродуйка ешшо была. У ей там крылышки в середке были, рычажок, ручка, крутишь ее, она этими крылышками отвеиват. Кото́ро совсем плохое зерно, оно дальше летит, а чижелое, оно сюды больше сыпется, а совсем мякина — ее взад; руками все больше крутили (Юрг. Митр.).

Крап. (Берез. Иван.), Топк. (Под.), Юрг. (Ал. Вар. В.-Тайм. Зел. Н.-Р. Томил.). Яшк. (Пача, Полом.).

ЗАБУРА́НИТЬ, безл., сов. I. Начаться бурану. — Забуранило-то как: свету белого не видно (Крап.). Буран, снег большой идет. Дует сильно. Ой, забуранило, такой снежище

пошел (Яшк. Полом.). А как зачнется буран, то говорят забуранило (Карп.).

Крап. (Кам. Крап.). Н.-Куз. (Ячм.), Юрг. (Вар. Иск. Митр.), Яшк. (Полом.).

2. Кого-что? Занести или засыпать снегом во время бурана. — Еслив дорога не забуранена, лошадь идет хорошо, а еслив переметенная, то буксуешь (Яшк. Кул.). Сын к одному приезжал, пошел, а забуранило все — и замерз. Сильвый, страшный был буран. Кода буран, местами отдуват, а местами бугры надуват (Яшк. Пача).

Крап. (Ключи. Крап.), Юрг. (Ал. Митр.), Яшк. (Кул. Пача).

КАЖНЫЙ, -ая, -ое, мест. Каждый. — Девушка вот сидит невестой, ну, договорятся, кода брать будут ее, и собираются все время, кажный вечер. А потом увозют (Змеин.). Самогонку гнали. Самогонка в кажном доме почти была. Все гнали. Мужики, как напьются, драться начинали. До крови доходило (Шев.).

Крап. (Бан. Берез. Бор. Змеин. Иван. Крап. Перех. Салт. Сар. Тар. Шев.).

||В знач. сущ. кажный, -ого, м. Каждый человек.— Хлеба чисты, чичас отравляют хлеба; ране кажный свою полосу берег (Крап.). А мене не везет на рыбу. С соседом сидим, у его опять клюет, а у меня нет. Не кажному, правда, везет на рыбу (Салт.). Тут богаты люди жили, а меня в няньки взяли. Все жили единолично, у кажного десять коров доились (Салт.).

Крап. (Бан. Берез. Бор. Иван. Крап. Салт. Сар.).

КАРПУЛЬКА, ж. Железное или деревянное приспособление для работы в огороде — А там вон виктория еще растет, ее не чичас садить стали-то. А ухаживают ее железкой такой с ручкой. Мы ее карапулькой называм (Крап.). Карапулька железная такая как грабли (Крап.). Картошку выгребали деревянной лопаткой маленькой. Карапулька называется. А ссыпам ее потом в погреба (Крап.).

КАРБУЗ, -а, м. Большая лодка для перевозки грузов сплавом или при помощи лошадей. — Ешшо по речке плавали на карбузах. Карбузы лошади тянули. Цинкач протягивают от носа [карбуза] к лошади. Она тянет етот провод (Крап.). Да так ему руку подал, что сам и слетел с карбуза нашего. Карбуз лодка така, на три человека она только. Ее местами ешшо баркасом зовут (Салт.). Какие-то еще вроде боты есть, так это же еще, по-моему, карбузы. Кар-

бузы, это много, тонны полторы грузят на ее и тянут ее конем против течения, а по течению она плывет сама, и коня в ее посадят (Крап.).

Крап. (Лоч. Крап. Перех. Салт.).

КАТАНКИ и КАТАНКИ, мн. Валенки. — Зимой носили пимы, ка́танки, чесанки. Чесанки то́неньки покупали, из овечьей шерсти. Я купила за три пуда черные с калошами. Пимокаты катали ка́танки, овечек остригут в августе, сентябре и катают. Пропа́шшие пимы в будни таскали, в выходные хоро́ши, не ма́раны (Ключи). Ка́танки и чесанки, разницы в них нет. Пимокаты ка́танки катали (Ключи). Зимой ката́нки катали из своей шерсти сами. Ката́нки и валенки ничем не различаются, токо вот я называю валенки, а вот он — ката́нки (Салт.).

Крап. (Зелен. Ключи. Крап. Салт.).

КАТОК, м. Скалка для катания белья, выколачивания холста и т. д. — Стирали дома, корыто такое большое было. Раньше утюгов не было. Валек был. Мыло варили сами. Иногда золой стирали. Воду вскипятишь, золы туда наесыпешь, она отстоится. Этой водой и стирали. Называли это щелок. Машинок не было. Гладили катко́м и валько́м (Шев.). Валек да каток — вот наши струме́нты. Помочишь холст, на поляну расстелешь, ну и вальком колотишь, потом катком, вальком да катком (Сар.). А то каток рубчатый. Одежу на каток накручивашь и начинашь катать по столу (Крап.). ... Сошьешь, поносишь, постирашь. Рубаха-то наворачивается на каток, а рубель-то по лавке, гоня́шь его рубелем-то. Он круглый, катится рублем-то этим. Это круглая палочка и все (Бан.).

Крап. (Бан. Крап. Салт. Сар. Шев.).

КАТУШКА, -и, ж. Ледяная горка для катания. — На кату́шку ходили ребята и девчата с санками (Крап.). Масленка подойдет, вот и катушка. Гора, кататься. Средь зимы бывает. Целую неделю катаешься. Вечером только (Салт.). Крутой яр — крутой берег. Обольешь эту горку, кату́шка называется. Уж я каталась. На санках. На гору затащишь, и вот катались (Сар.). Когда поливат, тогда называли катушка. Катались все на масленку. На лодках катались. Палки с обоих сторон. С этой горы, катушки, катались раньше. Ну, надо под гору съезжать — боязно (Сар.). Кату́шка, потому что катаются люди на ней. А горка есть горка. Катушка есть катушка, из снега. Водой заливали. Катушка бывает

для веселья молодежи... Она пологая, а горка крутая. Берем лопату и насыпаем. Девчонок катали. Она застывает — и уж каток (Берез.). Жили на горе. Улили водой, кто на санках, на шкуре коровьей, навалятся человек десять и покатились. Это катушка. Каку́ можно сделать. Если больша́ гора, то большую делают, маленькая, так маленькая (Бан.).

Крап. (Бан. Берез. Салт. Сар. Тар.).

КЕДРА -ы, ж. Сибирский кедр.— Золотарь стал под кедро́й, костер развел, сало жарит (Салт.). Взяли когти, с ними на кедру́ лазишь за шишками (Салт.). Они [шишкари] уезжают, живут там, шишку сбивают, шелушат, а потом вывозят на лошадях. Ну алюбители на две-три кедры́ слазят, ему и хватит (Салт.). Раньше часто ходили за шишками. Кедру раскачаешь и шишки быстрее собираешь (Салт.). Идешь, бывало, кедра́ стоит завидная а ни одной шишки нету (Салт.). Деревьев разных в лесу, в тайге много. Кедра, пихта, сосна, береза, осина, тополя, ель (Крап.).

Крап. (Берез. Иван. Кам. Комар. Крап. Салт.).

|| Древесина сибирского кедра.— На зиму рубили капусту, солили огурцы. Хранили солонину в погребах в деревянных кадках. Кадки делали из кедры́, они хорошо пахнут. Раньше у нас металлической посуды не было, только горшки и жаровни (Салт.). На косяки-от кедра идет хорошо, на дверь кедра́ и пихта, елка не идет, ее ведет, коробит. И она это промерза́т. А вот на столярны работы, видишь, которы-то столярничают, им надо, чтобы полегче сделать да побыстрее... Кедра — самый строительный материал (Берез.).

Крап. (Берез. Иван. Салт. Сар. Тар).

КЕДРАЧ, -у, м. Лес из сибирского кедра.— Есть кедрач, туда-от за гаражи в со́гру (Салт.). Да там травы-то в кедраче́ не так уж и много, мох (Салт.). По старому кедрачу и ходить-то уметь надо (Иван.). Кедрач у нас рядом. Белки там полно, орех ест, чертовка. Да и мы сами шишку бьем (Комар.). Пойдем, мол, в кедра́ч шишка́рить. Я много раз па́дальник собирал (Салт.). Лес густой, уже чистый кедрач пошел, кедры, значит, там одни растут. Березу там никак не найдёшь, понимаешь ли (Иван.).

Крап. (Аж. Бан. Иван. Ключи. Комар. Крап. Мих. Салт).

|| То же, что кедра́.— Шишковали по тайге В тайге пи́хта, ель, кедра́ч, а ешшо береза да осина (Крап.). Когда шишка поздре́т, товда бьют по стволу, по кедрачу колоту́шкой этой (Аж.). А зайди поглубже в лес-то, там пихтачу́, кед-

рач — тоже часто-часто (Ключи). Пихтач пилили, осинник. Осинник пилили весной, а зимой все пихтач больше, иногда и кедра́ч попадал, его пилили. Кедрач пилили по береговой полосе и ельник, осокорник — все пилили. Осокорник под вид тополя, такие здоровые древесины по берегу Тайдона (Салт.).

Крап. (Аж. Берез. Ключи. Салт. Сар. Тар.).

КИСТКА, -и, ж. Кисть для побелки. — В доме было нешекату́рено. Замазывали глиной, белить не белили, а глина белая была. Мазали стены ки́ской, ей лучше. Побелишь — да в баню (Сар.). Бе́лили мы ки́ской. Тайды́ белили редко. Киски на два года хватало (Ключи). Белили белой глиной. Курицу колют, из перышек киску сделают, белют (Салт.). Ну дак ковыльна киска лучше (Иван.). Всяко го́ворили. Кто: «Кись, хозяйка, дай». А кто — киску. Сама делала. Трава. Щас выбирашь, складывашь, напополам согнешь и крепко-накрепко завязывашь. Завариваешь водой горячей. В кипяток подержишь, а потом на железку и бьешь молотком. А чтобы для мякоти. Побьешь, побьешь — и опять белить (Сар.).

Крап. (Аж. Иван. Ключи. Салт. Сар. Шев.).

КИТЬ, -и, ж. 1. Обильно выпадающий снег. — Вечером так мо́рок стал. И снег пошел. Вот так пошел, как черт пихат. Навалило метров на три на воза́. Как пойдет кить (Крап.). Така́ кить была, все завалило снегом. Больши́ снега идут. Валят и валят ... Раньше по тайге поселки были. Так их снегом заносило (Берез.). Выпадет кить и не пролезешь (Н.-Куз. У.-Нарык). Кить — это когда снег сильный валит (Аж.). Кить — это когда шибко много снегу выпадет. В лесу ки́ти прямо по метру выпадает (Кам.). А много снега называли кить. Говорили, кить захватила в поле (Тар.).

Крап. (Аж. Берез. Кам. Лоч. Крап. Тар.), Н.-Куз. (У.-Нарык. Ячм.).

||Мокрый снег, падающий крупными хлопьями.— Мокрый снег в народе называют китью. Опеть кить пошла, мокро на дворе (Ключи). А кить — это пушистый снег, большой сильный снег, прямо таки́ лопухи большие, снежи́ны сырые (Кем. Ляп.). Кить называют, когда тихо́й шибко снег валит, такой крупный бывает ... Он такой пухлый, летит тихонько. Это уж кить (Юрг. Н.-Р.). А как пойдет мокрый снег, всегда говорили, кить идет (Кам.).

Кем. (Ляп.), Крап. (Кам. Ключи), Юрг. (Н.-Р.).

2. Рыхлый, мягкий снег на деревьях. — Если с осени хорошие [дни], когда кить стоит на лесу́, к урожаю тоже. Под вид как снегу что ли кить, кухта́ или как ее называют кить. Кить стоит, когда во вре́мя снег идет мокрый, она прилипает (Сар.).

КЛЕВ, м. Теплое помещение для домашних животных, преимущественно для мелкого скота и птицы; хлев. — Парунья, видишь, что она засиживается на гнезде. Вечером пойдешь закрывать клев, она сидит. Это хочет стать матерью (Иван.). Меня мама в клев послала за яичками, а я боюсь идти (Сар.). Для скота много помещеньев есть. Скот не обижен. Самый хороший — это клев, теплый, это такая изба деревянная. На мо́ху строится, чтоб теплей было. Зимой там скотине тепло (Берез.). Корову, теленка или ешшо там каку́ животину в стайке держали или клев ее ешшо называли. У кого клевы хоро́ши были, теплы (Ключи). Хозяйство свое было. Лошади, коровы, свиньи, овечки. Пригоны были большие, клевы были для телят или овечек (Берез.). Для кур, для уток, для гусей ладили клевы. Клев делали из дерева как сарай, только не было окон, только двери. В клеве палки набьешь, будет се́дало для кур (Ключи).

Крап. (Бан. Берез. Иван. Кам. Ключи. Крап. Салт. Сар. Шев.)

КЛЕВО́К, -ка́, м. То же, что клев. — С временем хозяйство выросло. Лошади были, свиньи, овечки. Овец в клевке́ держали (Крап.). Дед с лошадя́ми всю жизнь. Лошадей держали в стайках на лето, а зимой в клевка́х. Клевки утепляли на зиму, между досок насыпали назем (Сар.). В холод запускали в клевок, дак теплый он. Там скотине лучше. «Загони, — грит, — корову в клев-то, пусть согреется малость» (Берез.). Раньше не было теплых [помещений] для коров, а только там жили овечки, курицы, да корова отелится, теленка пускали. Полу не было в клевке, без полу были клевки (Салт.). Скотину держали в пригонах, сараях. Для всех разделено на части. Коту́х — это где свиньи живут, клево́к — и курам, и другим (Зелен.).

Карп. (Берез. Зелен. Иван. Ключи. Крап. Перех. Салт. Сар. Тар. Шев.)

КЛУБЕНИКА, -и, ж. Клубника. — Мы ра́не все сами делали. И пахали, и ши́лись, и ткали. Друго́ время было. Щас вон клубени́ку таперь сажам. Раньше и не знали про ето

(Крап.). А в лесу клубеники полно, кислицы, ну красной смородины (Крап.). А ягода всяка была. И клубеника, и костеника, смородины мало было. Ягоду брать-то брали, а варенье не варили (Крап.). Тоже говорят, за реку ездют, голубику, клубенику берут (Салт.).

Крап. (Ключи. Крап. Салт. Сар.).

КЛУШКА. Наседка.— Ехали, на пути женщина [рассказывала]: «Я своей клушке тапочки сшила. Она теперь не копат, а то уеду, она все выкопат [в огороде] и цыплят манит». Из брезенту сшила. Всю дорогу смеялись (Бан.). Цыплята у меня сейчас маленькие есть. Сажу клу́шку, наседку. Как она заклохчет — она же клохчет — подкладываю яйца под нее, и сидит она у меня там (Сар.).

Крап. (Аж. Бан. Салт. Сар.).

КОНДО́ВЫЙ. С плотной прочной древесиной, без сучьев, с тонкой болонью (о хвойном лесе).— Для плотницкого дела разную лесину использовали. Был кондо́вый лес. Это который без болони (Тар.). В плотницком деле больше кондовый лес использовали: пихта шла, ельник; кедрач на косяки и рамы шел (Тар.). Ох и хорош кондовый лес (Ключи).

Крап. (Ключи. Тар.).

КОНОПЕ́ЛЬ, -я, м. Конопля.— Теперя здесь сеют, раньше сеяли, пряли куде́ль, мяли, конопе́ль сеяли, лен сеяли. Конопель и конопель. Головку речным вальком колотили. На землю слали. Осенью выберешь, до Покрова вылежится. Лен брали и конопе́ля брали (Берез.). Конопель моют. Он с месяц мокнет, а потом вытаскивают, сушат, мять его начинают (Сар.). Мы конопель сеяли. Один конопеля идет на веревки, другой — на полотно (Салт.).

Крап. (Берез. Салт. Сар.).

КОНОПЛЕ́, -я́, или -ю́, ср. То же, что конопе́ль.— Конопле и лен мяли (Сар.). Конопле, а в середине дудочка. Конопле не пряли — мужикам на веревки идет (Берез.). Лен ме́лок, конопле здоровое; его мочат, а лен сразу ... в баню сушить и мять (Шев.). Веревки вьют из конопля́, изо льна (Иван.). Конопле мы ешшо коноплю называли (Ключи). Конопле было, из него били масло (Крап.). Холшевина — это прядешь пряжу, ткешь. Из конопли́о ткали, изо льна (Шев.).

Крап. (Берез. Кам. Ключи. Крап. Салт. Сар. Шев.).

КОНОПЛЕ́, (и?), (ж?). То же, что конопе́ль.— Была у нас конопле. Конопле у нас сеяли на полях (Ключи).

А конопле — это другое: она выше человека, а потом ее рвут. Рвут и мочат в болота (Иван.). У нас конопле было и поскань. Вот об эту пору зачинаешь брать, а от ее пыль пойдет. Мочена она бéла, а ежлив на жниве, на лугах — она синяя (Крап.).

Крап. (Бор. Иван. Ключи. Крап.).

КОПЫЛ, м., мн. копы́лья и копы́ли, -óв. Короткий деревянный, брусок, вставляемый в полозья и служащий опорой для саней. — Сани. Два полоза загнуты. Его продалбливашь... — копылья насодишь, а потом уже на копыльях делаешь такó место, чтоб загнуть вяз на них (Сар.). У саней полоз раз, второй — копыл называется, забирают его в полоз. Продалбливаются дыры на полозе и вставляется, копыл его называют. Два полоза изделали, копылья набили (Сар.). Сани делали. Дык сани, полоз обтя́сывают, потом копылья ладют из дерева, березово срубают. Дык оно крепче. Ну з ети вот, в полоз, ставют, а тут переплетают, ну — ети, копылья-то (Иван.). Ну, сани, одни бывают сани. Полоз, потом ета, как они называются, — копы́лья вот ети, вяз. Ну полоз вырубается ето, делается из березы (Бан.). Потом в полозьях надо выдолбить отверстие. В эти отверстия ставится копыл. Пять копылóв на каждый полоз (Тар.).

Крап. (Бан. Берез. Иван. Перех. Сар. Тар.).

КОРЧА́ГА, -и, ж. 1. Большой глиняный сосуд, служащий для хозяйственных надобностей. — В корчаге тесто заквашивают. Простоит оно до утра в тепле, а утром стряпаем (Аж.). Ну скотина пьет из корча́ги (Крап.). В печку ставили — калину парили. Ведра на три делали корчаги, больши́ были. Квас, капусту можно делать там (Берез.).

|| Большой глиняный сосуд с отверстием у дна, предназначенный для приготовления солода, пива, кваса. — Были пивоваренные корчаги по ведру и больше (Кам.). Корчаги рассолодовые были, всегда глиняные (Аж.). Кринки, горшки, корчаги. В корчагах варили пиво. Из су́сла делали квас, пиво в корча́гах (Крап.). В корчагу замешивают из аржаной муки раствор густой. Корчаги глиняны, а сбоку дырочка. В эту корчагу накладут соломку по богам (Берез.). Солод мелют, в корчагах глиняных парят. В корча́гах дырки были, там желоб был. Чтоб су́сло не бежало скрозь, солому накладут (Салт.). Корчага — она большуша. Они под вид чугу́нок, а у дна отверстие (Иван.). Корчаги глиняные ведерные. Ставили в корчаги рассолы, су́сло, пиво (Ключи).

Там квас вот из этих вот гнали. И сусло из этих вот корчаг наливашь его в чашки. Вот тебе, пожалуйста, приносят горошницу или кашу. А прихлебывать будете этим рассолом (Иван.).

Крап. (Аж. Бан. Берез. Змеин. Иван. Кам. Ключи. Крап. Перех. Салт, Тар. Шев.).

2. Деревянный бочонок для хранения кваса, пива, воды и других хозяйственных потребностей. — Корчаги больши́ ладили, деревянны. Квас ежели надо налить, тесто замешивают ... (Салт.). Корчаги большие делали, деревянные. Су́сло напоточут из корчаги (Салт.).

3. Сплетенная из ивовых прутьев ловушка на мелкую рыбу, имеющая вход в виде узкого длинного горлышка. — Корчага из прутьев таловых делается (Аж.). С тем и вытащил корчагу из воды (Аж.). А приманка то́ко в корчаге. Корчаги, ну какая? — Делаешь форму вот такую вот — сердце крупно. Тут отверстие, тут мажут чем-нибудь, тестом или чем (Бан.). Все снасти: корча́ги, верши, морды. Корча́ги — тоже такая верша. Столбик диаметром сто миллиметров, ее заплетаешь вокруг; заплетали прутиками. Образуется выпуклость, рыба туды заходит, а из горловины ее вытрясаешь; приманку туды кладешь (Салт.). В корчаги ры́бу ловили (Крап.). Река перегораживается, а суда одну-две морды. Рыба идет туда. Корчаги еще ставили. Она в тихой воде ставится. Делают из прутьев ее. Она по форме-то как корчага. Рыба заходит туда, а рыба глупая, и тода оттуда не выйдет (Крап.).

Крап. (Аж. Бан. Крап. Салт.).

КОРЧА́ЖКА, и, ж. То же, что корча́га (в 3 знач.). — На рыбалку все время хожу. Корчажки ставили (Салт.). Корчажки плели из прутьев (Крап.). Прутяные корчажки, сплетенные из прутьев, из талиновых прутьев. Для захода рыбы горлом. Она, значит, деревянна, у ней отверстие в нутро, чтоб рыба заходила (Сар.). Корча́жки две плел в день (Аж.). Корчажки ети кругленькие, щас вот которы ловют корчажками. Она небольшая, она плетется сначала вот так вот. Вот столь, наверно, то́ня узенька плетется Вот эдак, вот так плетется под вид как корзиночку. Она [рыба] сюда будет заходить, а тут будет она пузатенька сделатся (Иван.). Рыбу я корчажками ловил, из прутьев круглая с дырочкой. Есть верша. Похожа на корчажку, только большого размера (Салт.).

Крап. (Аж. Иван. Салт. Сар.).

КО́СЫ, мн. Стебли огурцов. — Пустоцвет — нет ниче. Косы-то то́неньки на огурцах, нонче градом побило (Иван.). Когда огурцы растут, ко́сы пускают (Кам.). Огурцы косы распустили (Кам.). Огурцы цеплятся косами-то. Оне пускают как ниточку дли́нну. Это усы называются, косы (Иван.). Усики у огурцов называют косы (Салт.).

Крап. (Иван. Кам. Салт.).

КО́ЧЕНЬ, м. 1. Головка капусты из плотно прилегающих один к другому листьев; кочан. — Пойду в огород капусту рубить: время уже, кочни крепкие (Салт.). Нынче ко́чни большие, ладные, много насолю (Аж.). У нас капусту коченем зовут (Крап.).

Крап. (Аж. Крап. Салт.).

2. Твердый стебель кочана капусты; кочерыжка. — Как начну солить капусту, так ребятишки ее ко́чень просят: шибко любят его (Аж.). Кочаны резали, рубили, солили в кадках, а кочень парили (Крап.). Весь кочан обрежешь, один кочень останется (Крап.). Вот кочаны осенью снимут, листья верхние пообдерут, в середине ко́чень вырежут, капусту нарубят и в бочке солят (Аж.).

Крап. (Аж. Крап.).

КОШЕВА́, ы, ж. Легкие сани с кузовом, обшитые рогожей или кошмой. — Стан-то он сам делал и кошеву́ (Салт.). Тройку запрягут. Розвальни большие, кошева такая (Салт.). Ну, кошева — сани. На санях кошевки есть. Едут, там сиденья есть. Хорошо. Кошева ет кошева, а сани ет сани (Берез.).

Крап. (Берез. Салт.).

||Сани с кузовом для праздничных выездов. — А там над конями сторож стоит, молодых сажают в кошеву́. Едут к жениху, там гуляют (Салт.). Кошева — где постель невесты везут (Крап.). Кошева — это сани на трех человек. Она хоро́ша, наря́дна, товаром обита снаружи (Аж.).

Крап. (Аж. Крап. Салт.).

КОШЕВКА, и, ж. Зимняя повозка. — А зимой кошевки, двое чтоб сидели (Крап.). Зимой в кошевках хорошо добираться (Крап.). Кошевки-от делали тоже. Это кошевка есть и сани есть (Берез.).

Крап. (Берез. Крап.).

||То же, что кошева́. Жених приехал — в кошеву и все (Б.-Ос.). А раньше запрягут лошадей. Там кошевки такие,

навешают колокольцы, украсют, на дуги ленты навяжут. Все красно. Жених, родители, дружка надевают на себя через плечо все красное (Иван.). Кошевка — это выездные сани (Салт.). В кошевке есть беседка. Только кошевка с беседкой (Крап.).

Крап. (Б.-Ос. Иван. Крап. Салт.).

КОШЕНИНА, ы, ж. 1. Скошенная, но еще не убранная трава. — На покос раньше ездили все, даже маленькие. А по кошени́не-то ходить нельзя, а то попадет (Крап.). У нас кошенина в поле осталась (Крап.). Трава, кото́ра скошена, но кото́ру не скопнили, та трава гребь — кошенина (Тар.). Кошенина — ето трава уже скошена (Ключи).

Крап. (Ключи. Крап. Тар.).

2. Остатки стеблей после косьбы; стерня. — А в поле конопле стелишь на кошени́ну (Кам.). Лен расстилали на кошенину, потом сушили в бане... потом отрепать, очесать (Аж.). Скошенная трава, греб, лежит, только скосили. Надо грести, а то, что останется, — кошенина, корешочки (Аж.). Лен этот обмолотят, расстилали по кошенине (Крап.).

Крап. (Аж. Кам. Крап. Шев.).

3. Луг после покоса. — Кошени́на маленькая, и сена мало (Крап.). Кошенина — траву скосишь, место на поле остается (Шев.). Место, где косили, покос, кошенина звали (Крап.). Место выкошенное называется кошени́на (Салт.).

Крап. (Крап. Салт. Шев.).

КРЕСАЛО, а, ср. Устар. Стальная пластинка для высечения огня из кремня; огниво. — Раньше спичек не было, жгли лучины. Краса́ло было, им разводили огонь (Аж.). В войну огонь высекали кресалом (Бор.). Огонь еще высекали кресалами. В кузне расплющивают железку и трут ее об камень (Ключи). Кто кресалом называл, кто огневом. Это железка-то какая-то зубчатая; ее то ли покупали, то ли в кузне делали.Ей по камню хорошо так чиркали; мяконький гриб и загорается-то (Салт.).

Крап. (Аж. Бор. Ключи. Салт.).

КУДЕ́ЛЬКА, и, ж. Уменьш. к куде́ля. Волокнистая часть льна; пучок вычесанного льна, приготовленный для прядения. — А кода костри́ги облетят, собирали куде́льку (Берез.). А это, видишь, какая куделька мягонькая (Иван.). Есь таки́ прялки, пря́слицы... Их привязать-то к куделько надо (Салт.). Потом лен отбирают, в пучки вяжут,

мыкают, говорят. А пучки — это намычки, иначе кудельки это (Крап.). Еслив чешешь на железной шшотке, и что отходит — это и есь куделька (Кам.).

Крап. (Аж. Берез. Иван. Крап. Салт.).

ПАРЕНКА, -и, ж. Блюдо, приготовленное из пареных овощей (моркови, свеклы, брюквы). — А вы, дочки, поди паренку-то не ели. Мы раньше-то все паренку делали, из моркови, из свеклы, из брюквы, репы (Тар.). Паренку вот напарим, брюкву пожарим (Салт.). Накрошат эту морковь, намоют, накроют и в печку. До вечера парится, стоит. Вечером выташат, так, ой, радехоньки паренке (Кам.).

Крап. (Кам. Крап. Салт. Тар.).

ПАРЕНКИ, мн. Пареные овощи.— Парёнки из моркови и брюквы делали (Тар.). С тыквы, моркови делали в печке паренки, парили (Крап.). Паренки варили. Это морковь, свекла, брюква (Салт.).

Крап. (Крап. Салт. Тар.).

ПАРИТЬ, несов., перех. Высиживать цыплят. — Нанесет яйца курица и садится их пáрить (Сар.). Ну нанесутся, сáдятся парить. Ну садятся на гнездо, на яйца эти и вот упаривают яйца. Четыре недели гусиха сидит. Утка четыре недели сидит, а курица — три (Крап.). Курицы гогочат, а та, котора квохчет, значит, пáрить собирается, цыплят выводить (Салт.).

Крап. (Крап. Салт, Сар.).

ПАРУНЬЯ, -ьи, ж. Наседка. — Паруньи цыпок выводили (Ключи). Парунья цыпушек парит. Три недели сидит. Заклохтала, клохчет и клохчет. Лежкой сидит на гнезде (Сар.). Весной у меня парýнья хорóша была. Это курица, которая на яйцах сидит (Крап.).

Крап. (Бар. Зелен. Иван. Ключи. Крап. Тар.).

ПАРЯ, м. 1. Обращение к мужчине. — Давай, паря, поедем пахать, нигде землю не удобряли, она так родила, целик добывали, че ее удобрять (Крап.). Че, паря, проходи! Че, паря, молока? (Иван.). Пáря — парень, друг, товарищ (Бар.). Паря. У нас этим словом принято сибиряка называть. Это тут как товарищ, в таком смысле (Лоч.).

Крап. (Бар. Иван. Крап. Лоч.).

2. Мужчина. — Смышляет он в этом деле хорошо. Ох, этот паря проворен (Крап.). Ох, сильный он паря был (Крап.). Обжора, все жрет и жрет, ох, этот паря проворен (Крап.).

ПАШАНИЦА, ы, ж. Пшеница. — Сразу пашани́цу сеять нельзя, а то все соки из земли повытянет (Крап.). Кутью варят из рису, из пашаницы (Берез.). Один год [тут] сеют пашаницу, другой год — овес (Бар.).

Крап. (Бар. Берез. Крап.).

ПЕКАРИХА, -и, ж. Женщина-пекарь. — Одна дочь в столовой работает, одна здесь, в пекарне, пекари́хой (Салт.). Я везде работала. И пекарихой восемь лет была, потом сразу и на пеньсию ушла (Крап.). Пекарь, пекариха. Ну, как в колхозе было. Хлеб печет, ну, значит, пекариха (Змеин).

Крап. (Змеин. Иван. Крап. Салт.).

ПЕЛЕДА, м. Соломенная крыша гумна. — Пеледа, чтоб хлеб не пропал. Ставят палки, накладывают, придавля́т, чтобы ветру не было. Сарайчик сделают, пеледо́й обкроют, вот и пеледа (Берез.). Крыша гувна́ называтся пеледа́ (Салт.). Пеледа — это крыша гувна́. Пеледа быват соломенна (Аж.).

Крап. (Аж. Берез. Иван. Крап. Салт.).

ПЕРЕХОДКА, ж. Корова, которая телится не каждый год. — Корова и телка у нас была. Корова переходка была. Один год телится, а на другой нет (Крап.). Была переходкой корова у нас, не отелилась. Был такой случай. В совхозах корова така́ яловая называтся, у нас переходкой называли (Иван.). Нетель — дак это ешшо не телившаяся корова. А яловая — это холостая. А перехо́дка — это ежели она через год телят приносит. Год принесла, а на будущий год — нет, а потом снова принесла (Бан.).

Крап. (Бан. Иван. Крап.).

ПЕЧУРКА, -и, ж. — Небольшое углубление в наружной стене русской печи для мелких вещей. — Спички кладут туда. Че поставят, каку́ посуду. Рукавички, грит, де у тебя? Я в печурку положила (Берез.). Серянки хранят в печу́рке — дырка така́ в печи (Аж.). Спички клали на печурку — маленький такой квадратик — выступ (Крап.). В наружной стенке печи отверстие было — печурка (Кам.).

Крап. (Аж. Берез. Зелен. Крап. Салт.).

ПОСКОТИНА, ы, ж. 1. Огороженное место для пастьбы скота. — Скотина сама паслась. В лесу километров пятнадцать огораживали жердями. Где паслась скотина — это место называли поскотиной (Тар.). Раньше поскотины таки́ городили. Уж из их скот не попадет на пашню (Крап.). Где паслась скотина, это место называли поско́тиной. Летом пасутся [о коровах) на поскотине до снега, а там к ноябрю, глядишь, а уж и сте́льна (Крап.).

12. Заказ 3975.

Крап. (Бар. Берез. Крап.).

2. Изгородь, служащая для того, чтобы скот не попал на посевы. — Поскотину городили. Пятнадцать — двадцать сажней загородишь, и следишь за ней. Поскóтина — городьба из жердей. Все сам делал всегда (Крап.). Раньше всю деревню огораживали, поскотина называлась, чтобы скот не мял [стога], а стога отдельно огораживали (Зелен.). Поскотина — изгородь вокруг деревни, села, чтобы не было скота на посевах, скот был без пастуха (Бар.).

Крап. (Бар. Зелен. Крап.).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Кем.- Кемеровский район
Балах.— Балахоновка
Ляп.— Ляпки

Подъяк.— Подъяково
Крап. — Крапивинский р-н
Аж.—Ажендарово
Бан.— Баннова
Бар.— Барачаты
Бор.— Борисово
Б.-Ос.— Бело-Осипово
Зелен.— Зеленовка
Змеин.— Змеинка
Иван.— Ивановка
Кам.— Каменка
Комар.— Комаровка
Крап.— Крапивино
Лоч.— Лочиново
Мих.— Михайловка
Перех.— Перехляй
Салт.— Салтымаково
Сар.— Сарапки
Тар.— Тараданово
Шев.— Шевели
Н.-Куз.—Новокузнецкий район
У.-Нарык — Усть-Нарык
Ячм.— Ячменюха
Топк.— Топкинский район
Под.— Подонино
Юрг.— Юргинский район
Ал.— Алаево
Вар.— Варюхино
В.-Тайм.— Верх-Тайменка
Зел.— Зеледеево
Иск.— Искитим
Митр.— Митрофаново
Н.-Р.— Ново-Романово
Томил.— Томилово
Яшк. — Яшкинский район
Итк.— Иткара
Кул.— Кулаково
Полом.— Поломошное
Солом.— Соломатово

Л. С. ФИЛИППОВА, М. А. РОМАНОВА

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ -Л- В РУССКИХ ГОВОРАХ НИЖНЕТАВДИНСКОГО РАЙОНА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

(материалы к региональному словарю)

Ценным источником для изучения особенностей словообразовательной системы русского языка является живая диалектная речь. В последние годы в связи с возросшим интересом к вопросам диалектного словообразования появились отдельные работы по морфологическому способу образования имен существительных, прилагательных и наречий [1], однако словообразование прилагательных в русских говорах Тюменского Зауралья специальному изучению еще не подвергалось.

В настоящей статье анализируются диалектные прилагательные с суффиксом -л-. В работе приводятся материалы, собранные авторами в 1958—1973 гг. в 15 населенных пунктах Нижнетавдинского района Тюменской области.

Целью статьи является описание словообразовательных типов и моделей прилагательных с суффиксом -л- в окающих старожильческих говорах Нижнетавдинского района и выявление их специфики в сравнении с литературным языком. Определение словообразовательных типов ведется в

[1] Бебриш В. В. Префиксальные имена существительные в говорах Красноярского края. — В сб.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии, 1973. Красноярск, 1973; Он же. Сложные имена прилагательные в говорах южных районов Красноярского края. — В сб.: Материалы по грамматике и словообразованию говоров. Красноярск, 1976; Светлова В. Н. Существительные, образованные флексивным («безаффиксным») способом, в говорах Тюменской и Свердловской областей. — В сб.: Лингвистические исследования, Тюмень, 1970; Светлова В. Н. Словообразование наречий в говорах Тюменской и Свердловской областей. — В сб.: Лингвистические исследования. Тюмень, 1975; Юмаева Л. Л. Словообразование имен прилагательных в современном говоре с. Колмогорово Енисейского района Красноярского края. — В сб.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии, 1971. Красноярск, 1973.

синхроническом плане. В качестве мотивирующих указываются основы, которые отмечены в данных говорах.

В нижнетавдинских говорах, как и в литературном языке[2], имена прилагательные с суффиксом -л- относятся к одному словообразовательному типу — «основа глагола + суффикс -л-». Словообразовательный тип имеет значение «находящийся в состоянии, возникшем в результате процесса, названного мотивирующим глаголом».

В качестве мотивирующих, как и в литературном языке, в основном выступают непереходные глаголы с суффиксами -ну-, -е-, -а-, с основой на согласную. Приведем соответствующий материал.

1. Имена прилагательные, образованные от глаголов с суффиксом -ну-.

ВНИКЛОЙ. Умный, сообразительный. — НиколАйушко-то внИклой растЕт — шшытать стАл рАно (Мс.). Ср.: ТОлько бы внИкнуть тубЕ-кша в йЭту робОту (К.).

ЗАХРЯСЛОЙ. Затвердевший, загустевший.— РоскАтывай давАй, тЕсто-то уж захрЯслойо (Ант.). Ср.: ЗахрЯснуть. Затвердеть, загустеть, застыть.— ВарЕнье сварИм, а к утрУ онО хорошО захрЯснет, потОм розлевАй йэвО (Ант.).

МОЗГЛОЙ. Испорченный гниением, затхлый, гнилой. — Бес сОнса-та у вАс сЫрось, вОздух-от какОт мОзглой (Ер.). ОднА трухА валИтса, мОзгла отесИна-та (Ант.). Ср.: МОзгнуть. Становиться несвежим.— МолокО-то ф потпОлье тОлько мОзгнет, а сметАной свЕрьху не лАдитса (Анд.).

ОБРЮХЛОЙ. Дряблый (о человеке). — ОтЕс-от обрЮхлой стАл — из-за ногИ мАло двИгатса дак (Пч.). Ср.: ОбрЮхнуть. Располнеть, растолстеть. — С курОрту прийЭхала тОлста, обрЮхла — спалА да йЭла тАмока (Анд.).

ОБЫГЛОЙ. Ставший сухим. — РубАхи-те на вЫшке обыглы стАли, вЫсохли — сымАй йИх (Ант.), Ср.: ОбЫгнуть. Высохнуть на ветру или на морозе. — ПрОстины-те обЫгнут, дак несИ йИх с Улесы и глАть (Ант.).

РАЗВЫКЛОЙ. Давно не занимающийся тем или иным делом. — Сын-от розвЫклой дровА-те колОть: в городУ-ту паровО отоплЕнье (Ант.). Ср.: ФсЕ за однемЯ гумАгам сидИт — розвЫкнул косИть-то да метать стога (Ант.).

---

[2] Русская грамматика. М.: Наука, 1980, ч. 1, с. 297.

РАЗМОКЛОЙ. Разбухший от влажности, набравший в себя воду, размякший. ЗубОф-ту нЕту, дак йА розмОклой хлЕб-от йЭм (Чр.). РозмОклу-ту кОрку бАушка сйЭс (Мс.). Ср.: СухАрь размОкнул — йЭш (Чр.).

2. Прилагательные, образованные от глаголов с суффиксом -е-.

ВЛАДЕЛОЙ. Имеющий силу, хорошо действующий.— РУки-те не владЕлы ли чЕ ли у те? (Ант.). Ср.: ВладЕть, мочь.— ВладЕйут ли твоИ нОжыньки на покОс-от шагАть? (Ант.).

ВЫДУРЕЛОЙ. Экспр. Чрезмерно выросший.— У йЭй пАрни, кАк на опАре, кИснут. ГлидИ, ПетрО-то какОй вЫдурелой — в Армейу пойдЕт (Д.). Ср.: ВЫдуреть. Экспр. Чрезмерно вырасти, вытянуться. — За лето-то йИш какОй дОлгой вЫдурел (Ант.).

ДОСПЕЛОЙ. Созревший. — йАгоды-те уж доспЕлы — айдА в лЕс (Д.).

ЗАДУБЕЛОЙ. Загоревший, покрывшийся загаром. — ПрийЭхал с йУга задубЕлой, корИшневой (Мс.). Ср.: ХорошО на покОсе-то тЫ задубЕл — кОжа-та чЕрна стАла (Мс.).

ЗАКОЛЕЛОЙ. Очень сильно зябнувший, замерзший. — ВидАть хОлодно на улисэ-то, парнИшко-то заколЕлой вЕсь (Д.). Ср.: КолЕнки сЕдни не тЕрьпят — заколЕла йА шЫпко в огрАде-то (Д.).

ЗАКОРЕНЕЛОЙ. Коренной житель. — ИдИте к йэмУ: старИк Он рОтчей, закоренЕлой (Анд.). Ср.: ЗакоренЕть. Постоянно жить на одном месте.— ЙА уж закоренЕла здИся —с рОду некудЫ не выйежжАла (Анд.).

ЗАЧИЧЕРЕВЕЛОЙ. Засохший, переставший расти. — СадОк-от стоИт зачИчеревелой, повЯл — кОрни-те Одгнили (К.). Ср.: ЗачИчереветь. Зачахнуть, захиреть, засохнуть[3]. — ЗачИчеревел парнИшко-то, хУдо ростЕт почЕ-то (Д.).

ИЗМОДЕЛОЙ. Испорченный от длительного лежания.— ПлатОк-от измодЕлой, почЕ не носИла, иструх ф сундукЕ-то (Ант.). Ср.: СкатЕрки- у минЯ измодЕли—трухА трухОй (Ант.).

ОБНАТОРЕЛОЙ. Имеющий навык, опыт в чем-либо, в каком-либо деле. — ОбнаторЕлой мужЫк-от, фсЕ однО и то

---

[3] Словарь русских говоров Среднего Урала. /Под ред. П. А. Вовчека, т. 1. Свердловск: Ср.-Уральск. кн. изд-во, 1964, с. 190.

жо дак — сЕдни бОчки и зАфтре (Ант.). Ср.: ОбнаторЕли дЕфьки гулунсЫ везАть (Ант.).

ОБРЕМШЁЛОЙ. Очень ветхий, изорванный, ободранный. — ЛопатИна-та обремшЭлайа — нОву нАдо излАдить (Ант.). Ср.: ОбремшЕть. **Износиться до полной негодности.** — МаринАк-от любИла, до он уш вЕсь обремшЕл (Д.).

ОГРЕЗНЁЛОЙ. Грязный, запачканный. — ДругА уш кОфта огрезнЕлай, ф чернИлах ли ф чЕм онЕ у тЕ (Анд.). С покОсу огрезнЕлы прийЭдут, дак хоть вЫмойутса (Ант.). Ср.: ГдЕ тЫ огрезнЕла фсЯ? (Ант.).

ОКОРЖАВЕЛОЙ. То же, что окАржавелой (см.).—ОкОржавелой воротнИк-от — сымАй рубАху-то (Ант.). Ср.: НИжно и вЕрьхно — фсЕ на тибЕ окОржавело (Д.).

ОТЕМНЁЛОЙ. Лишенный зрения, слепой. — Старик-от софсЕм отемнЕлой, куДЫ пойдЕт (Анд.). БАушка-та у йИх давнО отемнЕлайа, нечЕ не вИдит (Д.). Ср.: ОтемнЕть. Ослепнуть. — МАть-та у йЭй годОв дЕсеть отемнЁла, слепА жывет (Анд.).

ОШИРШЕВЕЛОЙ. Окоченелый. — ЙИш сидИт ошЫршавелой — рубАху лИнь одЕть (Ант.). Ср.: ЧеловЕг замЕрьзнет, дак кОжа-та ошЫршавет (Д.).

ПОСТАРЁЛОЙ. Ставший старым. — ДавнО не видалися, какОй Он постарЕлой (Анд.). Ср.: ПостарЕла мАтушка од забОты (Ант.).

ПРИКОРЕНЁЛОЙ. Обладающий способностью к какому-либо ремеслу; издавна занимающийся чем-либо. — Он прикоренЕлой кадУшки-те дЕлать, айдА к йэмУ (Мс.). Ср.: ПрикоренЕть. Постоянно заниматься каким-нибудь одним делом. — ПрикоренЕл сызмалЕтства сАни-те дЕлать (Мс.).

РАЗБОТЁЛОЙ. Разбухший, пропитавшийся влагой, расширившийся, увеличившийся в объеме. — РозботЕлой чериОк и с ногИ спАдыват (Ант).. РозботЕлу-ту кАтку вЫнь ис сыротИшшы (Д.). Ср.: РозботЕт упЕть лЕвот сабОк, сушЫ йэвО, штОб здАлса (Ант.).

РАЗЖИДЁЛОЙ. Ставший жидким от долгого стояния.— КисЕль-от, вИдно, дОлго стойАл — рожжыдЕлой стАл (Мс.). ОпЕть рожжыдЕлу кАшу дайОш, ковдА тЫ йийО сварИла (Ант.). Ср.: ПочЕ ф кАшу водЫ налилА — рожжыдЕла онА (Мс.).

РАССЛАБЁЛОЙ. Ослабевший. — С РобОты сЕдни росслабЕлой кришОл (Д.). Ср.: ПокОс стоИт, а йА росслабЕл — рУки, нОги не моИ (Д.).

СИДЕ́ЛОЙ. Усидчивый. — ЙэмУ пять лет, а сидЕлой уш (Мс.).

СОВЛАДЕ́ЛОЙ. Крепкий, могущий с кем-то справиться. — СтарИк-от йишО совладЕлой, хоть коО обОрет (Ант.). Ср.: НУш тЫ с йИм не совладЕш? (Ант.).

СОЛОДЕ́ЛОЙ. Вялый, без живости. — РобЕнок-от от такОй жарИшшы солодЕлой излАдился (Чр.). Ср.: СолодЕть. Изнывать от жары. — ЧЕ солодЕть-то, айдА нА реку купАтса (Ант.).

СОМЛЕ́ЛОЙ. Обессилевший, пришедший в изнеможение от чего-либо. — ВрОде бы с утрА и нечЕ бЫл, а пришОл сомлЕлой — не ф чЕм владЕньня нЕту (Ант.). Ср.: СидИт на крыльсЭ ф сАмым как йЭсь пЕкле, дак кАк не сомлЕш (Ант.).

УША́ВРЕЛОЙ. Затоптанный, ставший грязным. — На улисэ-т грезИшша, дак пОл-от ушАврелой, не намОйосься (Ант.). Ср.: УшАвреть. Загрязнить следами ног. — ЙИш че сИни-те ушАврели — смЫть нАдо (Анд.).

3. Прилагательные, образованные от глаголов с суффиксом -а-.

ВЗРЯВКАЛОЙ. Сердитый, грубый в обращении. — КовО с йИм наговорИш — такОй зрЯфкалой: не с товО не ш чевО нашумИт, набрОситса на тибЯ (Анд.). Ср.: Взрявкать. Сердясь, грубо крикнуть на кого-либо [4]. — НелОфкой в жытьтЕ-то — ЗрЯфкат ы вАшых нЕт (Анд.).

ВОЗГУДА́ЛОЙ. Недовольный чем-либо. — ВозгудАлой, дак йэмУ то тО нелАдно, то другО (Ант.). Ср.: ВозгудАть. Возмущаться. — СидИ, не возгудАй, по-твойОму фсЕ ровно не бУдет (Ант.).

НАЗДАВА́ЛОЙ, Побитый, избитый. — ПришОл почЕся упЕть набздавАлой, дал лекко мнЕ-ка. КОло глАзу фсЁ примОчкам лАдили (Ант.). Ср.: НабздавАл йэмУ, а Он фсЁ свойО (Мс.).

НЯВГАЛОЙ. Очень капризный. — ЗдорОвинькой мальчИшко, да шЫпко нЯвгалой. ДругИ ф сАдике ждУт обЕт, а Он хнЫчет (Анд.). Ср.: НЯвгат ы нЯвгат сЭлой дЕнь, не игрАт ы не спИт робЁнок-от (Д.).

ОКАВЕРЖАЛОЙ. Ставший грязным от длительной носки. — РобОта-та мазУтна, дак пинжАк-от окАвержалой,

[4] Там же, с. 79.

срОду не отмОйош (Ант.). Ср.: За нидИлю на покОсе фсЯ одЁжа окАвержат (Д.).

ПАЛЫГАЛОЙ. Бран. Не занятый или не заполненный делом; праздный.— Вон йУрко палыгАлой — фсЁ лЕто пробЕгал (Ант.). Ср.: ПалыгАть. Бездельничать. — Мать не дас палыгАть — зря хлеп йИсь (Ант.).

ПРИПЕНЯЛОЙ. Тот, кто постоянно жалуется кому-нибудь на свою «неудавшуюся» жизнь. — Он срОду припенЯлой: то дочь не шлУшатса йэвО, то сын не лАдит взять с собОй (Анд.). Ср.: Ну че ты мне-ка припенЯла, на сибЯ судАчь (Ант.).

В нижнетавдинских говорах отмечены образования от глагольных основ с суффиксом -ова-:

БЕСЁДОВАЛОЙ. Словоохотливый, любящий поговорить.— СусЕд бесЕдовалой: фсё уш минЯ останОвит да поговорИт (Мс.).

БОЛЁЗНОВАЛОЙ. Сочувствующий кому-либо. — Он лАсковой да болЕзновалой — войдЁт ф чюжО гОрё. Ср.: Хоть хто болЕзнуйот придЁт — мАтере-то лЕкче (Д.).

4. В нижнетавдинских говорах встретились прилагательные, образованные от глаголов с суффиксом -и-.

ВИЛАВИЛОЙ. Очень хитрый, неискренний, лукавый.— Ох, и вилАвилой: говорИл, што дОма рабОта йэсь, а сам метАть сЕно отпрАвилса (Д.). Ср.: ВилАвить. Хитрить, вилять, действовать и говорить с увертками[5].— ВилАвит он, остАвит тибЯ в дураках (Д.).

ВЫБАСИЛОЙ. Разряженный, очень нарядный. — ИдЁт вЫбасилой: брЮки шырокУшшы, рубАха шОлкова и духАм опАхиват (Ант.). Ср.: КудЫ ты йэк вЫбасилса? (Ант.).

ГНУСИЛОЙ. Неодобр. Хнычущий, надоедливо ноющий (о ребенке).— ВОд гнусИлой. нОйот ы нОйот, покА на Улку не оболокЁш (Ант.). Ср.: ГнусИть. Плакать, хныкать (о ребенке). — Не гнусИ, сичЯс на Улку пойдЁм (К.).

ДЮЖИЛОЙ. Сохранивший силу, работоспособность (о пожилых людях). — До чЁ старИк-од дюжЫлой: уш вОсимисят, а йишО на охОту брОдит (Анд.). Ср.: СтарУшка йишО дЮжыт: картОшку самА садИла (Д.); ср. также: дЮжить. Сохранять прочность, пригодность к употреблению (о вещах). — СабогИ-те фсЁ йишО тЕ дЮжат (В.).

---

[5] Там же, с. 180.
[6] Там же, с. 185.

5. Прилагательные, образованные от глагольных основ на согласный.

ЗАРОСЛОЙ. Заросший, запущенный, не обрабатываемый (об участке земли)[6].— ЗарОсло мЕсто трУдно рошьчишшАть (Д.). На зарОслой землЕ постАвилися (Ант.).

ЛЕГЛОЙ. Примятый растущий хлеб. — ДожжОф лонИсь нЕ было, дак лЕглой хлЕб-от стойАл (Ант.).

ПРОРОСЛОЙ. Проросший, давший ростки.— ПрорОслойо сИмё-то давнО порА садИть (Ант.).

РОСЛОЙ. То же, что прорОслой (см.). — СИмё-то рОслойо — садИ скорЕ (Ант.).

Значительно реже в качестве мотивирующих выступают возвратные глаголы. В наших материалах от возвратных глаголов образованы следующие прилагательные с суффиксом -л-:

ВЫГИБАЛОЙ. Экспр. Чрезмерно ленивый. — ХОдит по дерЕвне выгибАлой — не вИдит робОты, а уш ф шаштОй перешОл (Чр.). Ср.: ВыгибАться. Предаваться лени, бездельничать. — Не выгибАйся, окУчивай картОфьки-те (Д.).

ДРЕГАЛОЙ. Неспокойный (о животном). — ДрегАлова конЯ рАзя запрегЁшь ладОм (Чр.). Не подоИш йийО, дрегАлу. (Ант.). Ср.: ДрегАться. Дергать, переступать ногами (о животном); брыкаться, лягаться[7].— КорОва-то шЫпко дрегАтся, не пойдУ доИть йийО (Ант.).

ЗАДОХЛОЙ. Сдохнувший. — РОстил телУшку, дУмал корОушку вЫрошшу. Утром пришОл ф стАйку, а онА лежЫт задОхлайа (Б.-З). Ср.: КорОва-та на верефке замоталася и задОхлася (Б.-З).

ЗАЕДАЛОЙ. Экспр. Затевающий ссору. — Он хоть с кЕм роздеретса, зайэдАлой дак (Чр.). Ср.: Не заэйдАйся, не заводИ ссОру (Д.).

ЗАКРУЖАЛОЙ. Сбившийся с пути, заблудившийся в лесу. — ЗбИлса с прОсеки и пошОл в другУ стОрону од дерЕвни, вот ы закружАлой, пришлОся на дЕреве ночевАть (Ант.). Ср.: ЗакружАться. Сбиться с пути, спутаться[8].— ЗакружАлася и не знАйу, кудЫ выходИть из лЕсу-ту (Д.).

НАБУЗГАЛОЙ. Экспр. Наевшийся, напившийся. — СидИт набУзгалой — фсечинЫ найЭлса, напИлса (Ер.). Ср.: НабУзгалса похлЁпки и посыпАт (Мс.).

ОГИБАЛОЙ. Бран. Ленивый.— ЧЁ ты не Учисься ладОм-ту, огибАлайа тЫ (Анд.). Ср.: ОгибАться. Бродить без

---

[7] Там же, с. 145.
[8] Там же, с. 175.

дела, шататься, слоняться. — ДругУ нидЕлю, кАк прийЭхала, а огибАсься из Угла в Угол (Ант.).

ПРОВЯСЛОЙ. Просушенный вяленьем. — ПровЯслайа рЫба хорОша, скУснайа, вЫшушылася на сОнсэ-то (Д.). Ср.: ПровЯснуться. Провялиться на солнце. — Вон сколь рЫбы-то провЯслося, зимОй варИ да варИ (Мс.).

РАЗГУЗДАЛОЙ. Расходившийся, разгулявшийся от сна (о ребенке). — КакОт час, а робЁнок-от опеть розгузАлой (Ер.). Ср.: РазгуздАться. Очнуться и протереть глаза. — ЧЁ-то шЫпко ночЕсь згрОхало — йА розгуздАлася и до утрА бОле не сыпАла (Д.).

Еще Г. П. Павский писал[9], что от переходных глаголов прилагательные на -л- не образуются. В современном русском литературном языке в качестве мотивирующих также «выступают непереходные глаголы, преимущественно со значением превращения в состояние»[10].

В окающих нижнетавдинских говорах встречаются единичные прилагательные с суффиксом -л-, образованные и от переходных глаголов.

ВЫДЕРЖАЛОЙ. Выпитый. — У минЯ уж другА рЮмка вЫдержалайа — налевАй сибЕ-ка (Ант.). Ср.: ВЫдержать. Выпить (обычно с дополнением — рюмку, стакан)[11]. — ВЫдержы, навалИ стокАн-от (Д.).

ЗАВОЖЖАЛОЙ. — ЛОшать-та завожжАлайа — везИ покОсникоф-ту (Б). Ср.: ЗавожжАть. Запрячь. — ЗавожжАть нАдо лОшать-ту, запрекчИ (Д.).

ЗАПАТРАЛОЙ. Запачканный, замаранный. — ЗапАтралы-те штанЫ збрОсь, дак йа состирнУ (Ант.). Ср.: Но вот кустЮм запАтрал, гдЕ-ка петнО-то посадИл (Ант.).

ЗАПРОСТАЛОЙ. Заполненный, занятый чем-либо. — ОблевнОй-от горшЭчик пот простакИшой запростАлой, варИ молокО-то в другИм (Ант.). Ср.: Чем ты ведрО-то запростАла? (Д.).

ЗАСКАЛОЙ. Засученный, подвернутый (о рукавах, подоле). — БежЫт по росЕ — заскАлой подОл (Д.). Снял рубАху с заскалым рукавАм — линь вЫдернуть да распрАвить-то (Ант.). Ср.: ЗамИшываш тЕсто-то, дак заскИ рукавА-те (Ант.).

---

[9] Павский Г. П. Филологические наблюдения. Рассуждение II, Спб, 1850, с. 81—82.

[10] Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970, с. 205.

[11] Словарь русских говоров Среднего Урала. /Под ред. П. А. Вовчека.— Свердловск: Ср.-Уральск. кн. изд-во, 1964, с. 101.

СОМУСТИЛОЙ. Любящий подстрекать кого-либо. — По грУзди-те идИ с ОпросИньнёй, а Он сомустИлой — зовЁт, не знАт кудЫ (Д.). Ср.: СомустИть. Подстрекнуть, побудить к какому-либо действию.—СомустИла по йАгоды итти, а веть нечЁ не нАбрали (Ант.). Он тОлько сомустИт, а пОльзы нЕту (Д.).

В описываемых говорах в словообразовательном типе прилагательных на -л- выделяются следующие словообразовательные модели.

1. При образовании прилагательных происходит усечение глагольного суффикса -ну-: внИкнуть — внИклой, захрЯснуть — захрЯслой, мОзгнуть — мОзглой, обрЮхнуть — обрЮхлой, обЫгнуть — обЫглой, развЫкнуть — развЫклой, размОкнуть — размОклой.

2. При образовании прилагательных от глагольных основ на -е-, -а-, -и- на морфемном шве изменений не происходит: владЕть — владЕлой, заколЕть — заколЕлой, измодЕть — измодЕлой, обремшЕть — обремшЕлой; взрЯвкать — взрЯвкалой, нЯвгать — нЯвгалой, окАвержать — окАвержалой, припенЯть — припенЯлой; вилАвой — вилАвилой, дЮжить — дюжИлой и т. д.

3. При образовании прилагательных происходит усечение постфикса -ся: заедАться — заедАлой, закружАться — закружАлой, огибАться — огибАлой, разгуздАться — разгуздАлой и т. д.

В нижнетавдинских говорах некоторые прилагательные на -л- могут обозначать и процессуальный признак. В этом случае они синонимичны действительным причастиям настоящего времени в литературном языке: владЕлой — владЕющий (имеющий силу, хорошо действующий); болЕзновалой — болЕзнующий (сочувствующий кому-либо); припенЯлой — припенЯющий (постоянно жалующийся на свою «неудавшуюся» жизнь).

Большая часть анализируемых прилагательных синонимична действительным причастиям прошедшего времени в литературном языке: захрЯслой — затвердевший; задубЕлой — загорЕвший, покрывшийся загаром; зачИчеревелой — засохший, переставший расти; закружАлой — сбившийся с пути; зарОслой — заросший; набУзгалой — наевшийся, напившийся; постарЕлой — постарЕвший; прорОслой — прорОсший и др.

В некоторых прилагательных преобладает качественный признак: закоренЕлой — коренной (житель); обремшЕлой —

очень ветхий; отемнЕлой — слепой; солодЕлой — вялый, без живости и др.

В данных говорах имена прилагательные с суффиксом -л- образуются в основном от префиксальных глаголов: выгибАлой, возгудАлой, доспЕлой, задубЕлой, засахарЕлой, завожжАлой, зарОслой, отемнЕлой, прорОслой, разжидЕлой, расслабЕлой, совладЕлой, сомлЕлой и т. д.

От беспрефиксальных глаголов прилагательные на -л- образуются, видимо, реже. В наших материалах это следующие слова: бесЕдовалой, болЕзновалой, вилАвилой, владЕлой, гнусИлой, дрегАлой, дюжИлой, лЕглой, мОзглой, нЯвгалой, палыгАлой, сидЕлой, солодЕлой.

В современном литературном языке имена прилагательные с суффиксом -л- образуются как от префиксальных, так и от беспрефиксальных глаголов, но в известной нам литературе нет вывода о том, какие глаголы (префиксальные, беспрефиксальные) регулярнее образуют прилагательные на -л-.

Анализируемый материал свидетельствует о том, что в нижнетавдинских говорах прилагательные с суффиксом -л- образуются от глаголов, характерных для литературного языка, но от них в нормированном языке прилагательные на -л- не образуются. Например: бесЕдовалой — беседовать, владЕлой —владеть, внИклой — вникнуть, гнусИлой — гнусить, завожжаАлой — завожжать, зарОслой — зарасти, доспЕлой — доспеть, лЕглой — лечь (лег), постарЕлой — постареть, размОклой—размокнуть; рОслой—расти; сомустИлой — сомустИть; солодЕлой — солодЕть; сомлЕлой — сомлеть, сидЕлой — сидеть и др.

Значительную группу составляют имена прилагательные, образованные от диалектных глаголов: болЕзновалой — болЕзновать, вилАвилой — вилАвить, вЫбасилой — вЫбаситься, взрЯвкалой — взрЯвкать, дюжИлой — дЮжить, заскАлой — заскАть, запАтралой — запАтрать, запростАлой — запростАть, зачИчеревелой — зачИчереветь, заедАлой — заедаться «заводить ссору», измодЕлой — измодЕть, мОзглой — мОзгнуть, набздавАлой—набздавАть, набУзгалой — набУзгаться, нЯвгалой — нЯвгать, обрЮхлой — обрЮхнуть, окАвержалой — окАвержать, окОржавелой — окОржаветь, обЫглой — обЫгнуть, обнаторЕлой — обнаторЕть, огрязнЕлой — огрязнЕть, ошИршевелой — ошИршеветь, обремшЕлой — обремшЕть, провЯслой — провЯснуть, припенЯлой — припенЯть, палыгАлой — палыгАть, прикоренЕлой — прико-

ренЕть, разботЕлой — разботЕть, разгуздАлой — разгуздАться, ушАврелой — ушАвреть и др.

Прилагательные на -л- образуются в говорах от просторечных глаголов: захрЯслой — захрЯснуть, заколЕлой — заколЕть, задубЕлой — задубЕть, совладЕлой — совладЕть.

Выводы

1. Имена прилагательные с суффиксом -л- в окающих старожильческих говорах Нижнетавдинского района Тюменской области в основном образуются по тем же правилам, что и в литературном языке.

Имена прилагательные с суффиксом -л- в говорах относятся к одному словообразовательному типу, мотивируясь глаголами.

Образование прилагательных с суффиксом -л- происходит по моделям, характерным для нормированного языка и для окающих говоров Нижнетавдинского района.

2. Наблюдаются отклонения от нормированной формы русского национального языка.

Прилагательные с суффиксом -л- образуются в описываемых говорах от непереходных и переходных глаголов, тогда как в литературном языке образований от переходных глаголов не наблюдается.

В нижнетавдинских говорах прилагательные с суффиксом -л- возможны от глаголов на -и(ть), в то время как в литературном языке слова данной категории от основы инфинитива с гласным «и» не образуются.

В данных говорах база мотивирующих глаголов отличается от литературного языка: прилагательные на -л- образуются и от диалектных глаголов, и от литературных, не образующих в нормированном языке прилагательных с суффиксом -л-.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ан.— Антипино
Анд.— Андрюшино
Ант.— Антропово
Б.— Бугры
Б.-З.— Большая Заморозовка
В.— Велижаны
Д.— Девятково
Ел.— Елань
Ер.— Еремино
К.— Крысовка
Л.— Летняя
Мс.— Мияссы
Н.-Т.— Нижняя Тавда
Пч.— Паченка
Чр.— Черепаново

О. А. ЛЮБИМОВА

БЕЗУДАРНЫЙ ВОКАЛИЗМ ПОСЛЕ ТВЕРДЫХ СОГЛАСНЫХ В СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРАХ АЛТАЯ

Заселение Алтая русскими началось на столетие позже, чем это происходило в других местах Западной Сибири. Первые русские поселения появились лишь во втором десятилетии XVIII в. Переселенцы прибывали из разных мест, разными путями и в разное время. В течение всего XVIII в. сюда стекались не только выходцы из различных губерний Европейской России, но из ранее заселенных мест Урала и Сибири путем так называемой «ползучей» миграции. Уже на первом этапе заселения на Алтае столкнулись самые разнообразные группы русского населения: служивые люди разного происхождения (были среди них запорожские и донские казаки), всякого рода ссыльные (стрельцы, старообрядцы разного толка и т. д.), беглые, крестьяне и мастеровые, рабочие люди, присылаемые на Колывано-Воскресенские заводы. Специфика заселения региона не могла не сказаться на диалектном составе первопоселенцев: с самого начала он был смешанным. Среди поселившихся на Алтае были носители всех трех типов русских говоров: севернорусы, среднерусы и южнорусы. До середины XVIII в. численно преобладали севернорусы, а во второй половине XVIII в. акающие переселенцы составляли уже более 50% общего количества прибывших [1]. Особое место среди ранних поселенцев Алтая занимают так называемые «поляки», сосланные правительством Екатерины II в 60-е гг. XVIII в. в б. Змеиногорский уезд Колывано-Воскресенского округа. По своему происхождению южнорусы, они получили такое название из-за временного проживания на территории Стародубья и Поль-

---

[1] Любимова О. А. К вопросу о заселении Алтайского края в XVIII веке в связи с историей формирования старожильческих говоров.— В сб.: Языки и топонимия Алтая, Барнаул: Изд-во Алт. госун-та, 1981, с. 68—78.

ской Ветки, куда бежали от преследования за религиозные убеждения. Ныне они сохраняют южнорусский говор[2].

Во все периоды заселения Алтая состав переселенцев был многонациональным. Так, в XVIII в. сюда было сослано немало украинцев, белорусов, а также немцев, шведов, литовцев, Все они с течением времени были ассимилированы русскими.

Разнодиалектный состав материнских говоров не мог не сказаться на характере складывающихся здесь старожильческих говоров как говоров вторичного образования: одни из них формировались преимущественно на севернорусской основе, другие — на смешанной, полидиалектной.

Современная диалектная обстановка на Алтае является очень сложной. В пределах одного населенного пункта здесь часто сосуществуют старожильческие говоры, начавшие складываться в XVIII в., и говоры «новоселов», так называемых «российских» (переселенцев второй половины XIX — XX вв.), которые еще сохраняют диалектные особенности тех русских говоров, с территории распространения которых их предки прибыли в Сибирь. Во всех населенных пунктах, основанных в XVIII в., носители старожильческого говора в настоящее время находятся в меньшинстве, и их количество с каждым годом уменьшается. Вот почему изучение старожильческих говоров нам представляется первоочередной задачей. Между тем эти говоры на Алтае изучены крайне слабо. Так, анализу вокализма старожильческих говоров на территории б. Барнаульской волости Бийского уезда (совр. Топчихинский, Алейский, Усть-Пристанский, Волчихинский, Баевский, Ребрихинский районы) повящена статья А. И. Ивановой[3]. Сведения о вокализме старожильческого говора с. Старая Ажинка Солтонского района содержатся в статье Г. П. Лупповой[4], на территории Горного Алтая — рассматривается во введении к кандидатской диссертации

---

[2] Байрамова Т. Ф. Безударный вокализм говора с. Топольного Солонешенского района Алтайского края. — В сб.: Русские говоры Сибири, Томск: Изд-во Томск. госун-та, 1981, с. 170—177.

[3] Иванова А. И. Русские говоры на Алтае (краткий фонетический очерк по материалам экспедиций кафедры русского языка БГПИ). — Учен. зап. Барнаульск. педин-та, Барнаул, 1966, т. VIII, с. 176—189.

[4] Луппова Г. П. Некоторые сведения о говоре с. Старая Ажинка Солтонского района Алтайского края (фонетико-морфологический очерк). — Учен. зап. Барнаульск. педин-та, Барнаул, 1966, т. VIII, с. 189—198

В. Н. Богданова[5] и В. Я. Сениной[6], в статье В. Г. Упхонова[7]. Вокализм старожильческих говоров на остальной территории Алтайского края остается неизученным.

Настоящая статья посвящена вокализму старожильческих говоров Обского Правобережья и говоров к югу от Оби, расположенных на территории, подвергавшейся русской колонизации в XVIII в. Материалом для анализа послужили магнитофонные записи автора и студентов Алтайского госуниверситета 1977—1982 гг. (См. список обследованных сел).

Типичной чертой старожильческих говоров Алтая повсеместно является неполное недиссимилятивное аканье, при котором в 1-м предударном слоге гласные неверхнего подъема совпадают в слабой фонеме [А] перед любой ударной гласной, а в слабых безударных позициях — в редуцированном гласном среднего ряда, среднего подъема, обозначаемом в транскрипции значком ъ. Например: пъмага́ла, мълада́йа, нъклада́йут, пъмало́жы, инъклад'о́т, в ваде́, нъ траве́, мълады́, нъкладу́т и др. **В позиции 1-го предударного слога** слабая фонема [А] выступает заместителем двух гласных неверхнего подъема. Таким образом, в 1-м предударном слоге различаются три гласных: И(Ы). У, А, во 2-м и далее предударном и в заударных слогах выступают также три гласных: И(Ы), У, Ъ, противопоставленные по подъему и по наличию или отсутствию **лабиализации.**

Аканье в русских говорах на Алтае — явление старое. Отражение его мы находим в доношениях волостных старост, прошениях крестьян и горно-заводских рабочих XVIII в., например: правиянту, Ерафей, начевала, манет, правинцыи и др. (ГААК, ф. 1, оп. 1, д. 47, л. 3 и далее)[8].

Наряду с нормативной чертой на периферии системы существует различение гласных неверхнего подъема в безударных слогах. Разрушающееся оканье наблюдается у от-

---

[5] Богданов В. Н. Лексика мараловодства как составная часть лексической системы языка (на материале сёл Талицкого сельсовета Усть-Канского района Горно-Алтайской АО). Дис. ... канд. филол. наук (рукопись). — Горно-Алтайск, 1965.

[6] Сенина В. Я. Именное и местоименное склонение в русских старожильческих говорах Горного Алтая. Дис. ... канд. филол. наук (рукопись). — Томск, 1973.

[7] Упхонов В. Г. Акающие говоры Уймонской долины Горно-Алтайской АО Алтайского края. — Учен. зап. Бурятск. педин-та, Улан-Уде, в. 28, 1967.

[8] Государственный Архив Алтайского края.

дельных лиц старшего поколения на территориях с наиболее ранним русским заселением — в Тальменском, Залесовском, Усть-Пристанском, Панкрушихинском районах. В их говоре предударный [О] характеризуется большой открытостью и широтой, чем [О] в той же позиции в материнских северно-русских говорах на исконно русской территории. В речи одних и тех же лиц наряду с [О] в 1-м предударном слоге могут выступать его артикуляционные варианты Оᵃ и А̊О, представляющие собой слабо лабиализованные гласные, более открытые, чем О, и при этом модель оканья, то есть различение четырех слабых фонем, не нарушается. Например: приходили, пъ°золи́м, бол'шы́ (Тундриха Залесовского р-на), родитьл', ма°ло́тим (Луковка Панкрушихинского р-на). па°шли́, на ба°ку́ (Анисимово Тальменского р-на); воро́бы, долго́й (Тундр. Залесовского р-на) колхоза, роᵃбо́тат', молоко́, въ°локно́, (Зыково Панкрушихинского р-на), моᵃйо́й, хъ°рошо́, поᵃмно́гу (Луковка Панкрушихинского р-на) ха°лодный, ма°йо́ва (Анисимово Тальменского р-на); поᵃсе́ит (Тундр. Залесовского р-на), гвоздей, посе́ит (Луковка Панкрушихинского р-на), пъ°лоскат', поᵃка (Тундр, Залесовского), съма°вары, га°ст'ами (Зыково Панкрушихинского); сновали во двора́х (Луковка Панкрушихинского, поᵃставле́нный (Анисимовка Тальменского) и др. В речи тех же лиц отмечены случаи акающего произношения: саба́ки, на красна́х, даска́, падва́лы, ската́, харо́шы, пато́м, мъслабо́йки, съмаде́л'ны, мали́лис'; кас'тика' наси́ли' (Луковка Панкрушихинского р-на), снавали, красна́, халста́, мълачко, пато́м (Тундриха Залесовского р-на), дамой, пашел. пъмага́ла, дама́, в даму́ (Анисимовка Тальменского р-на) и др. При наличии аканья в речи тех же лиц предударный [О] практически сохраняется в положении перед всеми ударными гласными, при этом большую роль в сохранении [О] играют соседние губные и задненебные согласные, оказывающие лабиализующее воздействие на сочетающийся с ними гласный. Исходя из соотношения примеров с различением и неразличением гласных неверхнего подъема в 1-м предударном слоге в говорах с разрушающимся оканьем на Алтае, можно выделить два сосуществующих переходных типа вокализма. При первом типе гласных [О] чаще удерживается перед ударным [О] (до 50% из слов с сохранением [О]), при втором типе — перед [И] и [О] (55% из общего количества слов с сохранением [О]). Представим эти типы в виде следующих таб-

1-й тип

Ударные гласные	Гласный в 1-м предударном слоге	
И, У, Е, А	О —] — А А —	савы, травы саву, траву саве, траве сава, трава
О	А] — О А — [А	совой, травой

2-й тип

Ударные гласные	Гласный 1-го предударного слога	
У, Е, А	О —] — А А —	саву, траву саве, траве сава, трава
И, О	О] — О А — [А	совы, травы совой, травой

лиц: первая модель представляет собой отражение ассимилятивного оканья, известного в переходных говорах на исконно русской территории и в говорах на территориях позднего заселения. Этот тип является заключительной стадией при переходе от оканья к аканью. Второй переходный тип вокализма был в 60-е гг. отмечен А. И. Ивановой в говорах с разрушающимся оканьем у части старожилов в д. Вяткино Усть-Пристанского района и д. Зимино Ребрихинского района. При этом исследователь указывала, что в обследованных районах «не встретилось ни одной старожильческой деревни, в которой бы у всех носителей традиционного говора сохранилось оканье» и что «у одних оканье оказывается менее стойким перед ударным А, у других — перед Е, У» [9].

При обследовании этих говоров мы не обнаружили такой строгой закономерности. Наши материалы (1981 г.) свидетельствуют о том, что за прошедшее время произошло дальнейшее разрушение системы оканья и переход от начальной стадии разрушения (ассимилятивное аканье) к его последней стадии — ассимилятивному оканью. Аналогичный процесс исследования наблюдали и в других старожильческих говорах Алтая. Так, в конце 50-х гг. разрушающееся оканье, переходящее в аканье, отметил В. Н. Богданов в талицком говоре Горно-Алтайской автономной области [10]. В конце 70-х гг. при переобследовании этого говора В. Я. Сенина обнаружила, что за прошедшее время в нем произошли

[9] Иванова А. И. Указ. раб., с. 180.

[10] Богданов В. Н. Лексика мораловодства как составная часть лексической системы языка (на материале сел Талицкого сельсовета Усть-Канского района Горно-Алтайской АО). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Горно-Алтайск, 1965, с. 5.

изменения. Вокализм этих говоров исследователь определила как акающий с остатками оканья (у 10% всего количества старожилов). Аналогичное явление она отметила и в уймонском говоре, в котором лабиализованный гласный чаще всего удерживается в сочетании с губными и задненебными согласными[11]. Единичные случаи лабиализации предударного гласного в сочетании с губными и задненебными согласными мы наблюдали у отдельных лиц старшего поколения в Первомайском, Косихинском, Лосихинском, Топчихинском, Панкрушихинском районах. Эти случаи являются реликтами разрушившихся систем северно-русских материнских говоров, участвовавших в формировании старожильческих говоров на Алтае. В XIX в. оканье здесь было распространено, очевидно, гораздо шире, чем теперь. Так, известный алтайский краевед, этнограф и фольклорист С. И. Гуляев в 30-е гг. XIX в. писал: «Говор жителей Южной Сибири, населенной преимущественно выходцами из северо-восточной России, северно-русский, господствующий в Новгородской, Олонецкой, Ярославской, Костромской и др. смежных губерниях. Главное его отличие от мягкого говора средней России состоит в резком произношении буквы «о». Здесь же С. И. Гуляев указывает и на наличие акающих говоров на Алтае. «Произносить вместо О букву А, например в словах харашо, пайдём, называется говорить свысока»[12].

Старожильческие говоры Алтая с акающей системой вокализма и остатками оканья, с разрушающимся оканьем у отдельных лиц старшего возраста примыкают к соседним говорам Южного Кузбасса. В 50-е гг. исследователь В. И. Панов указывал на аканье в кузнецких говорах и отмечал разрушающееся оканье в нескольких населенных пунктах по правому берегу Томи в Кузнецком районе Кемеровской области (дд. Березово, Ильинка, Красулино, Антоново, Бызово, Митино, Мокроусово, Телеуты). Он охарактеризовал это оканье как неоднородное и ослабленное, при котором «в речи всех окающих старожилов наблюдаются некоторые элементы аканья»[13]. Причем аканье, как и в наших говорах, прежде всего развивалось перед ударными гласными [Е], [А], [У].

[11] Сенина В. Я. Указ. раб., с. 5.

[12] Гуляев С. И. Былины и песни Южной Сибири. /Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1958, с. 43.

[13] Панов В. И. Местные русские говоры Кузнецкого района Кемеровской области. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955, с. 4.

Различные этапы перехода от окающей системы вокализма к аканью известны и в других старожильческих говорах Сибири. Так, например, ассимилятивное аканье Н. А. Цомакион отмечала в с. Верхне-Имбатском и Подкаменной Тунгуске Туруханского района Красноярского края[14]; в 60-е гг. А. И. Иванова обнаружила проникновение аканья в позиции перед ударными [Е], [А], [У] в говорах северо-западной части Енисейского района Красноярского края[15]; отсутствие определенной системы при переходе от оканья к аканью отмечала В. В. Алехина в говоре старожилов Емельяновского района Красноярского края[16], В. В. Палагина — в говоре д. Заливино Тарского района Омской области[17], А. А. Пыхтеева — в говоре Муромцевского района Омской области[18]. Все это свидетельствует о том, что развитие системы безударного вокализма от оканья к аканью, обнаруженное у части носителей старожильческого говора на Алтае, развивается в соответствии с общерусской тенденцией, что происходит как по внутренним языковым законам, так и под влиянием окружающих акающих говоров. Говоря о произношении гласных неверхнего подъема во 2-м и далее предударном слоге, следует отметить, что при преобладании неполного аканья в речи отдельных старожилов-сибиряков старшего поколения отмечаются следы полного аканья: малирия, маладуха, сабирали и др. Отсутствие редукции проявляется спорадически и чаще всего при замедленном темпе речи. Говоры с полным аканьем исследователи отмечали в Горном Алтае[19], остатки полного аканья отмечены Г. П. Лупповой в с. Старая Ажинка Солтонского района Алтайского края[20].

---

[14] Цомакион Н. А. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск, 1966.

[15] Иванова А. И. Вокализм старожильческого говора северо-западной части Енисейского района Красноярского края. — Учен. зап. Красноярск. педин-та. Материалы 4-й сибирской зональной конференции кафедр русского языка. Красноярск, 1960, т. 16, с. 214—265.

[16] Алехина В. В. Говор северо-восточной части Емельяновского района Красноярского края. — Учен. зап. Красноярск. педин-та. Серия историко-филологическая, Красноярск, вып. 1, т. 13, 1958.

[17] Палагина В. В. Фонетические особенности говора д. Заливино Тарского района Омской области. — В сб.: Тр. Томск. госун-та. Четвертая научная конференция Томского госуниверситета им. В. В. Куйбышева. Серия языкознание. Томск, 1955, т. 129, с. 16—17.

[18] Пыхтеева А. А. Фонетические особенности говоров некоторых сел Муромцевского района Омской области. — В сб.: Вопросы сибирской диалектологии, Омск, 1975, в. 1, с. 60.

[19] Богданов В. Н. Указ. раб; Сенина В. Я. Указ. раб.

[20] Луппова Г. П. Указ. раб., с. 192.

В заударных слогах гласные неверхнего подъема, находясь в суффиксах и флексиях, стремятся к совпадению в [А] под влиянием грамматической аналогии, наряду с А в тех же словах и позициях может выступать и редуцированный: с аре́хами, канфе́тами, абраба́тывъйут, го́лъву; стари́ннай, палсо́тинкай, гас'ти́нцаф, пъгл'ану́лас', убе́гъм, циве́стъй, го́рът; пра́вда, йа́ма, сва́тайутца, мъладо́ва, пр'а́мъ, то́л'къ, вир'о́фкъ и др.

В абсолютном начале слова гласные неверхнего подъема обычно совпадают в [А]: аташла́, акружы́ли, атруби́л, атр'апа́ли, адева́ли, атво́ды и др. У лиц, в говоре которых наблюдаются реликты оканья или разрушающееся оканье, изредка наблюдается различение гласных О, А в слабых безударных позициях и в абсолютном начале слова: солонцы́, гъ^{0}вори́т, а^{0}пе́т', войива́л, а^{0}пе́т', оглю́бли, обу́тки и др. Это явление представляет собой осколки тех северно-русских говоров, которые участвовали в формировании старожильческих говоров Алтая, сложившихся на разнодиалектной основе при ведущей роли северно-русских материнских говоров преимущественно на территории тех районов, которые были заселены русскими до середины XVIII в.

СПИСОК ОБСЛЕДОВАННЫХ СЕЛ

Бийский район
Булаииха
Малоугренева
Новочемровка
Савиново
Соколово
Фоминское
Шубенка

Благовещенский район
Леньки

Быстроистокский район
Новопокровка

Ельцовский район
Ельцовка
Черемшанка

Залесовский район
Залесово
Пролетарская крепость
Тундриха

Калманский район
Бураново
Зимари
Калистратиха
Калманка
Шадрино

Косихинский район
Косиха
Лосиха

Кытмановский район
Дмитро-Титово
Кытманово

Краснощековский район
Верх-Калманка
Маралиха
Суетка

Мамонтовский район
Кадниково
Мамонтово

Павловский район
Елунина

Панкрушихинский район
Зыково
Луковка

Панкрушиха
Подойниково

Первомайский район
Загайново
Первомайское

Ребрихинский район
Клочки
Подстепное

Смоленский район
Белокуриха
Смоленское

Советский район
Красный Яр
Сетовка
Советское

Солтонский район
Макарьевка
Солтон

Сорокинский район
Сорокино
Тягун

Тальменский район
Анисимово
Озерки
Тальменка

Тогульский район
Старый Тогул
Тогул

Топчихинский район
Зимино
Чистюнька

Третьяковский район
Екатерининское
Новоалейское
Староалейское

Троицкий район
Петровка
Хайрюзовка

Тюменцевский район
Тюменцево

Усть-Пристанский район
Вяткино
Усть-Чарышская пристань

Целинный район
Еланда

Чарышский район
Маралиха
Чарышское

Г. М. МИХАЙЛОВА

ФОРМЫ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА МЕСТОИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ В РЕЧИ ПЕРВОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ г. ТОМСКА

Состав первых русских жителей Томска в начале XVII в. был разнодиалектным[1]. Основную часть его представляли севернорусы и москвичи, было среди первонасельников Томска и несколько носителей южно-русских говоров.

Для реконструкции грамматических форм речи первого русского населения Томска выбрана форма родительного падежа ед. числа мужского и среднего рода местоименного склонения как одна из вариантных форм в письменности XVII в. Источником реконструкции служат памятники народно-разговорного языка XVII в., отражающие говоры, представленные в речи томского населения.

Так как среди основателей Томска наиболее многочисленным были носители восточной (вологодской) группы северно-русского наречия, обратимся прежде всего к памятникам, отражающим эти говоры. В них обнаруживаются следующие написания интересующих нас окончаний: -ОГО (-ЕГО), -ОВО (-ЕВО), -ОВА (-ЕВА), -АГО (-ЯГО). В Таможенных книгах Устюга Великого 1633—1634 гг., Сольвычегодска 1634—1635 гг., Тотьмы 1634—1635 гг. чаще встречаются формы на -ОГО (-ЕГО)—248 употреблений: осталого прошлого году (15)[2] таможенного збору (309), денежного збору (412) и др. Написаний форм с -ОВО (-ЕВО) в данных памятниках гораздо меньше, они обнаружены всего 53 раза: бархату рытово (14), сукна белово (300), гостиново (409) и др. Формы на -АГО зафиксированы только в Таможенной книге

[1] Палагина В. В. Диалектный состав первых жителей Томска.— В кн.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1971, с. 98—105.

[2] См. список использованных источников. Цифрой в скобках обозначен номер страницы источника.

Устюга Великого 1633—1634 гг.: Усольскаго уезда — 8 раз, с кафтана шубного (12), нынешняго... году (11).

Редкое написание форм на -АГО объясняется спецификой записей в этих книгах: однообразным перечислением таможенных товаров, топонимов и антропонимов. Такое перечисление, определенные традиции в заполнении этих книг, когда можно обходиться лишь формами двух падежей — именительного и родительного — все это препятствовало употреблению церковнославянских окончаний. Здесь нет подходящей ситуации торжественности, которую можно было бы стилистически выразить соответствующим образом. Следует также отметить, что в условиях северно-русского окающего произношения мы, естественно, встретим гораздо меньше форм с безударной флексией -АГО в разговорно-просторечных словах и нейтральных в стилистическом отношении контекстах. Редкое появление окончания -АГО в северно-русской письменности XVII в. без особой стилистической установки можно объяснить общим для всего русского языка XVII в. процессом распада церковно-славянской системы.

Оканчания с «В» встречаются в фамилиях (у Кирила Босово), в названиях сборов (гостиново, ярыжново), в определениях конкретных имен существительных (сукна белово, сала ворванново, мыла тугово, хрящу тонково и толстово, плохово и белово лесу, проса мелково), в названиях промыслов (с соляново промыслу). Несомненно, что все эти случаи разнообразного употребления окончания -ОВО говорят о том, что оно бытовало в живой речи севернорусов.

Встречаются случаи, когда одно словосочетание пишется в одной и той же таможенной книге по-разному: сукна аглинсково (2 раза) — сукна аглинского (1 раз), железа белово (1 раз) — железа белого (4 раза), у Кирила Босово (1 раз) — у Кирила Босого (2 раза).

Подавляющее большинство случаев с -ОГО во всех рассмотренных Таможенных книгах составили топонимы, с которых начинается каждая запись. Этот факт позволяет предположить, что окончание -ОГО отражает формирующуюся норму делового стиля. Об этом говорит и традиционное построение начальной фразы записей: «Того же дни Усольского у. Подосиновской в. ... (с. 12), того же дни Галицкого у. с. Юзы»... (с. 49) и т. д.

В использованных нами вологодских памятниках тоже встречаются различные написания с -ОГО (74 раза): старца

пьяног (17), из большого сусЪка[3] (19). Спаса-Прилуцког мнстря (21) и др.; с -АГО (39 раз): Павласкаго (16), Любима Столбицкаго (16), против осмаго числа (19) и др.; с -ОВО, -ОВА (16 раз): с Глубоково Илинъског приходу (23), выводново крестьянина (23), льянова прядена (50) и др.

Как видим, флексия -ОГО численно преобладает. Она зафиксирована в названиях монастырей (Прчстенского мнстря — 5 раз), в топонимах (Сергиевского ключа — 1 раз, из Тотомского уЪзду — 8 раз, села Григоривского — 2 раза, ЛЪжского волоку — 5 раз и др.), в антропонимах (Бгословкого), в прилагательных, связанных по значению с христианством (свтителског ведома, преосвещенного Симона и др.), в царском титуле «великого государя».

Сфера сочетаемости и распространения прилагательных на -ОВО, -ОВА шире, чем у прилагательных на -ОГО: выводново крстьянина; прямово слова; слова вЪрново; хмельново, доброво, старово; до платя поповсково; мирсково збору: против прежнево досмотру, сверх суднова дЪла, третейсково приговору, с Глубоково Илинъског приходу. Формы с «В» появляются обычно тогда, когда рассказывается житейская ситуация и автор взволнован. «Меня мученово и зженово», «меня хмельново посадил», — читаем в двух челобитных о краже.

В челобитных к представителям высшего духовенства от крестьян и представителей низшего духовенства очень много форм с окончанием -АГО, которые употреблены в церковнославянской лексике и несут стилистическую функцию книжности, торжественности (всемлстиваг Спса, происхождения чстнаго и животворящаго крста гсдня, прпдбнаго чюдотворца и др.).

Л. Ф. Копосов отмечает, что в вологодских говорах XVI—XVII вв. (до середины XVII столетия) «родительный падеж мужского и среднего рода употребляется преимущественно в формах -ОВО (-ЕВО). Гораздо реже встречаются написания -ОГО (-ЕГО)»[4]. Формы с -ОГО в настоящее время встречаются в архангельских говорах, на территории Поволжья.

---

[3] По техническим причинам букву «ять» обозначаем знаком Ъ.

[4] Копосов Л. Ф. Вологодские говоры XVI—XVII вв. по данным деловой письменности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1971, с. 15.

А. И. Толкачев приводит данные конца XIX — начала XX в. о том, что в Сольвычегодском уезде Вологодской области наряду с -ОГО встречается и -ОВО[5].

С. И. Котков отмечает в монастырских рукописях XVII— начала XVIII в. Владимирского уезда следы произносительной нормы в родит. падеже ед. числа прилагательных и неличных местоимений мужского и среднего рода -ОВО: годовова, плужново, ржанова[6].

Таким образом, можно сказать, что в XVII в. в вологодских, архангельских, владимирско-поволжских говорах форема родит. падежа ед. числа прилагательных мужского и среднего рода употреблялась с окончанием -ОВО. Так как окончание с «Г» встречается в настоящее время в архангельских, карельских, поволжских, вологодских говорах, оно, вероятно, бытовало в тех же говорах в XVII в. параллельно с окончанием -ОВО. Но предпочтительной в живой речи была флексия с «В».

Следовательно, в речи севернорусов, основателей Томска, в формах родительного падежа ед. числа прилагательных и неличных местоимений мужского и среднего рода преимущественно употреблялась флексия с «В». Параллельно встречалось и окончание с «Г».

Подавляющая часть среднерусов, первонасельников Томска, состояла из москвичей. Поэтому мы обращаемся к московским памятникам XVII в., зафиксировавшим черты московского произношения. В сборнике «Московская деловая и бытовая письменность», содержащем письма и челобитные, обнаружены формы на -ОГО (269 употреблений): кружечного двора (№ 1, 15)[7], создавщего влдки (№ 2, 17), кнзь Григоря... Козловского (№ 2, 15) и др., на -АГО (46 употреблений): всещедраго влдки (11 а, 28), вчерашняго числа (13 в, 33) и др.; на -ОВО/-ОВА (69 употреблений): сукна аглийског зеленово (№ 2, 44), у князь Ивана Алексеевича Воротынскова (№ 2, 20) и др.

---

[5] Толкачев А. И. Об изменении -ОГО в -ОВО в родительном падеже единственного числа мужского и среднего рода членных прилагательных и местоимений русского языка. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского языка. — М., 1960, с. 251.

[6] Котков С. И. Монастырские фонды рукописей во Владимирском областном архиве XVII — начала XVIII в. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 222.

[7] Первая цифра в скобках обозначает номер документа, вторая — страницу в сборнике.

Обращает на себя внимание значительная количественная разница в употреблении форм на -ОГО и -ОВО, -ОВА: 269 раз и 69. Нельзя не согласиться с Р. Ф. Титовой, отметившей сравнительно высокую грамотность писцов[8]. Мы обнаружили, что в царском титуле «великого гсдря» прилагательное пишется с «Г» (56 случаев). Окончание -ОГО часто встречается в топонимах, фамилиях, названиях Приказов и т. д.

Формы с «В» представлены чаще в бытовой лексике, а также отмечаются в топонимах, фамилиях, значительно реже — в названиях дворов, Приказов. Например, в названиях Приказов окончание -ОГО обнаружено 23 раза, а -ОВО, -ОВА — всего 3 раза.

В нескольких челобитных, изобилующих орфографическими ошибками, чаще находим формы с «В» даже в лексике, связанной с христианством, и в прилагательном «государский»: гсдрьскаво годовава жалываня (№ 37, 62), отца моево духовново (№ 61, 74), свтителскова патриарша двара (№ 11, 49). По этому поводу Н. Ф. Молчанова справедливо замечает: «Новообразование, даже единичное, зафиксированное в устойчивой конструкции, свидетельствует о значительном развитии процесса в народно-разговорной речи»[9]. Поэтому формы с «В» можно считать живыми, разговорными.

С. И. Котков фиксирует в качестве фонетико-морфологической особенности как устной разновидности литературного языка, так и старого московского говора оформление родит. падежа ед. числа в местоименном склонении посредством окончания с «В», а не с «Г».[10]

Формы на -АГО употребляются со стилистической окраской торжественности, в церковно-славянской лексике: свтЂишаг патриарха (№ 11, 49), всещедраго влдки (№ 10 б, 28), двароваго своего члвка (137, 121). Последнее может являться и следствием акающего произношения, как отмечает Р. Ф. Титова[11].

[8] Титова Р. Ф. Местоименное склонение имен прилагательных в Азовских записных книгах конца XVII в. — Изв. Воронеж. пед. ин-та, Воронеж, 1956, т. 20, с. 118.

[9] Молчанова Н. Ф. К вопросу об отражении морфологического процесса в памятниках письменности. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964, с. 81.

[10] Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1970, с. 241.

[11] Титова Р. Ф. Указ. раб., с. 118.

Итак, формы с «В» были в XVII в. разговорными. Очевидно, написание форм с «В» в письмах и документах, отражающих низкую грамотность писцов, свидетельствует о том, что окончание -ОВО', -ОВА не могло быть нормой приказного языка.

Формы с «Г» господствуют в письмах и челобитных грамотных лиц, используются в устойчивых традиционных оборотах: великого гсдря, многолѣтного здоровья и др.

Следовательно, в речи москвичей, присланных в начале XVII в. в Томск, употреблялись формы с «В». В начале XVII в. в Томске было также несколько южнорусов.

А. И. Толкачев предполагает, что формы на -ОВО, -ОВА в южно-русских говорах обязаны своим происхождением влиянию северно-русских говоров [12].

В исследованиях П. С. Кузнецова и Н. Н. Дурново [13] утверждается, что формы с «В» появились в южно-русских говорах под влиянием московского произношения сравнительно поздно.

С. И. Котков доказывает, что это не так. Обследовав орловско-курские говоры, он пришел к выводу, что в этих говорах окончание с «В» почти безраздельно господствует [14]. Впервые обратившись к материалам частной переписки XVII в. южно-русского происхождения и обнаружив там формы с «В», С. И. Котков опроверг предположение П. Я. Черных о том, что в XVII в. население старой южно-русской области было сплошь «гокающим». С. И. Котков не отрицает влияния московского приказного языка на областные разновидности, но утверждает, что московский приказной язык оказывал влияние на сравнительно ограниченный круг носителей южнорусского наречия и не мог вытеснить к XVII в. областные разновидности, так как этот период является лишь началом формирования национального языка. Поэтому свойственное устной форме литературного языка окончание с «В» представляется возможным выводить не только из говоров северно-русского наречия, но и из южно-русского [15]. Широкое распро-

[12] Толкачев А. И. Указ. раб., с. 257.

[13] Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, с. 167; Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 149.

[14] Котков С. И. Южно-великорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология). М., 1963, с. 188.

[15] Там же, с. 188.

странение форм с «В» в южно-русских памятниках отмечено и целым рядом других исследователей [16].

Таким образом, можно предполагать, что в XVII в. формы имен прилагательных и неличных местоимений в родит. падеже ед. числа на -ОВО, -ОВА, -ВО были представлены в живой речи на территории современных Брянской (восточные районы), Курской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Калужской областей.

Что касается современных южно-русских говоров, то, по свидетельству С. И. Коткова, в рязанской группе говоров формы с «В» преобладают, а в орловских почти господствуют. Данная форма повсеместно распространена также в юго-западных областях РСФСР (Калужская, Тульская, восточные районы Брянской области, Курская области).

А. И. Толкачев, делая замечание о влиянии языка деловой письменности Москвы на живую народную речь, опирался на деловые памятники XVI—XVII вв., в частности, на тульские писцовые книги, где встречаются написания как с «Г», так и с «В». Исследователь считает, что написание типа «ТАГО» ясно указывает на живую разговорную форму, а формы на -ОВО, -ОВА явно заимствованы из широко распространенного и хорошо известного приказного языка, поэтому в написаниях — «до старова писцовова кургана», «до маладова дубка» и др. А. И. Толкачев видит в корне слова отражение живого акающего произношения, а в окончании — влияния делового письменного языка [17]. Нам кажется сомнительным тот факт, что писцы, широко отражая живое произношение в корне, в написании окончаний ориентировались на деловой письменный язык, тем более что орфографические нормы в то время еще не были установлены. Кстати, дан-

[16] Савченко Н. Ф. Калужские говоры XVII в. по данным местной письменности (Фонетика и морфология): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1966, с. 8; Оловеникова Т. С. Рукописные материалы XVII—XIX вв. в Орловском областном архиве. — В кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 240; Шульга М. В. Частная переписка XVII — начала XVIII в. как источник исторической диалектологии. — Учен зап. Моск. пед. ин-та им. Ленина, № 326. Вопросы языкознания и русского языка. М., 1969, ч. 1, с. 197; Макаревич М. И. Система склонения местоимений в южно-русских говорах XVII в. (На материале памятников деловой письменности южнорусского происхождения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1971, с. 20; Скогорев В. А. Памятники деловой письменности XVII—XVIII вв. в Государственном архиве Тамбовской области. — В кн.: Русский язык. Источники для его изучения. М., 1971, с. 212.

[17] Толкачев А. И. Указ. раб., с. 258—259.

ные письменных памятников различных русских регионов говорят о том, что орфографическая норма склонялась к написанию рассматриваемого окончания с буквой «Г».

Флексия с «Г», несомненно, употреблялась и в живой речи XVII в. Примеры в памятниках типа «ездака знакомаго» (Грамотки, № 172, 98), «бѢглаго тотарченка» (Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия, № 134, 77), отражающие акающее произношение, тоже, на наш взгляд, отражает живое произношение окончания с «Г».

В некоторых южно-русских памятниках количественная разница между употреблениями окончания с «В» и «Г» ничтожна. Это обнаружено М. В. Шульгой, И. П. Лысаковой[18]. Параллельное употребление форм с «Г» и «В» И. П. Лысакова находит в письмах из Москвы, Калужской, Нижегородской, Симбирской, Орловской губерний.

В томских памятниках первой половины XVII в. почти одинаковое соотношение между формами с «Г» и формами с «В»[19].

На основании всего вышеизложенного можно заключить, что в речи первых жителей Томска значительно преобладали формы родит. падежа ед. числа имен прилагательных и неличных местоимений мужского и среднего рода с «В», так как они преобладали в «материнских» говорах. Произношение данного окончания с «Г» также имело место, поскольку оно было свойственно некоторой части первонасельников. Однако уже в исходном состоянии томского говора в конкуренции произношений -ОВО -ОГО преимущество было на стороне флексии с «В», которая и закрепилась впоследствии в говорах Среднего Приобья, став для них единственно возможной.

---

[18] См. также работы: Лысаков И. П. Из истории окончания -ОГО, -ОВО в родительном падеже прилагательных и неличных местоимений (на материале писем XVII — начала XVIII в.). — Вестн. ЛГУ, 1970, с. 137; Семенов А. П. Из склонения имен и местоимений по данным нижегородской письменности XVII в. — Учен. зап. Моск. пед. ин-та, 1971, т. 450, с. 191.

[19] Михайлова Г. М. Формы местоименного склонения имен прилагательных в томском говоре XVII в. — В кн.: Говоры русского населения Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Грамотки XVII — начала XVIII в. М., 1969.
2. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968.
3. Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова). М., 1965.
4. Таможенные книги Московского государства 17 в. Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма. М., 1950, т. 1.
5. Хрестоматия по истории вологодских говоров. Вологда, 1975.

Т. И. СТЕКСОВА

О СООТНОШЕНИИ ЛИЧНОСТИ И БЕЗЛИЧНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ ФОРМАЛЬНО СООТНОСИМЫХ ОДНОСОСТАВНЫХ И ДВУСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В последние годы пристальное внимание ученых-лингвистов привлекает проблема формально-семантической соотносимости предложений. Ряд ученых подходит к изучению этого явления с разных сторон, исследуя синтаксическую синонимию, синтаксическую деривацию, вариативность ряда предложений и т. п.[1]. Разноаспектность подхода к изучению предложения свидетельствует о малоизученности и в то же время об актуальности проблемы формально-семантической соотносимости. Не углубляясь в теоретический и терминологический спор, примем за основу определение, данное «Русской грамматикой» (1980): «Предложения разного грамматического строения и одинаковой семантической структуры находятся друг с другом в системных формально-семантических соотношениях. Под системными формально-семантическими соотношениями понимаются принадлежащие языку регулярные возможности взаимного замещения двух или более предложений, представляющих каждое отдельный грамматический тип, но совпадающих по семантическим компонентам»[2].

В данной статье ставится задача описать один из типов безличных предложений в их соотнесенности с личными на материале среднеобских старожильческих говоров. В качестве метода сбора .и исследования материала был использо-

[1] См.: Егорова И. Н. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов). — В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967, с. 78—95; Золотова Г. А. Синтаксическая синонимия и культура речи. — В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970, с. 178—217. Она же. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 196—235; Кононенко В. И. Синонимика синтаксических конструкций в современном русском языке. Киев, 1970, с. 3—24.

[2] Русская грамматика. Синтаксис. — М., 1980, т. 2, с. 125.

ван эксперимент. Одной группе информантов (коренным жителям Колпашевского района Томской области, носителям среднеобского старожильческого диалекта без учета их возраста) предлагалось рассказать о том, как начинается и протекает гроза.

Предполагалось, что данная тема обусловит употребление информантами большого количества безличных предложений. Из полученных текстов были выписаны безличные предложения и предложены другой группе информаторов с просьбой выразить ту же мысль, что и в данном предложении, но иначе. Затем исходные безличные предложения сопоставлялись с вариантами, представленными второй группой информантов.

Анализ собранного материала показал, что в данной тематической группе все безличные предложения оказались глагольного типа, где личный глагол выступает в функции безличного. По характеру соотносимости семантического субъекта с синтаксическим субъектом весь анализируемый материал разделился на 2 группы.

В понимании синтаксического субъекта берем за основу определение, данное П. А. Лекантом: «...в плане означаемого синтаксический субъект — это носитель признака, в плане означающего — это грамматически господствующее слово по отношению к слову, в котором заключен признак... Для выражения синтаксического субъекта не существенно, имеет ли соответствующее слово в предложении абсолютно независимую форму или оно грамматически подчинено третьему слову» [3].

Говоря о семантическом субъекте, опираемся на определение Н. Н. Арват: «Семантический субъект — это второй ведущий компонент семантической структуры предложения, обозначающий предмет, который является носителем активного или статального предикативного действия, процесса или состояния, а также с ориентацией на который оценивается предикативный признак ситуации» [4].

В I группу вошли безличные предложения следующих семантических типов $S_{тв}.U$, $S_{тв}.UO_в$, $UO_в$ на $O_в$, $UO_в$ (См. табл. 1). Предложения этой группы характеризуются тем, что общая семантика этих предложений — физическое

---

[3] Лекант П. А. К вопросу о синтаксическом субъекте. — В кн.: Вопросы филологии. М., 1969, с. 198.

[4] Арват Н. Н. Компонентный анализ семантической структуры простого предложения. Черновцы, 1976, с. 8.

Таблица 1

Глаголы физического действия

Семантический тип безличных предложений	Безличные предложения	Общая семантика	Семантический тип соотносимых вариантов	Формально-семантически соотносимые предложения — варианты
$S_{тв}U$	(Годов семь назад на Павловом мысу) убило грозой (под осиновым обласком). Громом убило. Градом прямо бьет.	Физическое действие деструктивной направленности	SU, $SUO_{в}$ $S_{тв}UO_{в}$	Годов 7 назад... убило грозой человека. (...) гроза убила человека. Гром убил. Человека громом убило. И прямо град бьет.
$S_{тв}UO_{в}$	Пихту разбило грозой	Физическое действие деструктивной направленности на объект	$SUO_{в}$	Гроза разбила пихту
$UO_{в}$	Кедрач как косой скосило. Положило его весь. (А если бы он пошевелился), значит его бы убило бы. (Поди скот в это время), все бы прибило. Приклонило его, сломало. Сразу ее разорвало, расщипало, (и она загорелась). Ударило и при мне ее расщипало.		$SUO_{в}$ $S_{вт}UO_{в}$	Буря свалила кедрач. Кедрач градом скосило. Ураганом положило его весь. Его весь ветром положило. Буря положила его весь. (а если...), значит, его бы убило громом. (...), гром убил бы его. (Поди скот), гроза все бы прибила. Бурей приклонило его, сломало. Буря приклонила его, сломала. Молния сразу ее разорвала, расщипала. Ударило молнией и при мне ее расщипало. Молния ударила и при

Продолжение табл. 1

Семантический тип безличных предложений	Безличные предложения	Общая семантика	Семантический тип соотносимых вариантов	Формально-семантически соотносимые предложения — варианты
	Меня метров 15 отбросило Тучи начинает нагонять И начнет все хлестать	Действие со значением простр. перемещения Физич. фазисное действие		мне ее расщипала. Меня ударом метров 15 отбросило. Ураган отбросил меня на 15 метров. Ветер гонит тучи. Ветер начинает нагонять тучи. И ветер начнет все хлестать. И дождь начнет все хлестать.
$UO_в$ на $O_в$	Расшибло дерево на дранку. Эту лесину расщипало на лучины.	Физическое действие деструктивной направленности с конкретизацией результата	$SUO_в$ на $O_в$ $S_{тв}UO_в$ на $O_в$	Гроза расшибла дерево на дранку. Эту лесину молнией расщипало на лучины. Эту лесину молния расщипала на лучины.

действие различного характера: либо деструктивной направленности, либо со значением пространственного перемещения, либо со значением фазисности действия. Предложения этой группы отличаются тем, что в них на уровне глубинной структуры обязательно присутствует семантический субъект, хотя грамматическая форма его выражения различна. Присутствие семантического субъекта наиболее очевидно проявляется в формально-семантически соотносимых предложениях — вариантах.

Так, безличным предложениям с семантическим типом $S_{тв}U$ и общей семантикой — физическое действие деструктивной направленности — соответствуют предложения с семантическим типом SU, $SUO_{в}$, $S_{тв}UO_{в}$. Например: Годов семь назад на Павловом мысу **убило грозой** под осиновым обласком. Этому предложению носители говора дают соотносимые варианты: **Гроза убила** и **Гроза убила человека.** А предложению **Громом убило** соответствуют **Гром убил** и **Человека убило.**

Семантическому типу $S_{тв}UO_{в}$ **Пихту разбило грозой** с той же общей семантикой соответствует тип предложения, где семантический субъект выражен им. п. $SUO_{в}$, например: **Гроза разбила пихту.** Семантический тип $UO_{в}$ (физическое действие деструктивной направленности на объект) имеет соотносимые варианты: $SUO_{в}$, $S_{тв}.UO_{в}$, где семантический субъект выражен синтаксически либо им. п., либо тв. п., например, **Кедрач как косой скосило.** Ср.: **Буря свалила кедрач как косой** и **Кедрач градом как косой скосило.**

Семантическому типу $UO_{в}$ (действие со значением пространственного перемещения) соответствуют те же типы соотносимых вариантов $SUO_{в}$ и $S_{тв}UO_{в}$.

Например: **Меня метров 15 отбросило.**

Ср.: **Меня ударом метров 15 отбросило. Ураган отбросил меня на 15 метров.**

С семантическим типом $UO_{в}$ на $O_{в}$ (физическое действие деструктивной направленности на объект с конкретизацией результата) также соотносятся предложения с выраженным семантическим субъектом $S_{тв}.UO_{в}$ на $O_{в}$ и $SUO_{в}$ на $O_{в}$. Например: **Эту лесину расщипало на лучины.** Ср.: **Эту лесину молнией расщипало на лучины** и **Эту лесину молния расщипала на лучины.**

Таким образом, анализируя безличные предложения, где личный глагол выступает в роли безличного и общая семантика — глаголы физического действия, можно заметить, что типовому значению обязательно соответствуют предложения

с формально выраженным семантическим субъектом. В вариантах, где он синтаксически выражен, получается соотносительное простое двусоставное предложение: **Град бьет**, **Гром убил** и т. д.

В личных предложениях семантической субъект выступает в синтаксической функции подлежащего. Известно, что субъект может выступать не только в им. п.[5]. На уровне диалектной речи эта мысль очень четко подтверждается. Очень часто информанты II группы, формулируя предложения с данным им типовым значением, вводят семантический субъект именно в форме тв. п. существительного, например: Кедрач **градом** как косой скосило. **Ураганом** положило его весь. Ударило **молнией** и при мне ее расщипало и т. д.

Таким образом, данное отдельное типовое значение формально может реализоваться и в виде личных предложений, и в виде безличных. Как показал анализ собранного материала, носители говоров предпочитают употребление безличных форм для выражения этой тематики. Думается, это вызвано тем, что для говорящего не так важен субъект действия в этих предложениях, как результат этого действия. Наличие же синтаксического субъекта в этих предложениях представляется говорящему избыточной информацией.

Во II выделенную группу входят предложения с общей семантикой — наличие процесса как признака ситуации (табл. 2). Причем в этой группе нет такой четкой картины формально-семантической соотнесенности личности и безличности, как в первой группе.

В ряде случаев семантическому типу U, $U_{сн}$ соответствуют предложения, где субъект формально выражен, например:

Темнеет. — Небо темнеет.

Хмурится. — Небо хмурится.

В предложениях **Темнеет — Небо темнеет. Хмурится — Небо хмурится**, как можно предположить, слово **небо** выполняет лишь формальную функцию, семантически же оно не может являться субъектом. В других случаях к предложениям того же семантического типа носители говора не могут привести соотносимых личных вариантов. В предложениях отсутствует синтаксический субъект, например:

Темно делается. В голове зашумéло.

---

[5] Канцельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Таблица 2

Наличие процесса как признака ситуации

Семантический тип безличных предложений	Безличные предложения	Общая семантика	Семантический тип варианта	Формально-семантически соотносимые предложения-варианты
U, $U_{ся}$	Темнеет. Тоже заносилось, ну к грозе. Хмурится. Становится синее. Занесется так здорово, занесется, и гром гремит	Наличие процесса как признака ситуации	U, SU, $SU_{ся}$	Небо темнеет. Небо тоже заносилось, ну к грозе. Небо хмурится. Небо становится синее. Синеет. Занесется так здорово, небо занесется. Туча заносится, и (гром гремит)
	Темно делается. Затемнеет. В голове зашумело. (Это грозой называется), когда занесется так, (и гром гремит)		$U_{ся}$ $UO_{в}$	Становится темно. Затемно. ..., когда небо занесет и гром гремит. Когда занесется, и гром гремит,— это гроза
	Начало греметь, погромыхивать. И загремело, знашь, и молонья. Погромыхиват, погромыхиват маленько, а потом и сильные удары бывают. Гремит.		SU S	Гром начал греметь, погромыхивать. Гром загремел, и молонья. Гром погромыхивает маленько, а потом и сильные удары бывают. Гром гремит. Гром.

К подобным предложениям информанты или вообще не дали вариантов, или дали опять-таки безличные предложения. Анализируя предложения этой группы, можно предположить, что в отличие от первой группы здесь синтаксический субъект отсутствует не в силу языковой экономии, а в силу того, что отсутствует и семантический субъект. Семантический субъект как реальность не существует, но абстрактный, стихийный, неактивный в смысле осознанности выполнения дей-

ствия. В этих предложениях выражается лишь наличие бессубъектного процессуального состояния. Поэтому чаще всего они не имеют формально-семантически соотносимых простых двусоставных предложений.

Особый интерес вызывает лексическая группа предложений о громе. По количеству примеров это самая малочисленная группа. Безличные предложения первой группы информантов: **Начало греметь, погромыхивать. И загремело, знашь, и молонья. Погромыхиват, погромыхиват маленько, а потом и сильные удары бывают. Гремит.**

Варианты, предложенные второй группой информантов: **Гром начал греметь, погромыхивать. Гром загремел, и молонья. Гром погромыхивает маленько, а потом и сильные удары бывают. Гром гремит. Гром.**

Во всех этих предложениях речь идет о процессе, как о признаке ситуации. В некоторых случаях информанты употребляют форму личного предложения **Гром гремит** или назывное **Гром.** Чаще всего используют безличные предложения. Произнося **Гром** и **Гремит,** информанты имеют в виду одно и то же — грохочущий звук.

На наш взгляд, в предложениях **Гром** и **Гремит** происходит сближение действия и субъекта действия. По поводу аналогичных случаев в литературном языке И. И. Ревзин пишет: «Надо с самого начала заявить, что как с точки зрения синтаксической (собственно лингвистической) и семантической, так и с точки зрения логической нет никакой разницы между терминами «мороз» и «морозит», «рассвет» и «светает» и т. п. Смутные ассоциации, пробуждаемые «глагольностью» слов типа «морозит», должны изучаться в психологии, так как с точки зрения синтаксиса или логики здесь нет никаких объективных критериев различия» [6].

В наших примерах мы не может выделить реального субъекта действия, так как само слово **гром** выражает абстрактное понятие, включающее в себя и субъект действия, и само действие. В лингвистической литературе уже отмечалось, что в древнюю эпоху типовое значение — состояние природы — выражалось двусоставным предложением: Мороз морозит; Вечер вечереет; Свет светает и т. п. [7]. Появление

[6] Ревзин И. И. Формальный и семантический анализ синтаксических связей в языке. — В кн.: Применение логики в науке и технике. М., 1960, с. 137.

[7] Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1978, с. 174; Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956, с. 345.

безличных конструкций — это результат развития абстрактного мышления, поскольку в них налицо отвлечение от конкретного деятеля, вызывающего или производящего определенное действие. Такие тавтологические конструкции в редких случаях сохранились в современном русском языке и, в частности, в говорах, например:

Гром гремит. Ветер веет.

Таким образом, первая попытка рассмотреть процесс взаимоотношения личности и безличности в семантике простых предложений, объединенных темой «Гроза», на материале формально-соотносимых односоставных и двусоставных предложений в старожильческих говорах позволяет сделать следующие выводы:

1. В говорах есть личные и безличные предложения, которые связаны отношениями формально-семантической соотносимости.

2. Безличные предложения, где личный глагол выступает в функции безличного со значением физического воздействия на объект, имеют формально-семантически соотносимые варианты, в которых субъект выражен либо тв. п., либо им. п., в случае чего мы можем говорить о соотнесенности личных и безличных предложений.

3. Безличные предложения, где личный глагол выступает в функции безличного со значением наличия процесса как признака ситуации, чаще всего вообще не имеют формально-семантически соотносимых двусоставных предложений-вариантов, в ряде случаев безличные и двусоставных предложения соотносятся лишь формально.

СОДЕРЖАНИЕ

СИБИРСКИЕ РУССКИЕ ГОВОРЫ

ИБ 1088

Редактор *Н. М. Шпагина*
Технический редактор *Г. Н. Гридина*
Корректор *Г. Г. Иванова*

Сдано в набор 15/XI-83 г. Подписано к печати 27/XI-84 г. К305270.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Литературная гарнитура.
Высокая печать. П. л. 13,5; уч.-изд. л. 11; усл. п. л. 12,5.
Тираж 500 экз. Заказ 3975. Цена 1 р. 60 к.

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4
Типография изд-ва «Красное знамя», 634029, Томск, ул. Советская, 47.

1 р. 60 к.